

Валентин Богданов

Найтаки на Кавказе

В Кисловодске в 1836 году

Летопись и памятники

Последняя Найтаки

Секрет фамилии

Родословная

Кисловодск — Москва, 2017

Вступление

ГРЕК. Это слово мы слышали впервые, когда оказались на Кавказе в Эссентуках у бабушки и дедушки – родителей папы. Нас с братом эвакуировали из Москвы подальше от войны.

Мой шестилетний брат удивлялся, не понимая: «Сами Богдановы, а она (мама) Найтаки?»

Мы не понимали, почему смуглого и чёрноволосого брата звали «греческий поданный».

И совсем не понимали, когда вместе с другими детьми мы весело кричали дразнилку: «Греки-пуки, яйки в руки, побежали на Бикет!»

Война, от которой нас спрятали родители, пришла в Эссентуки. Мы с ужасом узнали, что на фронте пропал без вести наш отец. Нам было очень обидно, когда при обыске на наших глазах один сотрудник НКВД украл отцовские часы, а другой сунул за голенище сапога двухцветный папин карандаш.

Мы испытали страх депортации, когда после освобождения Эссентуков начали выселять карачаевцев, кабардинцев, чеченцев, ингушей и других жителей. Дело дошло до греков. Маме удалось получить новый паспорт, где вместо национальность «гречанка» было написано «русская».

На всю жизнь мы запомнили эти страхи, тревоги и обиды.

Уже имея двоих детей и получив тяжёлое осложнение после родов, я по совету мамы поехала на лечение в Пятигорск. В покупке курсовки там мне отказали.

Я тогда даже не расстроилась. Я ведь не знала, что

мой прадед, грек по национальности Алексей Петрович Найтаки был почетным гражданином города, купцом 1-й гильдии, городским головой Пятигорска и крупным меценатом, награждённым золотой медалью «За полезное», арендатором рестораций и гостиниц, где бывали М.Ю. Лермонтов, Л.Н. Толстой и другие знаменитые люди. Сейчас его фамилия отмечена мемориальными досками в Ставрополе и Пятигорске.

Всё это открыл для нас мой брат Валентин. Он собрал большое количество информации о нашей семье (7 поколений Найтаки и 5 поколений Богдановых) в виде книги для семейного пользования, которую он назвал «Богдановы и Найтаки, близкие и родные».

Новая книга, которую вы держите в руках, это результат исследования жизни семьи Найтаки на Кавказских минеральных водах.

Спасибо тебе, дорогой и любимый брат!

Л.А. Хаспекова (Богданова)

В Кисловодске в 1836 году

В том далёком году на уступе горы Святого духа вблизи от колодца нарзана возвышался Дом благородного собрания с известной даже в столицах ресторацией. В наше время к памятнику, показывающему портал дома, ведёт каменная лестница с бюстом М.Ю. Лермонтова и стихами о любви к Кавказу.

В 80-х годах прошлого века внизу лежал валун, украшенный бронзовой ящерицей. Однажды весной наша дочурка в праздничном наряде ползала по нагретому солнцем камню и гладила ящерку, отполированную малышами до золотистого сияния. С годами скульптурка стёрлась, но не без следа. В памяти сверкающие мазки бронзы соединились с прошлым.

Оказалось, что в тот день ровно 150 лет назад наш предок Пётр Афанасьевич Найтаки начал трудиться в этом доме и весьма успешно. Расскажу, как всё было.

*И всё прошедшее явилось,
Как тень умершего ему;
Всё с этих пор переменилось,
Бог весть и как и почему!*
М.Ю. Лермонтов, Измаил-бей, 1832

Глава 1. Посетители и работники

Кисловодское поселение просыпается. В колодце, наполненном почти до верха, бурлит ключ целебного нарзана. Негромкое бурчание сливается с шумом горной речки. В солдатской слободе и в казачьей станице перекликаются петухи. В парке распеваются пичуги. Из-за мощной горы Кабан на Джинальском хребте показываются лучи солнца и окрашивают в розовое крутые откосы Боргустанского хребта, что нависают над долиной на другой стороне реки Подкумок.

Ко двору кисловодской ресторации¹ поднялась кухарка Прасковья Семёновна. Старый солдат Нефёдыч, сторож и дворник в одной персоне, заканчивал мести двор. По указу императора он уже два года находился в бессрочном отпуске, отслужив в армии двадцать лет. На родину не поехал и жил в турлучном домике во дворе у приказчика Митрича. Она знала, что по дороге домой он зайдёт разбудить приказчика. И попросила передать, что куропаток не хватит и кофий кончается.

Скоро начнётся трудовой день. В пять часов прозвонит первый колокол перед крыльцом ресторации, приглашая курсовых на купание в нарзанах. На звон проснётся Алексей Петрович, хозяйский сын, и откроет ресторацию для завтрака.

¹ *Примечание 1*

Войдя на кухню¹, она перекрестилась на икону Лаврентия Римского в углу, от ночника зажгла свечи в шандале² на столе, сняла кацавейку³, поправила белый передник с розовой оборкой и перед зеркальцем перевязала головной розовый платок с цветочками, голубыми как её глаза.

Её помощники, девушка и мальчик, дети покойной кумы, спали на русской печи. Она позвала девушку тихонько: девичий сон чуток. Мальчика не стала будить. Помощница прошептала молитву, умылась, оделась, переплела косу, покрылась платком и повязала передник, похожий на кухаркин. Выгребла зольники и наполнила водой котёл, замазанный над очагом.

Прасковья Семёновна проверила, открыта ли задвижка дымохода, сняла заслонку и конфорки, открыла дверцу и положила в печь сухую щепу и дрова. Лучиной взяла огонь от шандала и сама разожгла печь и очаг, а то вчера помощница сплеховала и они остались без огня. Святой огонь из лампы брать нельзя, а в доме огня не нашли. Долго высекали искру из кремня и раздували трут. А заграничные спички хозяин не покупает, — дороги!

Всё! Огонь весело пляшет, дрова потрескивают, дымоход гудит. Помощница сбегала и принесла всё, что надо, из ледника, поставила согреться вчерашнее молоко и стала просеивать муку. Пока на очаге грелась вода, Прасковья Семёновна замесила и выставила к печке дрожжевое тесто на яйцах и молоке, укутав в тёплое, — скорее поднимется. Вытерла руки и занялась стряпнёй.

Помощница ласково разбудила мальчика, разоспав-

1 *Примечание 2*

2 *подсвечник на несколько свечей*

3 *распашная короткая кофта*

шегоса на тёплой печке. Мальчик поварёнок, позёвывая с молитвой, сходил во двор, принёс дрова и бросил за печь. Прасковья Семёновна велела сложить, как она учила, чтобы дрова сушились, и напомнила, чтобы не шумел на дворе. Когда закончит, будет молоть пожаренный вчера кофе. Надобно проследить, чтобы не забыл умыться.

Петра Афанасьевича, хозяина, не видно; они устали и отдыхают, – вчера, собираясь в Пятигорск, допоздна с кучером и приказчиком починяли повозку после поломки в дороге.

Приказчик Илья Дмитриевич и горничная Ксения доставили постиранное и поглаженное бельё, скатерти, хлеб и другой купленный провиант. Сложив хлеб и провиант, Илья Дмитриевич достал точильный камень и принялся вострить ножи, а Ксения, простодушная казачка, поспешила сказать очередную байку. Друзья шутят, что она сочиняет по ночам арабские сказки, о необъятной тысяче которых говорил Пётр Афанасьевич.

Нынче такую: "То не притча и не сказка, а истинная история. Вчера вечером сменяют казаков на пикете. Спрашивает их урядник: «Любо? Ну что, донцы, по коням?» Один ворчит: «Всё «по коням», да «по коням», а я «по бабам!»» Примчался до дому, слётает с коня и орёт: «Жинка, отворяй ворота!» Никого! Он с нагайкой в хату. А на постели, глазам не верит, любовник жены. Он в нагайку. Те вскакивают.

Глядь, а баба – чужая! Жена-то у него, наоборот, – хорошая была женщина, не хабалка¹! Казак остолбенел и рот раззявил². Доселе с тем дворовым соседом пьют и гуторят, пьют и гуторят – рты не закрывают. Подошло

1 *бесстыжая женщина (жарг.)*

2 *разинул (укр.)*

утро, а они пляшут лезгинку и поют частушки «Ойся да ойся, ты меня не бойся». Тулумбасов¹ им только не хватает!» Все смеются: «Знаем, кто это!»

Поварёнка любят: он получает кружку парного молока и горбушку тёплого хлеба с маслом и мёдом. К подолу казачки ластится кошка, – мурлыке наливают молока в чистую миску. Всем известно, что эта кошка замурлыкивает болезни людей по своей воле. Но говорить об этом вслух не полагается.

Явились подавальщики и буфетчик. Помощница ставит на стол подогретую вчерашнюю еду. Слуги на ходу едят и отправляются в ресторацию, где с утра немногие курсовые собираются на завтрак.

Приказчик и кухарка успели закусить и посудачить про меню, составленное сыном хозяина. Они знают, что блюдо консоме² с фрикаделями намного сложнее готовить, чем фрикасе³ из куропаток! Надобно долго рубить мясо да лепить болюсы⁴. А кому делать? Быстрее сделать ушицу! Хозяин расстроился, что из Астрахани белужью икру и визигу⁵ от Сапожниковых не привезли, а сам опять забыл купить в Пятигорске мясную мельницу. В тамошней ресторации есть, а у нас до сих пор нет!

Потом кухарка посетовала, что хозяин не нанимает вторую помощницу. Выходит, напрасно она сговорилась со сватьей. На её огорчения Митрич сказал, что не всё потеряно: хозяин Афанасич человек строгий, но, кажется, более справедливый, чем предыдущий арендатор Минай Подкуйченко из Георгиевска. Например, когда в

1 казачьи походные литавры

2 крепкий бульон (фр.)

3 кусочки мяса, тушёного в белом соусе (фр.)

4 шары, шарики (фр.)

5 высушенный спинной хрящ осетровых рыб

прошлом году начинал, Афанасич не прогнал никого из прежних работников! А уж какой он строгий! Даже с постояльцев требует плату за испорченную мебель, испачканные стены или рваное постельное. Зато какой теперь везде порядок и чистота!

После доверительного обсуждения кухонных новостей и свойств нового хозяина Митрич взял гусиное перо и они составили список покупок в Пятигорске из тех, что подешевле.

Помощница и поварёнок уже трудились. Мальчишка смолол кофе и стал подносить всё, что просят. Мух гонять некогда!

Закончив в зале, подавальщики превратились в подсобных рабочих: несут воду, обрабатывают овощи, готовят дрова, бьют живность, рубят туши, ошипывают птицу и чистят рыбу. Им кухарка доверила измельчить мясо для французских фрикаделек. И пошутила, что наши бьют, колют и рубят по-суворовски так, что всем чертям-наполеонам не сдобровать.

Когда пища печётся, жарится, кипит и томится, охлаждается и насыщается, слуги отдыхают на лавочке в тени и беседуют. Услышав призыв приказчика, поднимаются, оправляют себя и спешат к посетителям. Обед готов вовремя.

Глава 2. Встреча с ресторатором

В кисловодской ресторации я увидел Петра Афанасьевича, моего прапрадеда: плотная фигура ниже среднего роста, лицо загорелое округлое, глаза тёмные, лоб открытый, крупные уши и прямой нос, чёрные густые брови, усы и мощные бакенбарды. Одет по-деловому. Спрыснут духами. Бакенбарды и усы расчёсаны и волосы на голове приглажены. Он похож на собственного

внука Петра Алексеевича, моего деда, фотографию которого сохранила мама¹.

Пётр Афанасьевич подвижен так, что я едва успеваю за ним. Только что он был на кухне. В царство кухарки не вмешивается, но, кажется, помогает, как следует. Судя по всему, всё идёт налаженным чередом и быстро.

Пётр Алексеевич Найтаки, внук Петра Афанасьевича

Во дворе спрашивает о чём-то у кучера, занятого починкой повозки. Соглашаясь со сказанным, кивает в от-

¹ *Примечание 3*

вет. Остановил подавальщика, указал на замеченный беспорядок и, показывая блокнот, сделал короткое внушение. Из дома вышел солидный господин. Пётр Афанасьевич здоровается, слушает, что тот говорит, и отвечает, жестикулируя с пылом южанина. Выразительно благодарит. Закончив разговор, спешит на галерейку к входной двери.

Открытую дверь он закрепляет, чтобы не зацепила подносы, проверяет чистоту дверной ручки и входит уверенно в зал, где обедают. Неспешно и с достоинством проходит между столами, останавливается, разговаривает с гостями.

Он необыкновенно услужлив. Словно его лично беспокоят заботы каждого и он готов помочь, как можно скорее. Пообещав сделать что-нибудь, не отступит и непременно исполнит обещанное, не теряя ни минуты. Однако, чувствовалось, что он не забывает также о своих купеческих интересах. Не зря говорили, что он «ловок на все руки».

Пётр проходит в буфет и тихо разговаривает с буфетчиком. Снова возвращается в зал, чтобы почтительно попрощаться с очередным отобедавшим гостем.

Попрощавшись с одним посетителем, он, приятно улыбаясь, встречает другого. Отставной полковник останавливался у него в гостиницах в Ставрополе и Пятигорске. А утром кухарка Параня сказала, что приехавший вчера важный господин в летах со слугой французом сняли домик в слободке у соседки ейной кумы Горепёчки и что Алексей Петрович пошли с Митричем на базар потому, что куропаток может не хватить и кофий заканчивается. Знающий всё Пётр Афанасьевич приветствует гостя полным именем.

Полковник удивлён и отвечает:

– Пётр! И ты здесь? Недавно мы видались в Пятигор-

ске. Ты опередил меня. Значит, дела пойдут?

– Слава богу, пойдут-с помаленьку!

Пётр интересуется, как Иван Петрович доехал и всё ли в порядке. Гость передаёт поклон от общих знакомых:

– Хасновы обещались быть. Я их видал третьего дни.

– И, ваше высокоблагородие, – говорит Пётр, – они ещё на Горячих Водах, но на другой день приезжают. Для них приготовлены две комнаты. В остатней комнате живёт важный господин из Ставрополя. У меня всё занято и освободится только на четвертый день, когда Хасновы переедут на освободившееся место к статскому советнику Алексею Фёдоровичу Реброву. А близко за речкой Ольховой тоже живут курсовые. Но, разумеется, для вас найдётся приличное помещение!

Как-бы поразмыслив, Пётр быстро продолжил:

– Я знаю определённо, что нониче освобождается номер у Алексея Фёдоровича. У него, знаете ли, имеется бесплатная нарзанная купальня на одного. Коли вы решите, я спешно пошлю передать, чтобы комнату придержали за вами. Или вам надобно две? Нет?

Заканчивает Пётр привычными словами:

– Простите великодушно, могу ли быть ещё чем-нибудь полезен? Надеюсь, вы обратитесь тотчас, как составится нужда. Не угодно ли вашей милости закусить?

В ответ вместо «*Merci, monsieur!*¹», принятого в Благородном собрании, полковник произносит «Благодарю!». А ведь в Ставрополе он слышал, как Пётр разъяснял слуге Жану на французском языке, где найти прачку и сапожника! Пётр приглашает гостя: «Пожалуйте, сударь, пожалуйста-с!».

Улыбается усатому полковнику и невольно касается

1 *Спасибо, месье!* (фр.)

своих бакенбард. Вспомнилась греческая пословица «один о бороде печётся, другой – на бороду плюёт». Кажется, её русская сестра – «что имеешь, то не ценишь»! Или «каждому своё»? Какая из пословиц более точная, неважно! Пётр привык к барственному отношению гостей, – он провожает полковника к столу и с поклоном подаёт меню. Говорит: «Будьте любезны-с! *Bon appétit!*¹» И почтительно отступает.

Так бывало не всегда. Завсегдатаи рестораций знали, что иногда терпение Петра иссякало. Он вставал горой на защиту своей чести. Это случалось при неуважительном отношении к заведению.

Одному майору (называли Льва Пушкина, брата поэта), скушавшему гречневую кашу с маслом за 3 рубля 50 копеек, показалось, что это дорого и его обсчитали, записав в счёт лишний кусочек масла. Он стал скандалить, отказался платить и назвал ресторацию трактиром. Пётр оправдывался, запись цены есть в буфете. И даже просил назначить цену, какую хочет майор, если она кажется ему оскорбительной. Наконец, уступил совсем, сказав с обидой, что вообще не возьмёт денег.

Майор вышел из себя и объявил: «Да это не трактир, а кабак! И ещё самый негодный.» Тут, как рассказывают, «кротость и смирение Найтаки превратились в бешенство. Глаза засверкали и, обращаясь к буфетчику, он сказал: «Не брать ни копейки с майора по этому счёту! И вперёд ничего не отпускать, ни за деньги, ни без денег, а я подам жалобу, что опозорили моё полезное заведение именем кабака!»²

Полковнику Б. в данный момент было всё равно, какие существуют мнения о ресторации и её хозяине. И уж

1 *Приятного аппетита!* (фр.)

2 случай из романа Е. Хамар-Дабанов, *Проделки на Кавказе*, 1842

точно, ему не было никакого дела до мыслей Петра. Водопиец Б. был озабочен другим: доктор велел принимать пищу обязательно через час на один час после водопития. И водопиец смотрел на настенные часы. Он думал, что они, наверное, повешены из медицинских соображений. Необычно для ресторации! Часы показывали, что обед следует начинать через четверть часа.

Глава 3. Место, где исцелялись

Полковник Б. повернулся к окну. Ему открылась кислородная котловина между горных высей. Заметно, что здесь солнце сияет ярче, чем в лесистой местности между Бештау и Железной горой, откуда он приехал. Там было много света, но в здешнем селении больше. Он знает из персидских походов, что география права: чем выше забираешься в горы, тем больше найдёшь света, жары и прохлады тоже.

Отчётливо видны балки и ущелья. Там в низинах текут быстрые речки и ручьи и в изобилии растут кусты и трава. Но выше на склонах гор сквозь траву просвечивают каменистые плечи. Травянистые склоны прочерчены горизонтальными тропками, пробитыми пасущимся скотом. Тропки осторожно обходят обрывистые уступы и отдельные скалы причудливых форм и всевозможных цветов: белые, светло-серые, синеватые, желтоватые или даже красноватые. Кое-где чернеют входы в пещерки, издали похожие на удивлённые тёмные глаза, неотступно наблюдающие, что происходит внизу.

Местные старожилы рассказывали, что в здешнем источнике тысячу лет назад и веками позднее кавказские богатыри *нарты* обретали божественную силу, крепкое здоровье и сказочное долголетие. Они многократно омывали себя целебным нарзаном снаружи и

внутри. Как мы! И призывали святых хранителей племени и всеблагого господина ниспослать им благодать гор.

Развалины христианских храмов и племенных святилищ до сих пор можно видеть у подножия Шат-горы, по-другому, Эльбруса, но молитвенные тексты, продлевающие жизнь, исчезли. По преданию, их спрятали священники, когда полчища Тамерлана убивали местный народ. Вода богатырей или *нарт сана* вытекает по-прежнему из-под ледников великой горы и насыщается силой в недрах освящённых земель. Однако, волшебство древнего бессмертия исчезло.

Когда государю доложили о тайне, он послал в здешние края профессора Нелюбина Александра Петровича, ставшего позднее академиком медицины. Профессор измерил состав нарзана и других кавказских вод, и обнаружил, что они лучше европейских, но не нашёл схрона с молитвенными текстами.

Однако, некоторые люди уверены, что нашёл, но не смог прочитать, – на молитвах лежало заклятие. Поэтому в наше время сила нарзана лечит недуги, но не творит долголетия. Впрочем, все знают, что на Кавказе горцы живут до преклонных лет. И заметьте, чаще, чем где-либо ещё. Это неспроста! Понятно, полковника Б. интересовало, как здесь пользуют больных. Полковник поступил так, как ему подсказывал опыт. В былые годы он разъяснял молодым офицерам мнемонический девиз, как «уконтропупить врага на семь у»:

– В бою каждый храбрец-мудрец не зевай: поспешай, как едрёная блоха! Но прежде, чем гарцевать, исполни семь командирских курбетов¹: первое – у-знай противника, второе – у-станови дислокацию², третье – у-строй

1 *высокий прыжок коня с поджатыми передними ногами*

2 *размещение на территории*

свою диспозицию¹, четвёртое – у-крепи комбатантов², пятое – у-кажи дирекцию³ Запомнили? Противник, дислокация, диспозиция, комбатанты, дирекция. И вперёд с громким У-РА!

Вникнув в речь полковника, по-уставному трудную для понимания, какой-нибудь умник делал замечание:

– Ваше высокоблагородие, у вас не «на семь», а «на шесть у»!

И получал громоподобное внушение:

– Это кто?! Смирно! В-седьмых – противник У-НИЧТО-ЖЕН! Заруби себе на носу!

Следуя девизу, старый воин начал день в Кисловодске с рекогносцировки⁴. Обозрел всё с возвышения, спустился и пересек слободку, зашёл на базар и, наконец, вышел к источнику. Вчера, проезжая мимо, он видел вскользь лишь очертания колодца. Выдумщица внучка сказала бы, что над источником сооружена кровать без полога. А он, подыгрывая, пояснил бы, что на ней отдыхал на свежем воздухе божественный врач Асклепий после сотворения нарзана с помощью дочери Панацеи. Нынче полковник подступил к колодцу, чтобы видеть всё точно.

Колодезный сруб в форме удлинённого восьмигранника аршинов⁵ пять в длину и почти три в ширину покрывали доски вровень с землёй. В досках возле дальних граней сруба темнели два отверстия. Поднятые крышки опирались на подставку в центре сооружения, точно спинки кровати. Над углами сруба были установлены на

1 *порядок расположения*

2 *соучастники военных действий*

3 *направление*

4 *командирская разведка противника*

5 *1 аршин = 0,71 м*

низких тумбах бочонки. Сколько их, полковник не считал, и так было ясно. Бочонки соединялись деревянными решётками, образуя ограждение. Сооружение было окрашено с выдумкой и старанием дикой краской¹ и ярью².

Против отверстий были оставлены подходы к воде. В колодце ледяная вода неровно бурлила, большие пузыри газа хлопками прерывали шум кипения и создавали туман из брызг. В целебную воду опускали стакан на шнуре. Черпать было неудобно, но правильно для богини Гигиеи, другой дочери Асклепия, потому, что отверстия в колодце находились низко и руки водопийцев не загрязняли источник.

Остатки воды из стаканов сливали в лоханки над бочонками, чтобы не создавать сырости под ногами. Полковник узнал, что правильно пить – это отпивать половину стакана, чтобы предохраниться от песка, нередко попадающего в стакан из бурного источника. Слитый в лоханку остаток воды стекал по подземным желобам в побочный деревянный бассейн, обложенный камнями и окружённый перильцами.

В двух шагах от колодца стоял деревянный грибок с круглой крышей и обручем, из которого торчали двадцать железных крючков. На них водопийцы вешали стаканы для сушки. На колодец открывались две галерейки. У каждой железная крыша и три деревянные стены. Стены покрашены жёлтой краской, а крыша ярью. Внутри глиняный пол, посыпанный песком, и лавка для сидения. Сделано, чтобы в галерейке курсовые, защищённые от непогоды или солнца, могли отдыхать, общаться, а также ждать, пока собирается нужная пар-

1 *кажется, суриком*

2 *зелёная краска на окислах меди, называемая также медянкой*

тия для купания. Многие предпочитали прогуливаться под открытым небом. Околонарзанная площадка была обширна, зачищена от травы и посыпана отличным хрустящим под ногами хрящём¹.

В двадцати саженьях² от колодца находился домик гауптвахты для поддержания порядка. Военный наряд особенно следил, чтобы лечившиеся не ссорились из-за очереди на купание и не били служителей. Тут же протянулись друг против друга два купальных сарая с жёлтыми деревянными стенами и зелёными железными крышами: левый для кавалеров и правый для дам.

У сарая крыша с одного бока выступала на столбиках и прикрывала входы на случай непогоды. За входом обнаруживали кушетку с чистой простыней. Раздевались, отдёргивали занавеску и сходили по ступеням к овальной деревянной ванне, опущенной вровень с полом. Служитель уже выложил стенки ванны простыней и наполнил тёплым «разводным» нарзаном. Суконные перегородки между номерами позволяли пациенту при надобности звать служителя и переговариваться с соседями, не выходя за пределы естественной скромности.

Молодёжь купалась по совету врачей под душем. В душевом отделении струи холодного нарзана лились из ящика, поднятого над деревянным бассейном. Слышались крики от острых ощущений. Отхожие места располагались в конце сараев.

Тыльные стороны сараев и высокий забор окружали хозяйственный двор, на котором готовили нарзан для лечения. Во двор въехала одноконная тележка, управляемая солдатом. Через раскрытые ворота полковник видел, как служительница из одного сарая и служитель

1 *горный гравий*

2 *1 сажень = 2.13 метра*

из другого выносили корзины с мокрым бельём. Солдат соскочил с тележки и стал поднимать подаваемое в тележку, заигрывая со служительницей.

Вдоль двора в два ряда стояли на подставках шесть больших самоваров. Четыре дымили. Дымы раздражали обоняние и коптили крыши и стены.

Когда утром на базаре он и его крепостной человек Осип покупали горячий хлеб для завтрака, полковник слышал, как аборигены называли ванное хозяйство «винокуренным заводом». Молодка, у которой он торговал яйца, молоко и солёный сыр, весело объяснила, что «завод» дымит давно, – в турецкую войну лечил раненых.

Базарные люди знали, что такое обратная сторона войны, а многие сами прежде воевали. Рядом то ли сидел, то ли стоял инвалид совсем без ног и с нижней частью тела в кожаном чехле, который ему приходилось при «ходьбе» переставлять по земле, раскачивая тело на вытянутых руках, опирающихся на деревянные копыта. Он весело предложил покупателю молодого «картофлю», «чёртовых яблок» по убеждению упорных старообрядцев. Полковник знал, что чуть не половина кавказского казачества была старообрядцами. Инвалид вынул изо рта трубку и, смеясь, добавил к словам молодайки: «Дымит хуже винокуренного!» Сплюнул на сторону и риторически спросил: «Разве можно пускать дым на священную особу императора?»

Полковник знал, что на Кавказе готовились к приезду императора. Постройки были отремонтированы и покрашены, повсюду чистота, площадки и дорожки выровнены и присыпаны свежим хрящем, а бурьян скошен на обочинах. Даже здесь, на закрытом дворе купального «завода», всё было, как на новенькой картинке, чисто, аккуратно и покрашено недавно.

Пожилой солдат, взявши уголь из ящика и поленья

из поленницы у забора и поднявшись на подставку, заполнял железную трубу самовара. Труба с горящим топливом грела водяной объём огромного ушата – сажень в высоту и три четверти в диаметре, сплоченного из сосновых досок железными обручами и накрытого крышкой. Спустившись с подставки, солдат попробовал рукой самоварный бок. Другой солдат, помоложе, качал деревянный насос. Нарзан поднимался из хранилища, соединённого подземной деревянной трубой с источником. В ванну нагретый и холодный нарзан поступал самотёком по деревянным трубам через медные краны.

Обойдя обширную площадку у нарзана, полковник определил диспозицию. Надо было привязать её к сторонам света. Компаса при нём не было, и он вытащил брегет. Открыл под мелодичный перезвон репетира. Часы показывали десять пополуночи. Он направил короткую стрелку вдоль края тени, падающей от угла галереи. Потом взглянул по направлению посередине между стрелкой и одним часом. И понял, что в поселение он въезжал с севера.

Убрал брегет. Достал из кармана куртки записную книжку и карандаш. Присел на лавку и принялся методично рисовать кроки¹ и писать пояснения.

Сначала он изобразил правую, восточную, сторону ровной площадки. Отсюда он начал обход. По счёту шагов он прошёл, если округлять, сто саженей. Тут был вход в парк и возвышалась ресторация, а перед ней стоял столбик с крышей и двухпудовым колоколом. Звоном особый сторож приглашал каждые полчаса на ванны.

Через проулок на склоне раскинулась усадьба отставного статского советника Реброва с барским домом, флигелями и другими помещениями под зелёными

¹ набросок плана расположения войск

крышами.

Источник нарзана (по карте Озерского, Кречетова, 1829 г.): 1 – часы (предположительно), 2 – колодец и галереи, 3 – ваннные сараи, 4 – парковый променад, 5 – брод через реку Ольховую, 6 – река Берёзовая, 7 – казачий пост, 8 – мост, 9 – шлагбаум, 10 – усадьба отставного статского советника А.Ф. Реброва, 11 – гостиница с ресторацией и кухня.

На западной стороне нарзанной площадки саженях в

семидесяти напротив усадьбы и за ванными сараями сливались речки Берёзовая и Ольховая. Над слиянием на невысокой Казачьей горке стояла неказистая вышка и за оградой помещались покрытые сеном балаганы из плетня. Там был сторожевой казачий пост.

На северном краю площадки виднелись полосатая будка, поднятый шлагбаум и бревенчатый мосток без перил через пересыхающий ручей, начинающийся в кустах перед усадьбой Реброва.

Когда проезжали мосток и нарзанную площадку, извозчик рассказал, что там, где сейчас ручей, раньше бежала речка Ольховка, пока солдаты в одно лето не выкопали другое русло подальше от колодца, чтобы речка при большой воде не заносила мусором нарзанный колодец. И добавил, что нарзан из источника стекает в речку, проходя ванные сараи. Тяжелых больных возят на купание из слободы через брод. В половодье переправа невозможна и все считают, что пора делать крепкий мост.

Полковник нанёс карандашом новое русло и брод. Закончив рисовать, убрал готовые кроки в карман. Этот и другие рисунки он покажет домашним и соседям, рассказывая о целебном нарзане, природном сокровище Кавказа.

Глава 4. Лечение и торговля

За кисловодской речкой Ольховой, шумно прыгающей по каменистому руслу, стояли неприглядные холщовые балаганы как раз там, где сходились дороги и тропинки. Такие же придорожные торговые палатки полковник видел в Пятигорске.

– Куда ни глянешь, везде одно и то же: «подешевле покупаем и подороже продаём», – думал он, переходя

речку по мостику. – Этот обычай Адам Смит считал природным свойством людей. Как ловко шагают в ногу медицина и коммерция! Посмотрим, чем торгуют, но не забудем о лечении! – рассудил он, подходя к прилавкам.

Разложен был обиход, знакомый по Пятигорску: вино, табак, чай, кофе, сахар и прочее, а также галантерея, вязаные вещи, стаканы, курительные трубки, мохнатые шапки, оружие и украшения.

Тут он удивился. Перед ним лежала изящная самшитовая трость. Он знал, что кавказский самшит прочен, как железо. Лакированное дерево покрывала арабская вязь, инкрустированная серебряной проволокой, и набалдашник был сделан из серебряной пуговицы с двуглавым орлом. Такая пуговица, он слышал, украшала трость Александра Пушкина.

После приветствия «Ас-саляму алейкум!» и ответа «Уа-алейкуму ас-салям!» торговый гость, судя по густой бороде, не тунгус и не калмык, перевел надпись, с акцентом произнося русские слова: «Равны перед богом и гуляка и постник, но лучше в добрых делах найти *тарикат*». И сказал, что так написал бессмертный поэт Хафиз Ширази, великий знаток священного Корана.

Полковник подумал: «Чудесно Кавказ соединяет поэтов и вдохновляет мастеров!» Почувствовав явный интерес покупателя, торговец пояснил, что *тарикат* означает на арабском языке путь служения и высшую ступень познания всемилостивейшего Аллаха, и закончил: «Пусть на этом пути нами руководит мудрость пророка Мухаммада! Салл-ал-лаху аллейхи ва саллам! Да благословит всевышний и приветствует!»

В открытое окно ресторации задувает ветерок и колышет белые коленкоровые шторы с рисованными золотыми веночками, розовой бахромой и кистями. Вете-

рок пахнет травами и приятно освежает лицо. Полковник доволен: нашёл жильё, организовал лечение, купил *souvenir*¹ и теперь переживает положенное время от водопития до еды. По совету врача, известного по армии и Петербургу, он выпил неспешно полдюжины стаканов нарзана, прогуливаясь по площадке.

Его цветной с вензелем стакан, оплетённый шёлковым шнуром, сноровисто опускал в колодец за одну полушку² увечный георгиевский кавалер с медалью, прикреплённой прямо на рубаху. В колодце холодный нарзан кипел так бурно и лопался такими крупными пузырями, что над водой клубилось лёгкое облачко из брызг.

Кавалер спросил, продолжать ли брать нарзан подле пузыряей. Полковник слышал, что нарзан, насыщенный газом, самый полезный. Но доктор уверял, что даже нагревание в ванном самоваре, где часть газа теряется, не делает нарзан менее целебным, а после пятигорского курса благое действие нарзана даже усиливается.

Однако, офицер чувствовал, что солдат прав, и манкировал мнение врача. Кавалер получил пятиалтынный³ за услуги наперёд и обрадовался, когда услышал, что в конце его ждёт полтинник на вино, если всё будет, как надо. На высказанное вслух соображение: «Пожалуй, стаканы роняют в колодец!» поспешил ответить: «Случается, но у меня не бывает, ваше высбродие!», — давая понять, что красивый стакан, оплетённый шелком, а не соломой, он сбережёт обязательно.

Под ласковым утренним солнцем полковник неспешно ходил возле колодца по обширной площадке,

1 сувенир, подарок на память (фр.)

2 четверть копейки

3 1 алтын = 3 копейки

опирался на остановки на новую трость, получал от кавалера полные стаканы, половины пил с перерывами между глотками и выливал железистые остатки в лоханку на бочонке. Убитый¹ хрящ с песком шуршал и скрипел под ногами, холодно-кислая шипучая вода нравилась, но от долгого питья замутило до отрыжки. Закончив водопитие, он отдал увечному воину стакан. Кавалер повернулся на деревянной ноге к столбику с крючками, из почтения повесил стакан повыше на крючок и показал на человека с журналом:

– Вам, высбродь, к купальному смотрителю.

Полковник сказал тому записать по две разводные ванны на другие дни, всего две дюжины ванн, заплатил, расписался и получил билеты. Полу часовой сеанс подешевел: прежде стоил семь рублей, а теперь всего один целковый²! По правилам можно было получить сеанс с пяти утра до одиннадцати дня и с трёх до семи вечера, а когда пациентов много, даже до девяти. Смотритель называл по-армейски «пополуночи» и «пополудни».

Спорить не пришлось: оставалось надлежащее время для отдохновения. Своё дело сделал полуимпериал³, положенный на книгу регистрации. Здешний народ особенно ценил дарёное золото. Полковник не жалел, что не возьмёт ванну у Реброва. Неизвестно, в какую очередь она досталась бы. Покинув источник, пофланировал, взмахивая тростью на манер, принятый на Невском проспекте.

Прогуливались группки пёстрого сборного общества. Разнообразно одетые чиновники, купцы и просто помещики, многие с супругами и дочками, искали исцеления

1 *утрамбованный*

2 *серебряный рубль*

3 *монета 5 рублей золотом*

и развлечения. Одни дамы несли зонтики, другие влекли деток или собачек. Пожилые курсовые наслаждались прохладой на скамейках под деревьями, молчали или беседовали. Любители цветов ходили между клумбами.

Питьё нарзана (по акварели И. Я. Мейера, 1843)

За важными персонами следовали адъютанты или свиты. Около богачей лебезили приживалы. Попадались болезненные черноризцы. Много было военных.

Нарзанный неофит полковник Б. раскланивался с курсовыми, представленными ему ранее в Пятигорске и на Железных водах, и говорил дежурные фразы. Стари-

чок в бархатном сюртучке, отставной штаб-ротмистр из Пятигорска, сосед родственника его сослуживца пригласил присесть рядом и стал нудить по-родственному, пересыпая новости сплетнями.

Начал с нарзана. Старичок одобрил назначения, сделанные врачом, но посоветовал пить с утра меньше и медленнее и увеличивать число стаканов постепенно день за днём. А ещё не увлекаться питьём: нарзан сильная вода! А то некоторые чудаки жажду здоровья превращают в особую жажду пить и выпивают за день четверть и даже половину ведра себе во вред!

Потом беседующие отметили, что жилья на Кавказских водах не хватает. Вот приедет император и наведёт порядок, а то, куда это годится, сдают калмыцкие кибитки с остеклённым окошком. В дворянских домах за две комнаты берут по 10-12 рублей в сутки, когда корову можно купить за 15 рублей. В Кисловодске жить и лечиться дороже, чем в Пятигорске.

Штаб-ротмистр считал, что курсовая публика – сплошь горе без ума! А в нарзане газа меньше, чем в пятигорской воде. Да ещё один немец собирается тратить газ от нарзана, чтобы насыщать молоко и делать из него лекарство. Изобретатель забыл, что для немца хорошо, то для русского смерть. Полковник, смеясь, поправил старичка: «В точности наоборот!»

Главнокомандующий барон Розен не доволен городской планировкой Пятигорска. Но, по общему мнению, он ничего толкового не делает, занимается одной Грузией и не активен на фронте против горцев. Говорят, что там появился новый вождь, какой-то Шамиль. Полковник согласился и сказал, что Алексей Петрович не допустил бы такого. Оба знали Ермолова.

Они наперебой критиковали *cette mauvaise cuisine*

*dans le style Néotaki*¹. Общим мнением было, чтостряпня Найтаки не такова, сколько за неё берут. Старичок называл ресторацию трактиром, очевидно, по давней военной склонности, и вспоминал, как голодая неделями в походах, они радовались гнилым сухарям, а чурек² казался слаще пирожного. Наконец, сошлись на том, что еда у Найтаки терпима, ибо сказано: «Не хули руку, хлеб дающую».

Тут же старичок стал восторгаться, как вышколены по-европейски подавальщики в ресторации. Одеты, как в строю и носятся, как метёлки. Однако, несмотря на строгости, дело Пётр ведёт по-домашнему. Даже в долг отпускает блюда. Знает ли об этом полковник?

В рощице у речки заиграл хор военных музыкантов. Оба собеседника вспомнили своих песенников и трубачей. Потом сосед посетовал, что в пятигорском госпитале прибавилось раненых и, стало быть, не следует хору музыкантов веселить публику на променаде.

Полковник отделивался междометиями. Его утомили длинные стариковские рассуждения с бесконечными повторами. Нить рассуждений то и дело терялась. Наконец, чувствуя досаду, он сказал старичку, что вдруг увидел приятеля и должен срочно переговорить о важном, пока тот не ушёл на ванны.

– Здравствуй, *ma cher!* – расцеловался с ним толстый шпак³, шурин троюродного брата, приехавший на нарзан прежде полковника. Расчувствовавшись ни с того ни с чего, шурин начал с пылом объяснять *une action morale de la musique*⁴ для нарзанного курса, когда при

1 эту дурную кухню в стиле Неотаки (фр.)

2 пресный хлеб в виде толстой лепёшки

3 не военный (презр.)

4 моральное действие музыки (фр.)

водопитии играет хор из тридцати музыкантов поутру и в вечеру. Стал восторгаться, что недавно Пушкин, знавший вкус нарзана, напечатал в «Библиотеке для чтения»: «...и очутятся на берегу, в чешуе, как жар горя, тридцать три богатыря ...». *Magnifique*¹! Да, что я рассказываю тебе? Определённо, ты уже читал!

Тут ударил колокол, призывавший на купание, и толстяк заторопился: «Моё время! Иван, договорим позже! Встретимся в четыре пополудни здесь у камня». И, не дожидаясь ответа, побежал к купальне. «Точно, – подумал полковник. – Ты к ним *la glace est rompue*², а они ишо вчерась умом рехнулись! Слава богу, я не встретил никого из близкого круга и свободен от визитов! Пришло время для *excellente promenade en plein air*³!»

Полковник был в предвкушении – его ждала восхитительная прогулка в парке! Перед ним открывался променада и начинался он от того самого камня, у которого была назначена встреча с родственником.

На пути к променаду полковнику открылась беседка-грот прямо под лестницей, поднимающейся к ресторации. Вход в беседку был облицован диким камнем, но подпорных колонн не было, в отличие от пятигорского грота Дианы. «Историческое место, – сказал он себе – пещеру промыла вода, а мозаика на стенах, наклепленная из окаменелых раковин, рыб и водорослей, найденных в окрестностях, точно доказывает, что здесь было море от Понта до Каспия».

В прохладном полумраке в клубах ароматного дыма больные сидели полукругом на диване, покрытом восточными коврами. Неспешно пили кофе из маленьких

1 *Великолепно (фр.)*

2 *лёд треснул; сделал шаг к установлению отношений (посл. фр.)*

3 *превосходная прогулка на свежем воздухе (фр.)*

чашек. Изредка обменивались негромкими замечаниями, но больше молчали и с важным видом брали трубки с длинными чубуками, которые подавал слуга в феске¹, раскурив их как настоящий турецкий чубукчи. Полковник удивился: «А в Пятигорске-то врачи запрещали кофий!»

Затем он зашёл в аптекарский домик при начале променада. Всё в нём было, как везде. С полок смотрели тёмные и белые банки-склянки с надписями на латыни, лежали порошки в бумажных завёртках и коробочках, висели на стене пучки трав и мешочки. На прилавке за стеклом извивались голодные пиявки. Рядом аптекарские весы, хирургический инструментарий, химическая посуда, ступки с пестиками, корпия, бинты и стопка назначений ожидали поражённых недугом. Важный аптекарь сказал, что у него имеются целебные травы. Из них он сделает превосходные лекарства, проверенно спасающие от самых застарелых болезней. Кавказская природа обладает мощной силой! Но полковник аптек не любил и, купив английской соли² для слуги, поспешил наружу. Вдогонку аптекарь проговорил: «Чудесная соль! Заходите ещё!»

Тенистая аллея вела его по широкой дорожке. За кустарниковыми бордюрами превосходно росли тополя, липы, шелковицы и акации. Виднелись новые посадки, но не было сосен и елей. «В Пятигорске есть аллея из сосен. В Кисловодске они тоже приживутся, – решил он. – На Кавказе ели и сосны не редкость. На память о родных пенатах я бы их, точно, посадил». На взгляд просвещённого помещика, а таковым его считали сосе-

1 шерстяной тёмно-красный колпак в виде усечённого конуса с цветной кисточкой наверху

2 глауберова соль, сернокислый натрий – сильное слабительное

ди, парку было лет десять. Солдатка, у которой он остановился, называла парк «публичным садом», очевидно, потому, что посадили эту красоту для услаждения публики.

Деревья отцвели и ароматический запах уже не дразнил обоняние, как на Горячих и Железных водах. Воздух был свеж, прохладен и слегка обвевал запахом скошенной травы. Чувствовался контраст действия жаркого солнца и охлаждённого воздуха. Прохлада исходила от холодной речки, прыгающей бесчисленными водопадами рядом с променадом. Шум воды успокаивал.

Утомлённый старый воин присел на чистенькую скамью. Ощущения были замечательные. Прежде он не чувствовал ничего подобного. Молодые деревья, свежий воздух, глубокие тени, яркое солнце и бурлящая чистая вода – всё в парке было пропитано святой мощью жизни. Казалось, божественная сила нежила тело, а душа сливалась со вселенной. Вспомнилось откуда-то: «*Il semble que mon âme a reçu un plaisir absolu dans l'attente de la rémission des péchés*»¹.

Мечтать сладостно, но болезни не позволяли ему забыть: впереди ждало лечение. Полковник поднялся и пошёл дальше. Навстречу попадались шагающие водопийцы. Двое рабочих в потной солдатской одежде убивали трамбовками промоину, подсыпая лопатами хрящ и песок из ручной тележки. Парковая аллея тянулась более версты². Наконец, полковник перешёл зелёный мостик со ступенями, перилами и вертушкой и вышел на поверхность скалы, отшлифованную потоком воды.

1 *Мне кажется, что моя душа получила абсолютное удовольствие в ожидании отпущения грехов (фр.)*

2 *1 верста = 500 сажень = 1.06 км; точно измеренная главная аллея от источника до водопада составляла 544 сажени.*

Здесь променад закончился.

Глава 5. На обед после прогулки

В конце променада плетень и плотный ряд кустов колючего лоховника защищали парк от скота. Тут же росла рощица ольхи. Правильно речку называли Ольховой! Не называть же её Лоховой¹?

Полковнику открылась восхитительная картина. Сверкающая вода, разогнавшись на ложе между горными склонами, мощным и шумным потоком вылетала на гладкую скалу и с силой прыгала по природному каскаду из ямы в яму. Из кипящих ям летели брызги и веяло прохладой. Он опустил ладони в ближнюю. В ледяной и прозрачной воде стояли форели, укрывшиеся от течения. Они заметались, когда он умывался.

Вокруг воды бегали озабоченные трясогузки, ловившие мошкару. Скворец короткими перебежками мелькал под кустами и ловко выхватывал червей из земли. Нахальная сойка сверкнула синевой из тёмной зелени. У берега страстно чирикали воробьи. Они дружно трясли куст, трепеща крыльями и перескакивая с ветки на ветку. Где-то гуркала горлица, едва слышная сквозь шум воды. Повсюду звучала жизнь. Воистину, здесь был первозданный райский уголок!

Он вынул копейку из портмоне и забросил в речку. «Надеюсь, – подумал он, – вернусь сюда когда-нибудь! Для здешних духов монетки достаточно и не требуется развешивать тряпицы на ветках, как делают в Грузии и Персии, ублажая тамошних идолов. Господь использует суеверия, чтобы испытывать легковерных! Дьявольские наваждения ещё живы!» Вдали кукушка прокуковала чью-то судьбу. В примету он не верил и, не посчитав та-

¹ *Примечание 4*

инственные «ку-ку», повернул назад.

С трудом преодолев обратный путь, полковник почувствовал, что нынче ему не сделать *plus de cinq fois*¹, как назначил врач, к которому он обратился по совету Хасновых. Утренний поход на соседнюю гору утомил. «Уф, вот грот и ресторация», – с облегчением пробормотал полковник. Запыхался, когда всходил по лестнице. Постоял, разглядывая ресторацию и вдыхая ароматы кофе и табака, поднимающиеся из грота. В сильных ароматах терялся цветочный дух от новых клумб, устроенных внизу в ожидании императора.

На фоне гор здание ресторации впечатляло. Ёлки-палки, это был на самом деле старинный царский дом, о котором ему рассказывали!² За рядом зелёных тополей под изумрудной кровлей светились жёлтые стены и сверкали высокие окна в белых наличниках с жёлтыми ставнями. На север и юг выступали два обширных крыла. В середине красовался изящный белый портик с треугольным фронтоном и четырьмя парами дорических колонн над балконом с балюстрадой. Три ступени вели на балкон, окружённый перилами с точёными балясинами.

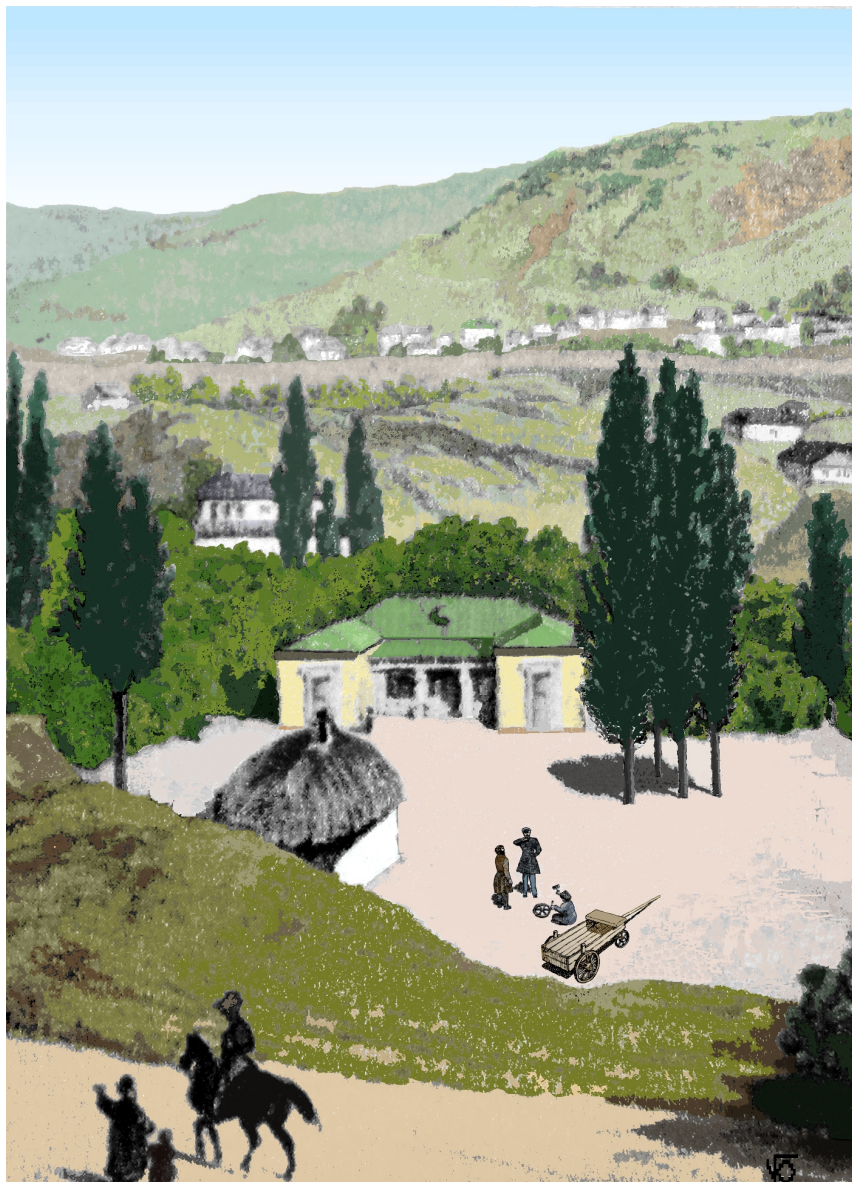
От вони краски, сохнувшей на доме, забулькал нарзан в животе и опять подкатила ко рту отрыжка, но он удержал её в себе, чтобы не прослыть дилетантом перед нарзанными патриархами. Он верил, что десять-двенадцать стаканов нарзана, выпитые за день в два приёма, и две ванны ему помогут, несмотря на продолжающиеся расстройства желудка.

Он привык терпеть ещё в Пятигорске отвратительное лечебное питьё. Нарзан, хотя бы, приятно пить. Замеча-

1 *больше пяти раз (фр.)*

2 *Примечание 1*

тельно, что после пятигорского сидения в горячей воде, голубой от серы, у него наступило душевное спокойствие и прошла телесная расслабленность. Больная спина и старые раны напоминали о себе менее прежнего.

Во дворе ресторации (по литографии Э. Сисэри, 1856 г.)

Но ему было неприятно, что он похудел. Зато реже случается одышка и он может много гулять.

Что будет после нарзана? Врач предупредил, что по-

сле кисловодского нахкурса¹ он некоторое время будет чувствовать себя не достаточно хорошо, но потом забудет о болезни года на два-три. Затем следует полечиться снова. Полковник совершенно уверился в излечении. В следующий раз он обязательно уговорит свою Авдотью Гавриловну поехать с ним.

Он немного походил, чтобы живот успокоился. И услышал разговор за углом дома. Двое – один из них, судя по голосу, ресторатор Пётр, – говорили о каких-то торговых обозах в Ставрополе. Было совершенно неинтересно. Но тут полковник прислушался. Заговорили о пользе сывороточных продуктов. Пётр рассказывал о местном айране и о «вечном» освежающем напитке су-саб, играющем как шампанское. Пётр упомянул, что этот напиток горцы отлично готовят на нарзане. «От этого может быть прибыль!» – подумал полковник. Он не был Гобсеком, просто ему нравилось хозяйствовать.

Отдышавшийся полковник взошёл по ступеням на крыльцо. На стене у балкона висел список правил под табличкой «Дом благородного собрания». В конце увидел прикреплённое объявление, что сегодня после ужина в восемь часов назначен бал в благородном собрании и билет за два рубля с полтиной можно получить здесь. Из открытых окон слышался людской говор и пахло едой. Отворенная дверь приглашала войти.

Гость кладёт рядом шляпу и трость, переводит дыхание, откидывается на спинку стула, вздыхает, распрямляет гудящие ноги, поправляет влажный фуляровый платок на шее, достаёт из кармана другой фуляр, оттирает лоб и с интересом оглядывает заполненный публикой светлый обширный и высокий зал.

1 *Nachcur* – долечивание (нем.)

Вот, не думал, что найдёт такую роскошь посреди здешней пустыни! С небесно-голубого потолка свисают две позолоченные люстры, каждая на два десятка подсвечников. На стенах, оклеенных зелёными обоями, красуются вызолоченные жирандоли и зеркала в рамах из красного дерева. Задник с окнами во двор отделяют от зала белёные по полотну четыре колонны, подпирающие белую антресоль с балюстрадой. За колоннами стоят сложенные ломберные столы. Краска на полу не стерта ногами. Чехлы из пестрядины облегают мебель. Табуреты у стен и стулья у столов сделаны как-будто из красного дерева. На подушке стула приятно сидеть. На столах белые скатерти с розовой бахромой и свежие цветы.

Зал украшен по-европейски. Прислуга наряжена в белые фартуки, белые рубахи, чёрные жилеты с галстуками и у каждого на руке полотенце, но нет перчаток. Видно, что они отлично вышколены и совсем не походят на развязных *garçons*¹, которых он наблюдал, когда после европейского похода квартировал в Париже и вкушал французскую *est fine cuisine*². Двадцать лет пролетели, а ему всё кажется, что великая победа была вчера.

Он смотрел, как неулыбчивые *garçons russe*³ лавируют между столами, показывают усердие на славянских лицах, склоняются, принимают заказы. Приносят поднятые подносы с расписными тарелками и черными горшочками, из которых идёт ароматический пар от аппетитной еды, недавно росшей, бегавшей, плававшей и летавшей в окрестных горах. Получив заказы, спешно несут графины, штофы и просто бутылки «какого вам угодно» вина из буфетной. Нахваливая, наливают в бо-

1 гарсоны, мальчики (фр.)

2 тонкую кухню (фр.)

3 российские гарсоны (фр.)

калы. Получив плату, убирают столы. За всем наблюдает отменно одетый ресторатор Пётр. Чувствуется, что подавальщики вымуштрованы, как солдаты на парад.

Собравшееся в зале общество хорошо пьёт, чинно ест и охотно беседует. Слышатся фразы на модном языке, звенят бокалы и в паузах постукивает столовое серебро. Оживлённая компания элегантных юнцов и барышень требует шампанского и мороженого. У дальней колонны скромно сидит за столом интересная троица. Брюнетка с локонами по английской моде и пожилая дама в тёмном ласково смотрят на загорелого мужчину, обедающего перед ними.

Ресторатор Пётр подсел к ним и они заговорили негромко и доверительно. Мужчины показались полковнику необыкновенно похожими: большие бакенбарды, усы, прямой крупный нос, открытый лоб и одеты как-то одинаково. «Странно, – подумал он – впервые вижу столь похожих греков. Почти, как близнецы. Да, эти двое, точно, родственники!»

И он вспомнил дом и семью. А при взгляде на компанию обедающих военных представил своего младшего сына, гусарского поручика в Кавказском корпусе. Он гордился им. Начальники, товарищи по прежней службе, в дружеских письмах отзывались о сыне одобрительно.

За дальним столом молодые военные переговаривались по командирской привычке громко и категорично. Одеты в плохо сшитую одежду провинциального покроя, но не обтрёпанную. Сюртуки¹ без претензий, мятые и без эполет. О перчатках забыли напрочь. Однако, чёрные брыжи² над воротником выпустили по здешней

1 *длинный до колен пиджак, чаще двубортный и в талию*

2 *нагрудник, надеваемый вокруг шеи под воротник*

моде. Нарушения формы в поле – обыкновенное дело, но здесь, на курсе, могли бы складки разгладить, разгильдяи!

Один из них, бородатый терский сотник, был одет по форме. Он носил синюю рубаху и черную черкеску¹ с подвёрнутыми рукавами и газырями на груди. Черкеску подпоясывал узкий кавказский ремень с накладками и брелками, подвешенными на ремешках. Полковник знал, что так оснащают талисманами заговорённый пояс. На поясе, как принято у горцев, висел черкесский кинжал в ножнах, а на плече виднелась потёртость от сабельной портупей. Отделка оружия серебряная. Обувка кавказская – черевики² с ноговицами³.

Здесь сидят наследники победы, раненные в бою за отечество. Молодёжь вся теперь образованная и сплошь вольнодумцы. Понятно, форма боевых офицеров не может сравниться с кумачовыми бешметами⁴ и белыми черкесками, какие он видел на заезжих франтах! Но манеры юных офицеров светские: моют руки, используют салфетки, как принято в обществе, не чавкают, не говорят, не проглотив кусок еды, кушают аккуратно и неспешно, приборами не гремят. Встав из-за стола, крестятся в угол зала на киот, где в облачении с крестами и Евангелием в руке угадывается исцеляющий епископ Николай Чудотворец. Покрываются полевыми суконными фуражками, а казак – мохнатой шапкой, разрешённой на Кавказе самим Ермоловым, чтобы маскировать

1 *верхняя длиннополая одежда в талию с открытым воротом и обоймами нагрудных карманчиков для газырей (ружейных зарядов)*

2 *ботинки*

3 *плотные чулки до колен*

4 *лёгкая длинная рубаха или кафтан с рядом мелких пуговиц спереди и часто с воротником-стойкой*

офицеров от вражеских стрелков.

Проследив, как излеченные офицеры уходят, полковник сочувственно вздыхает и берёт со стола меню. Рукописные листки на французском вложены в картонку с лицевой виньеткой, изображающей развалины афинского акрополя. Меню скромное и далёкое от столичного. Об устрицах и рокфоре, конечно, ни слова не написано, но белужья икра имеется, не говоря о местном сыре вместе с яйцами, творогом и молоком на завтрак.

Обед из четырёх блюд: закуска, первое, второе, десерт, – всё *prix fixe*, по фиксированной цене четвертак за блюдо! Как во Франции, но дороговато! Полковник разглядел, что на листок было приписано дорогое жаркое из баранины и повторено на другой день. Есть рыбные расстегаи, традиционные кулебяки и *petits fours*¹. Предложены фрукт, конфект и мороженое. Из напитков – кофий, чай и компот.

В карте вин он заметил бургундское, шампанское, бордо и шабли из Франции, солернское из Италии, кахетинское и ром из Грузии, цимлянское и донское, а также мадеру, малагу, мозельвейн. Интересно, природного ли происхождения эти глинтвейны? Есть вина от Реброва, местного поставщика к императорскому двору: красное, белое и полушампанское, а также десертный «Глаз куропатки», вкус и букет которого прекрасны и выражены не хуже, чем у токайского или либффрауенмильх!

Глава 6. Обед и отдых

За соседним столом кисловодской ресторации говорили об охоте. Полковник прислушался. Некий охотник целил оленя на Берёзовой. Вдруг из горы выскочил спугнутый филин, махая огромными крылами, прямо на

¹ *птифур* – мелкое печенье к чаю (фр.)

стрелка. От неожиданности тот спустил курок. *Parbleu*¹! Смазал, растяпа! Рогатый прынул за скалу, помахав белой салфеткой из-под куцевого хвоста. Птица и олень скрылись, а мазила обиделся и возмущался: «Треклятая пугливая птица! Отвратительный тугой спуск у ружья!» Один из слушателей произнёс под добродушный смех всей компании: «Жалкий фарс!», – будто критиковал рассказ, чтобы защититься. Полковник понял: «*Rusé fait bonne mine à mauvais jeu*!²»

Позвали: «Эй, мальчик, стол!» Лакей раскрыл ломберный стол в углу зала и выложил две запечатанные колоды карт. Соседи, захватив стаканы и бутылку, пересели, сломали колоды, стасовали и сдали. Монеты и ассигнации уже на столе. «Верно, дело дойдет до расписок! – заметил полковник. – Вижу, паруса подняли для виста. Банк и бостон их не устраивает! Поплывут под картёжными ветрами: бубновым, трефовым, пиковым и червонным, как говаривал один профессионал³. Полноте, – придержал он себя, – нониче я не плаваю! Мне хватит карты на пе⁴, намётанной в штосс в Пятигорске!»

Полковник видит за соседним столом газетный листок «Русского инвалида». Он не удивлён, здесь на водах в Благородном собрании получают не одни «Санкт-Петербургские ведомости». Спрашивает. Смотрит. Трёхнедельной давности. Экая досада! Обед накрывают быстро. Отобедав блюдами, имеющими кавказский привкус, который ему не всегда нравится, гость шепчет благодарственную молитву. *Garçon* получает плату за обед и пятак «на чай» и, сказав «Благодарю-с!», отходит.

1 *Чёрт возьми!* (фр.)

2 *Хитрец делает хорошую мину при плохой игре!* (послов., фр.)

3 *присказка от А.В. Сухова-Кобылина из «Свадьбы Кречинского»*

4 *на двойную ставку*

Полковник обедом был почти удовлетворён и решил, что обойдётся без кофе, да и чай сейчас не найдёт места в желудке и пусть ждёт своей очереди до вечера.

Гость ворчит: «*Cette nourriture, bien sûr, pas de foie gras!*¹ Не удовлетворив аппетит, не гривенником же награждать за такую еду! *Le menu traditionnel... . N'est pas important, mais en toute équité, je dirai, une fricassée laisse bonne impression, mais ne le consommé avec des boulettes de viande. Je dois ajouter un peu de dessert et le vin, parce que j'ai besoin de forces pour la promenade*»². Вздыхает, салфеткой промокает рот и усы.

Опираясь на трость, гость прощается с ресторатором Петром. Узнаёт, что на другой день будет охотничье жаркое из горного барана, за которым уехали казаки. А нониче к обеду подают жаркое из карачаевского барашка, лучшего на Кавказе. Вкус мяса необыкновенный, – ореховый! Местные говорят, что его придают горные травы, но знатоки уверяют, что «виновата» древность породы овец. Гость заказывает жаркое и кахетинское к следующему обеду.

На десерт Пётр предлагает полакомиться осетинским пирогом, который пекут по рецепту пятигорского повара. Ждёт, что не угодит привередливому Ивану Петровичу, как не раз бывало прежде. Но гость вдруг соглашается и на пирог и на предложенную комнату; говорит, что зайдёт к Реброву до обеда. Договаривается прислать человека забрать жаркое из барашка на ужин для троих.

1 *Эта пища, конечно же, не фуа-гра! (печень насильно откормленного гуся, фр.)*

2 *Меню традиционное... . Не важно, но справедливости ради скажу, фрикасе оставляет хорошее впечатление, но не консоме с фрикадельками. Я должен добавить немного десерта и вина, потому что мне нужны силы для променада. (фр.)*

Пётр сообщает, что ужинать они заканчивают в семь часов ради бала. Полковник отказывается от билета на бал и, уверенный в услужливости ресторатора, произносит:

– Любезный Пётр, мне надобен повар или кухарка.

Пётр вспомнил расчёт сына на вторую помощницу для кухни: «Прекрасно! Узнаем хороша ли, пока стряпает у полковника. Он станет обедать у нас редко. Ничего, этот убыток мы переживём! А то, гляди, наймёт кого не следует! Зато мы определимся, что за человек будет новая кухарка или по расчёту Алексея ещё одна помощница для нашей кухарки».

И говорит:

– Ваше высокоблагородие, на другой день пришлю вам неплохую кухарку. Она готовит настоящие борщи и ушицы! Советую попробовать её *хычины*¹ с бараниной. Пальчики оближите!

Полковник отвечает, пусть кухарка спросит Жан-Пьера, слугу, – тот понимает по-русски. Затем благодарит и прощается.

С высокого крыльца гость не без удовольствия оглядывает окрестности. За полдня он узнал почти всё поселение, только не побывал в казачьей станице в четырёх верстах на въезде. Поутру взошёл на гору позади слободы. По пути видел кладбище, свидетельствующее, что люди прижились в этих местах. На вершине обнаружил расчищенную и выровненную площадку. Судя по виду дорожки, сюда при опасности поднимали пушку.

С вершины ему открылась впечатляющая красота. Горная котловина между Джинальским и Боргустанским хребтами лежала перед ним как рельефная

¹ начинка и зелень, закрытые в тесто и жареные на масле (карач.-балкар.)

карта. На юге на высоте блистал белоснежный двугла-
вый Эльбрус. На севере выступал в легкой дымке синий
Бештау. Наверху неспешно двигались облака, похожие
на пасущихся барашков. Под ними пара орлов поднима-
лась и опускалась, плавно кружась в небесном танце
прямо над лечебным заведением. Виднелся колодец и
галерейки, дымили самовары купальни. Крыша ресто-
рации выступала из деревьев парка, росшего вдоль реки.

Над берегом реки просматривалась крепость с пуш-
ками. Ближе, чем крепость, под горой, на которой он
стоял, протянулись в ряд за плетнями три десятка акку-
ратных строений с побелёнными стенами, зелёными
ставнями, жёлтыми завалинками и кровлями из камы-
ша или соломы. При каждом доме сад и огород. За забо-
рами выделялись редкие каменные дворянские дома
под зелёными железными крышами.

Над жильём извивались столбы «сладкого дыма
отечества» и пахло навозом, сеном и хлебом, как в род-
ных пенатах. Но это была не просто деревня. Здесь раз-
местилось одно из укреплений Кавказских линий с гар-
низонам из солдат, артиллеристов, кавалеристов и каза-
ков. Свободные от тягла¹ люди не ломали шапок, а жили
по правилам боевых гарнизонов; женатые солдаты или,
как их называли, «полусолдаты» обитали в слободе по
две семьи на двор для взаимопомощи; холостые – в ка-
зармах, что были в крепости; казаки с семьями – в ста-
нице. Каре станицы со рвом и валом вокруг, с площадью
и старообрядческой церковью в середине виднелось вер-
стах в четырёх от крепости недалеко от въездной дороги.

Он вспомнил персидский поход и знакомство с Дени-
сом Васильевичем Давыдовым, генерал-майором в па-

¹ *барщины или оброка, получаемой с крепостной крестьянской семьи*

мятной ермолке¹, простецким в обращении и рассказывающим, как он лечился на Кислых водах, когда здесь ещё не было цивилизации. Жили в шалашах и кибитках и пили нарзан из разбитой бутылки. Да, было дело! О кавказских воинах поэт шутил: «Полусолдат – тот, у кого есть печь с лежанкой, / жена, полдюжины ребят, / да щи, да чарка с запеканкой²!» Дениса отправили в отставку генерал-лейтенантом, а они даже не повидались. В свете злословили, будто он по-генеральски «качает-валяет» чаши с аракой³ в своей симбирской деревне. Врала мелкие людишки! Гусарствуя, как прежде, поэт-воин творил великие стихи.

Наступил полдень. Солнце разогнало облака и жарило всё вокруг. На горизонте в дымке поднявшихся испарений скрылись оба горных властелина: владетель Кавказа Эльбрус и хозяин целебных вод Бештау. С гор дул прохладный ветерок. Полковник Б. направлялся из ресторации в слободку, собираясь отдохнуть под крышей, пока немного спадёт жара.

Он перешел речку по мостику с вертушкой и тропинка повела наверх. Осторожно ступая по камням и опираясь на купленную трость, запыхавшийся полковник сжимал в руке стакан и в голове мелькали обрывочные мысли: «Решено. Завтра же велю переезжать к Реброву! Это лучше, чем платить шесть рублей в день за убогую мазанку, ну её в качель. Тесно, сыро, клопы и перекошенная дверь. Не нанял бы, если бы был выбор. Хватит Жану на гитаре бренчать да соседок веселить! Такой лентяй и анахорет! Ничем не интересуется! Но ванна у Реброва – не для меня! Неиз-

1 *круглая шапочка, прилегающая к голове*

2 *водка с пряностями, долго запекаемая в духовке*

3 *самогон (перен.), восточная водка*

вестно, в какую очередь пришлось бы её принимать! Как сказал ванный регистратор? Пополуночной? Видно, отставник? Кажись, ресторатор Пётр мне ровесник? Хоть статский, но ловкий. Жаль, не военный. Какой важный вахмистр был бы у меня!»

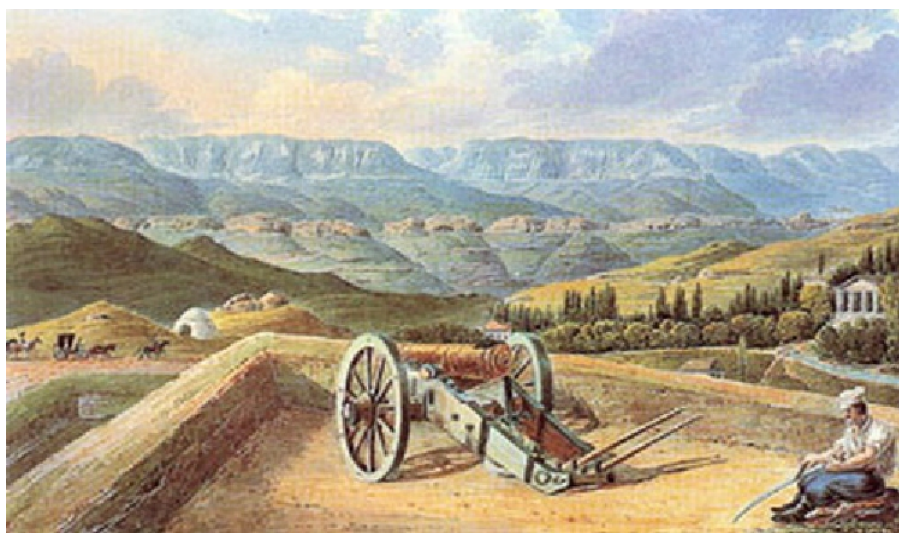
Позади забренчали бубенцы, перебиваемые звоном колокольчика. Запахло лошадиным потом. Он обернулся и увидел, как четвёрка коней с пеной под упряжью, одолев камни брода, спотыкаясь, тащила в гору грязную коляску с кожаным верхом. Выглядывал ездок в шинели. Форейтор и кучер понукали лошадей, выбившихся из сил. Одна лошадь хромала. Вслед проехали два мрачных казака под мохнатыми кубанками. К высоким седлам приторочены скатанные бурки. Ружья расчехлены. Полковник решил: «Колокольчик звенит не для всякого! Это курьер спешит с депешей!» И точно, когда он преодолел подъём, экипаж въезжал в клубах пыли в ворота крепости.

Утром он рассмотрел это старинное укрепление сверху во всех подробностях, когда поднимался на гору. Каменно-земляная фортификация разместилась на возвышении между речками Ольховой и Березовой в удалении от колодца нарзана на выстрел пушки. Сухой ров с оплывшими от времени земляными брустверами покрывал подсохший дёрн. На гребне вала стояли защитные стенки эскарпов с бойницами для стрелков. В пяти углах выступали бастионы с невысокими барбетами¹, на которых за низкими парапетами стояли четыре чугунные пушки на колёсных лафетах. Один бастион был без пушки. На противоположных сторонах имелись двое открытых покосившихся ворот. Внутри теснились полтора десятка строений: казармы с нарами и печами, ко-

¹ земляная орудийная площадка на бастионе

мендантский, офицерский и гостевые домики, цейхаузы, лазарет и гауптвахта, артиллерийский погреб. Они образовывали пять дворов, сомкнутых в концентрический круг. По современным меркам крепостца была слабовата. К такому нелестному выводу пришёл полковник.

На форштате ниже крепости над речкой Ольховой виднелся двор с конюшней, устроенный как редут. Тут же в ряд построился десяток домов. Перед крепостью открывались пятьдесят саженей пустой площади. За ней развернулась шеренга слободы. Против бокового бастиона слобода заворачивала в два проулка.

Бастион кисловодской крепости (И.Я. Мейер, 1840-е г.)

На другом конце слободы стоял трактир. Перед ним на обширной площади шумел утренний базар, где встречались местные поселенцы, горцы и приезжие. Продавали и обменивали потребное для кухни и для хозяйства, а также живность и дрова. Дрова дороги, потому что их привозят от гор Бештау и Железной, а туда и обратно сто вёрст. Не до небес, конечно, а только в лес!

На базаре старый солдат сказал ему, что сосновые

брёвна для постройки ресторации привезли черкесы из-под Эльбруса. Платили черкесским князьям серебром и золотом. Бумажные ассигнации они не признают за деньги. Военнорабочим¹ щедро платили медью. В спешке денег потратили немало.

Ему показалось, что тут что-то не так: в военное-то время тянуть за сотни вёрст «из-под Эльбруса»! Хотя народ всё знает, но не всему можно верить, о чём говорят на базаре, даже если на самом деле возили черкесы и было это не так давно! Как он знает, ближний склад строительной древесины находится в Георгиевске. Оттуда-то и снабжают казённые и всякие другие стройки.

Шесть домов над Ольховой, что ниже крепости, и два дома, что стоят ниже ресторации, купец Шапкин купил готовыми в Астрахани и привёз разобранными на волах. А галереи и купальни сначала обтянули парусиной и сукном и только недавно обшили досками. Повсюду времянки из плетня, обмазанного глиной с коровьим навозом. Называется турлук.

Хороших каменных или деревянных домов мало, а всё больше мазанки из сырцового кирпича, формованного из глины с соломой, навозом и песком и называемого саманом. Повсюду сушатся на солнце разреженные пирамидки этих кирпичей. Ещё стоят калмыцкие кибитки с окошками. Всё сдают приезжим втридорога. Полученного дохода хватает на безбедную жизнь зимой. Шапкинские дома окупились за одно лето. Впрочем считать деньги в чужом кармане не стоит, когда он не наполнен, а полным он не бывает никогда!

Передохнув после подъёма, полковник двинулся по площади. Возле базара, опустевшего после утреннего торга, его окружила стайка мальцов, полуголых и заго-

¹ солдаты, которым платили за работу

релых до черноты. Старший лет десяти с побелевшей от солнца головой протянул руку, покрытую цыпками, показал кукан с некрупными усачами и форелями¹ и решительно сказал:

– Барин, купи рыбу! Дёшево!

– Купите! – поддержали наперебой остальные.

– Где наловили? – любопытствовал он.

– Да туточки у водопада на Ольховой, где купаемся!

Вчера по дороге сюда он видел, как на Подкумке рыбу ловили небольшой сеткой, подвешенной к шесту².

– Чем ловили?

– Да руками!

Купить можно, да Осип кухарит только по-походному быстро и тяп да ляп, а Жан стряпает просто дурно. Зато с хозяйками он мастак и для младшенького был толковым гувернёром, – соседки завидовали!

Утром на торге подтвердилось то, что сказали в Пятигорске. В Кисловодске обнаружилось необыкновенное молоко: жирное, недорогое и на редкость вкусное. Рыба и куропатки продавались даже живые в таком изобилии, будто их ловили косяками. А за обедом он своими ушами слышал, что на горах бродят стада коз и в ущельях прячутся бесчисленные кабаны.

Полковник размечтался: «В этих краях как в старину бегают необыкновенные охотничьи трофеи: изюбры и вепри. Поохотимся знатно! Найму коней и проводника, найду припас к ружьям, приглашу Хасновых. Осип будет рад потрудиться: он у меня лошадник и охотник. Добудем козла-изюбра, а то и кабана-вепря! Казаки промышляют всё больше из «сиденки» и облавой, но мы обойдёмся без долгих засад и без загонщиков. Нашей партии

1 рыбы эндемики *Barbus ciscaucasicus* и *Oncorhynchus caucass* (лат.)

2 рыболовный сак или «паук»

ни к чему много трофеев. К тому же, *a picnic is the best hunting for the ladies*¹», – вспомнил он о княгине.

Тут он споткнулся. Мечтания прервались, и он услышал, как вокруг него перепела бьют «пить пойдём», будто дразнят и зовут к нарзану. «Сюда бы мою Найду, – подумал он, – узнали бы болтуны, что такое классный английский пойнтер! Слава богу, здесь хватает ручьев, чтобы собаке охладиться, когда она, сучья её сила, начелночится в траве! Жаль, осень далеко и перепела ещё не нажировали!»

Ласточки носились с щебетанием перед крепостью. Жара им в удовольствие! Полковник, вытирающий пот с лица, пожелал невольно: «Вернёмся с охоты – попаримся! Верно, в крепости есть банька? Давно меня не гладили берёзовым веничком. Из-за ванн забудешь все радости жизни! Ох, вот крайний бастион, а там и наша халупа. Точно, я пришёл!»

Глава 7. Купеческая поездка

Пока в Кисловодске полковник добирался до своего убогого убежища, Пётр Афанасьевич доверительно обсуждал торговые дела с сыном в комнате ресторации. По договору аренды он занимал эту комнату, имевшую отдельный выход во двор.

– Сегодня Иван Григорьевич выспрашивал, едем ли мы в Москву за шинельным сукном. По его сведениям обозы отправляются из Ставрополя через десять дней. В Комиссариатской комиссии приняли поручительство твоего тестя и согласились взять в заклад дом в Таганроге. Тебе дают ссуду десять тысяч серебром и ставят условие купить партию оружия в Туле у знакомого нам об-
им Алексея Пономарёва. У него уже приготовлены ру-

¹ Пикник - лучшая охота для дам (англ.)

жья, пищали, пистолеты, шашки и кинжалы. И он поможет с возами. Ещё в Комиссии, наверное, убедительно попросят тебя забрать в Астрахани спирт.

– А это зачем? Разве винокуренья нет ближе? Вон и в Таганроге у наших есть?

– В астраханском заводе предложили большие скидки.

– Превосходно! Коли так, соберём в Туле бочки, пока в Москве мерим сукно. И прибавим возов. Дел-то всего: можно, раз выгодно! Да ещё прихватим в Астрахани для себя и для других, кто пожелает, осетровой икры и визиги. А без выгоды, что небо коптить!

– Алёша, ты, как всегда, не теряешься!

Оба, довольные, рассмеялись. Отец сказал:

– Ты пиши записку брату Егору. Из Пятигорска сразу перешлю ему в Ставрополь. Пусть разочтёт поскорее, сколько чего надобно, и готовит людей, лошадей и всё остальное, а обозным скажет, что с Комиссией договорились. Обозные – все твои прежние знакомцы. Вы с Егором учтите, что деньги дают не векселями, а наличными, – не транжирьте попусту. Когда вернусь, ты, не откладывая, отправишься в Ставрополь, а оттуда, с богом, и в дорогу.

– Будьте уверены, папаша! Не волнуйтесь! Сделаем, как надо, – ваши университеты. Не впервой.

Отец переоделся за ширмой в дорожное. Перед зеркалом расчесал баки. Взял ножницы и подравнял около рта. Жена тихо сказала: «Седину из бороды скубишь¹?». Он улыбнулся и шепнул ей на ухо: «Седина из бороды, бес из ребра, – и мы с тобой в раю!» Попрощался со снохой, сидевшей с «Памелой» у окна, – она чита-

¹ *драть, щипать волосы, перья (южн. рус.)*

ла томик, взятый у Лизы Челаховой. Отец Лизы пятигорский купец Никита Артемьевич за небольшую плату выдаёт книги. Приезжие читают в особой комнате при лавке, а местные, бывает, и на дом получают.

Пётр мысленно развеселился: «Наши девицы увлечены романами. Как в столицах, читают в очередь Ричардсона и слезами обливаются. Благо, что заболевшая сноха Маруся вылечилась! Семейное беспокойство закончилось по господнему милосердию!»

Он перекрестил незаметно грудь: «В пятигорском госпитале хорошие врачи, но, определённо, помогли моления об исцелении и розданные подаяния. Сотворим благодарственный молебен, когда женщины вернутся с курса. Уже условился с отцом Павлом в церкви Всех скорбящих радость».

А вчера отстояли заутреню в новой слободской церкви во имя Святителя и Чудотворца. Хорошо пели солдаты здешнего гарнизона. В Ставрополе перед поездкой за товаром сыновья, как обычно, помолятся на дорогу и удачу. А ещё Алёша закажет благодарение. Теперь ему нет нужды беспокоиться о здоровье жены. Он счастлив! Удачно мы женили по сговору со сватами из Таганрога!

Через галерейку Пётр зашёл «облегчиться на дорожку». И вот он готов к поездке! На нём привычный суконный чекмень¹. Вычурные архалуки² он не уважал. На плечах башлык³, на ногах мягкие чувяки⁴. Ступни отдохнут от туфель, а то весь день приходится быть на

1 *верхняя длиннополая одежда в талию с воротом стойкой, застёгиваемая на крючки*

2 *похожи на беешмет, часто в обтяжку и с боковыми разрезами*

3 *капюшон с длинными концами вроде шарфа*

4 *мягкие кожаные туфли без каблуков*

ногах. На голове заломлена папаха из чёрной мерлушки¹ с искрой. Бакенбарды и усы воинственно топорщатся.

В повозке он проверил на месте ли сумка с едой, наполнен ли водой кувшин, спрятаны ли, где обычно, заряженные пистолеты. Помогут отбиться от разбойников, если нападут: всё-таки едет одинокая повозка с малым конвоем, а не обоз!

Груз уложен, подёргал верёвки, хорошо ли увязан. Жена вышла проводить. Сноха осталась в доме, доктор советовал ей больше отдыхать. Рассчитывая вернуться через несколько дней, он спросил сына, принёсшего письмо для передачи Егору:

– Привезти вам с Марусей что-нибудь из Пятигорска?

Сын сказал:

– Спасибо, ничего! Не забудьте, папаша, про экстраспочту для Кислых вод. У Маруси просьба к Мухтару.

И обратился к кучеру:

– Мухтар, атам биягъынлай унутургъа боллукъду тау бал сатыб аллыргъа. Сиз муну эсге салыргъа. Болсун му?²

Кучер улыбнулся:

– Хо, болсун айтырма ³ – и добавил – Обязательно сделаю, иншалла.

Пётр Афанасьевич отдал блокнот со списком заказов сыну и, хотя гордился его умениями, добавил на словах несколько распоряжений. Первое – он пришлёт из Пятигорска артиста и афишку, чтобы в другой раз на неде-

1 шкурки ягнят

2 Мухтар, папа опять может забыть купить горный мед. Вы ему подскажите. Ладно? (карачаев.-балкар.)

3 Хорошо, скажу! (карач.-балкар.)

ле устроить вечернее представление. Второе – Алексею надобно уделить особенное внимание княжеской чете Хасновых, прибывающих из Пятигорска, и помочь их переезду к Реброву, если они решат. Третье – для нынешнего господина из столицы, отставного полковника Ивана Петровича Бежитова, послать к Реброву сказать, что на другой день полковник, как условились, придёт нанимать комнату. И ещё – к вечеру человек полковника-француз заберёт ужин для троих.

Кисловодск в 1836 г. (по акварели К.А. Тона, 1832-1838)

Затем Пётр поспешил на кухню, взял у кухарки Семёновны листок со списком покупок в Пятигорске. Он уже предусмотрел всё и список от неё не требовался, но Пётр не хотел огорчать кухарку. Передал совет для её сватьи: коли пожелает, пусть договорится с Жан-Пье-

ром, слугой полковника, и наймётся кухаркой, а мы пока принять не можем, но после посмотрим.

Поставил ногу на ступицу колеса. Подумал: «Всё ли я сделал?» Усевшись рядом с кучером, повторил приказчику:

– Илья Дмитрич, не забудь сказать, чтобы нониче засветло наносили воды из речки для уборки после бала. Свечи зря не жгите!

Остановил себя: «Прости, господи! Язык наш – враг наш! Митрич-то – человек обязательный и заботливый: уже успел привезти питьевую воду из слободского колодезя! А для кухни и остального есть родник в парке и речка в двух шагах».

Закончил:

– Хорошо, что воды для питья *теперь* достаточно!

Привычно попрощался:

– Счастливо оставаться! – перекрестился. – Господи, благослови!

Сел на облучок рядом с кучером и скомандовал:

– Трогай!

Повозка покатила со двора.

Всё сложилось как нельзя лучше, – Иван Григорьевич Ганиловский их поддержал. Недаром он интересовался, где и как Пётр торговал скотом и зерном. Неудивительно, капитал-то они делали одинаково!

И ещё. Пётр Афанасьевич рад, что в Кисловодске отношения с жителями стали дружескими. Вот, и доктор из крепости попросил отвезти пострадавшего рекрута Александра Симонова. Раненому уже устроили мягкое ложе в повозке. Некстати он упал вчера в яму с камнями на дне. Неловкий молодой остопоп! Помилуй, господи, сколько забот всем наделал!

Кстати раненого сопровождают казаки с запиской

для пятигорского госпиталя! С ними Пётр отправит вино обратно из Пятигорска в Кисловодск, а также отличную провизию из бывшей шотландской, а теперь немецкой, колонии Каррас.

Через сотню сажень повозка достигла сторожевой будки на въезде. Ожидавшие станичники поздоровались и осторожно пересадили раненого с повязкой на голове и забинтованной ногой в лубках. Пётр Афанасьевич помог тому устроиться удобнее. Скомандовал: «Пошёл!» Копыта и колёса простучали по мосту и Кисловодск остался позади.

В Пятигорске они будут вечером. Перевозками обыкновенно занимается приказчик, но Пётр ещё в прошлом году понял, что большую пятигорскую ресторацию нельзя оставлять надолго без надзора: она, как дитя без сглазу! Как ни угости, а гости всё помнят. Плохо ли, хорошо ли – всё одно! Возвращаются, однако, туда, где понравилось. Сказано, «не красна изба углами, а славна изба пирогами». Реноме надо поддерживать.¹

Пётр Афанасьевич везёт плетёные корзины с тремя дюжинами живых куропаток, укрытый ящик со льдом и форелью, переложенной крапивой для сохранности, а также дичину. Передаст целебные травы и корни в аптечный магазин. Подумывает, не возить ли нарзан в Пятигорск, охочие попробовать найдутся. Но это всё глупые фантазии и давать хода им не следует! Вернётся он на пятый день и отпустит сына.

В этот раз сын Егор прислал записку, чтобы ждали важного гостя из Ставрополя. Надобно подготовить приём. Обратную записку Егору придётся срочно отправить с извозчиком, который завтра увезёт постояльца в

¹ *Примечание 6*

Ставрополь. Спросить Егора, всё ли ладно в гостинице¹, не забыть дописать, чтобы ждал брата через пять дней, пожелать доброго пути.

Во второй год аренды на Кислых водах² он убедился, что сын Алексей ведёт дела уверенно. Согласился с сыном, что надобно нанять вторую помощницу для работы на кухне после Петра и Павла до Успения. Она пригодится на заготовках провизии в конце лета и осенью. Кухарка Параня добила своё. Характер такой, решительный!

Однако, если она будет продолжать перечить по поводу меню и новых блюд, надо заменить её. Нехорошо, что пришлось заставлять варить фрикадели. Так не должно быть! В другой раз может и отказаться. Не хотелось бы переводить сюда одного из пятигорских поваров, – накладно обойдётся обустройство на новом месте с семьёй. Разберусь без спешки! А на мясную мельницу придётся потратиться. Фарш нужен для котлет, колбас и всяких начинок, а то, когда требуется много, – везём из Пятигорска! Не дело это! Льда не напасёшься!

Сын посчитал, что выгоднее запастись самим солёным-варёным и делать колбасы. Да и фрукты можно сушить для компота или, как говорят местные, для взвара. И правильно! Часть будем продавать на сторону или в армию, как выдаём сейчас порции на вынос. А вот варить французские консервы, модные с наполеоновских войн, не получится, – нет подходящих жестяных банок. Алёша предлагает попробовать хранить в стеклянных или керамических банках, запечатанных смолой. Но из этого вряд ли что-нибудь путное получится.

Пётр считает, что Алексей недостаточно внимания

1 *Примечание 7*

2 *Примечание 5*

обращает на выбор вин. А от вина доход наибольший! Лучший доход от тифлисского. Хорошее и недорогое, особенно для курсовой молодёжи. Обер-офицеры тоже пьют с удовольствием после надоевшего кавказского чихиря¹. Небось, бузу²-то в экспедициях отдавали младшим офицерам? Но болтать об этом я не стану!

Ребровское вино закупать пока не буду. Для встречи императора мы запасли достаточно. Где это видано, полтора целковых за бутылку, когда тифлисское в два раза дешевле! Алексей Фёдорович поднял цену, как стал поставлять к императорскому двору. Не берёт ассигнациями, а требует серебро и золото будто горский князь! Предостерегу сына. Дорогие вина надо покупать по потребности. Опытные люди капитал пускают в оборот, а не прячут в подпол в бутылках!

Глава 8. Дорожные размышления

По купеческой привычке Пётр рассчитывает действия ресторации наперед. Он помнит весь курсовой календарь: и праздники, и постные, и скоромные дни.

В сороковой день рождения государя Николая Павловича 25 июня состоялось молебствие в новенькой слободской церкви, что построили из дерева недалеко от крепости два года тому назад на деньги госпожи Толмачёвой.

В последний день мясоедения перед Петровым постом в ресторацию пригласили достойных людей, а также горских старшин. На торжественном обеде по подписке подавали меню без свинины. Вина были европейские. Для кисловодских жителей и местных горцев сто-

1 домашнее не перебродившее виноградное вино

2 густой сладкий чуть забродивший напиток, полученный из закваски муки, крупы или зерна

лы ставили в парке. Вечером был маскарад с танцами и перед ресторацией зажигалась иллюминация.

Теперь все готовятся к приезду императора, но Петра берут сомнения. Император строит чугунку из столицы в Царское село. Велел австрийскому инженеру фон Гёрстнеру увеличить колею до шести футов для надёжности, но люди болтают, что от пара и шума перестанут нестись куры и передохнет скот, а пассажиры заболеют из-за скорости движения.хлопот государю прибавится и поездка на юг может не случиться.

На день святого Лаврентия 10 августа намечается разметка бульвара под участки для жителей. Приедет Строительная комиссия с новым директором и комендантом Кавказских вод Петром Петровичем Чайковским¹. Именно у него Пётр Афанасьевич получил в аренду казённые гостиницы-ресторации. В Комиссии будет архитектор Иоганн Карлович Бернардацци, составивший план бульвара с липками и тополями через один на 200 саженей. Возможно, соберётся и приедет его болезный брат Иосиф. Размечать бульвар будет полсотни солдат 3-го Кавказского линейного батальона, усиленная рота которого стоит в Кисловодске.

Участки на бульваре продают приглашённым благонадёжным лицам по 10 копеек за квадратную сажень² и предлагают строить дома по правилам архитектуры. Если участок не застроят в три года, то заберут в казну без возврата денег. Из тринадцати приглашённых уже оплатили хорунжая Обухова, священник Смыслов и генеральша Мерлини. Генеральша Екатерина Ивановна всегда скачет впереди всех, будто конь лихой!

1 генерал-майор георгиевский кавалер дядя великого композитора П.И. Чайковского

2 1 кв. сажень = 4.5 кв. м

Петра не пригласили и ему досадно. Разве, арендовав гостиницы и рестораны, он не обучил персонал и не установил столичные порядки, какие наблюдал, когда ездил за товаром в Москву и Петербург? Перемены в гостиницах отметили все начальники. Разве он не помогает в подготовке к визиту императора? Как только узнал об этом, подарил городу Пятигорску 3200 рублей на строительство острога, столько сколько выделило губернское управление.

Люди болтают, что он сделал это, чтобы сажать своих многочисленных неплательщиков в долговую яму. На чужой роток не накинешь платок, а вот батюшка Павел и полковник Чайковский пожертвования одобрили. И Пётр согласился по-прежнему кормить в долг. Пусть посетители, которым он доверяет, приходят почаще и кушают побольше! Он с оплатой подождёт.

Пётр решил обратиться к Строительной комиссии во время обеда. Святой Лаврентий, покровитель ресторации, поможет! За прошлый курс выяснилось, что пришла пора строить новую кухню и флигель. Дохода будет больше! К примеру, флигели Реброва дают прибыль более казённой гостиницы, да и постояльцы съезжают от нас туда из-за дороговизны жилья. Хорошо, что приедут сами Бернардацци! Как обсуждать без них? Наш дом – первый, который они построили на Кавказе.

Курс в Кисловодске закончится до Покрова. Тогда сделаем окончательный подсчёт дохода и отпразднуем, как в прошлом году. Работники с семьями после молебна станут на празднике угощаться, танцевать и петь. Сын споёт под гитару любимый шансон¹ «Прощай вино в начале мая, а в октябре прощай любовь».

¹ французская жанровая песня, часто народная, нередко фривольная; здесь песня поэта П.Ж. Беранже

Ресторацию закроем до весны. Перееду с женой в Ставрополь¹ и заменю Егора в гостинице. Алёша и Маруся перезимуют в новом доме в Пятигорске. Когда подморозит, сыновья с обозами уйдут за товаром.

Так рассчитывал Пётр. Но мы полагаем, а господь располагает! Бульвар заложили 12 августа, почти как предполагали. С комиссией тоже удалось поговорить, но без успеха. Сказали, что не могут дать казенных денег в этом году. Видимо, намекают, чтобы постройку оплатил я сам?

В кисловодской котловине стоит чудесное лето. «На удивление часто здесь бывает вёдро, когда в Пятигорске льёт дождь», – так странно выразился господин полковник, сравнивая в разговоре с Петром здешнее поселение со своей деревней. На последней неделе, впрямь, наступило вёдро, – ни капли с неба. Поэтому в речке Подкумок, собирающей потоки с окрестных гор, воды немного. Значит, переправятся они без затруднений. Бывает, что вслед за ливнем, упавшим в горах, переправа становится внезапно опасной. И тогда непременно приходится ждать, пока спадёт вода.

Само собой разумеется, это отнюдь не шутка трястись на повозке по взгорьям сорок вёрст по грунтовой дороге, даже если дорога главная. В последней поездке случилось повреждение. А бывало, что и переворачивались и ломались.

Однако же, в овраги не падали и не разбивали экипажи, как другие. Мухтар Заурович надёжный кучер. Они кунаки² и давно дружат домами. Мухтар карачаевец, человек смелый, себе на уме и, как все горцы, знает коней.

1 *Примечание 7*

2 *гости, на Кавказе всегда уважаемые хозяином*

Кони у них ладные, настоящие карачаи, и горы их родина. Экипаж в порядке, дорога накатана. Поездки стали много короче, чем в Москву или в сам Петербург. Пока сыновья росли, где только Пётр с другом не бывали! С горцами, у кого скот покупали, давно покумились.

Он трогает кучера за плечо и говорит:

– Тенгим¹, что там Маруся хотела?

Мухтар помнил доверительную просьбу Алексея Петровича и придумал заранее, как отвечать:

– Она спрашивала про маткино пчелиное молоко.

– Великолепно! – обрадовался Пётр Афанасьевич. – Будем покупать горный мед, возьмём и с маточным молочком. Немного, чтобы не испортился.

Путники преодолели пойму Подкумка, покрытую камнями и ямами с водой и обильно заросшую кустарником, камышом и деревцами. Какое здесь было изумительное птичье царство!

По дороге, проложенной выше бурлящей реки, выехали через сужение гор на бугристый простор степи, по которому ветер гнал волны седого ковыля к лакколитам² Бештау, Машук, Шелудивая³, Юца и Джуца.

Перед суровым молчанием могучих гор ничтожными казались дорожные звуки: позвякивание сбруи, фырканье коней, мерные удары подков и слабое постукивание колёс по чернозёмной колее, накатанной до блеска. Стрекотали кузнечики и, напуганные, разлетались во всех направлениях, стучались в людей, телегу, коней и

1 Друг мой (карач.-балкар.)

2 купола вулканической лавы, не пробившийся через поверхностные слои земли

3 гора, скрытая полностью у шахтёрского города Лермонтов в начале ядерной эпохи

падали в пыль дороги. Пронзительно прокричала пустельга. Трепеща крыльями, она повисла над добычей.

Пётр оглядел молчаливых спутников и, желая отвлечь их мысли от забот, громко сказал сидящему рядом:

– Слушай, Заурыч! Какую чудную песню мы пели в прошлый раз, "Чёрный ворон, что ты вьёшься надо мной?«! У тебя отличный голос! Запевай, дорогой, а я и братцы-казаки тебе подпоём.

Главные и побочные грунтовые дороги района
Кавказские минеральные воды (1840 г.)

И обратился к старшему:

– Григорий Михалыч, помнишь, в прошлый раз мы хорошо пели?

Казак ответил:

– Да, песня хорошая, но, токмо что отъехав, давай не

будем играть про смерть; лучше начнём с нашей любимой дорожной «Вот на пути село большое...».

Пётр доволен. Он уверился давно, что станичные его уважают. Все дружно поют. Чувствуется, что компания спелась. Жалостливая песня длинная, но дорога длиннее, да и летний день не короток.

Дорога пересекает ручьи, впадающие слева в Подкумок. Половина пути осталась позади. У притока Бугунта путники проедут станицу Ессентукскую, основанную казаками, переведёнными Ермоловым из станицы Александровская в Волгский полк, чтобы укрепить кавказскую линию. Ессентукская станица богатая, с двумя деревянными церквями в центре, православной Никольской и старообрядческой Покровской. Никольскую, говорят, возвёл тот же архитектор Бернардацци, что и царский дом в Кисловодске, а Покровскую казаки привезли разобранной с собой. Поговаривают, что Покровскую церковь закроют, – государь сердит на старообрядцев. На окраине строят спешно двадцать две хаты казаки, недавно переведённые из Малороссии с семьями.

За околицей путники пересекут ручеёк, у истока которого в болотистой падине открылись новые целебные воды и доктор Нелюбин их проверил и переписал. Искатели исцеления называют воды Багунтинские или Ессентукские, пьют стаканами и купаются в яме. Слышно, что в яме раньше лечили овец, и кони пили воду ради солёности. Недавно казаки стали наливать лечебную воду в бочки за деньги. Уже есть случаи исцеления.

Вскоре путники остановятся у берега Подкумка на привычной зелёной лужайке с удобными для сидения камнями. Лошадей не распрягают. С молитвой выпьют по стопке хлебной водки, наскоро поужинают «чем бог послал» и запьют чистой колодезной водой, ещё не со-

гревшейся в кувшине.

Поедут дальше, распевая дорожные песни про влюблённую парочку и камыш, про ямщиков, атаманов, царевен и про всякую всячину. Раненый рекрут подпевал каждой песне и вдруг, ободрившись, спел дрожащим голосом «Горные вершины спят во тьме ночной...». Короткая песня на стихи поэта, который бывал на водах, тронула всех. Он прав, в конце пути нас ждёт покой! Вечный или никакой? Не известно.

Глава 9. Конец первого дня

Близко к дому кони пойдут резвее. Ветер принесёт запах серы. Так пахнет целебными водами уездный городок Пятигорск, полный народа, ищущего исцеления. Сначала приехавшие доставили раненого в солдатский госпиталь. Он располагался в Оборонной казарме у подножия Машука на Горячей горе, покрытой белыми отложениями от стекающих вод.

Хорошо, что сегодня дежурил штаб-лекарь Иван Евграфович Дроздов, помощник главврача. Он сосед Петра на Царской улице. Супруга доктора Мария Николаевна купила дом у архитектора Мясникова в прошлом году, а Пётр в то же самое время купил участок под строительство почти напротив Дроздовых. Пётр поговорил по-свойски с Иваном Евграфовичем и передал привет и записку от кисловодского эскулапа. Лекарь бегло обследовал солдата и устроил на ночлег.

В сумерках путники добрались до гостиницы¹ в центре города. Людей на улицах стало совсем мало. Припозднившиеся экипажи и всадники спешили по домам. Через открытые ворота путники въехали на мощёный двор, окружённый сараями, флигелями и конюшней. Их

¹ *Примечание 6*

ждали. Встречавшие занялись лошадьми, разгрузили повозку, отнесли мясо и рыбу в ледник, а плетёнки с куропатками в сарай. Пётр налил птицам воды, утром им зададут пшеницы.

В бледно-жёлтом свете редких масляных фонарей, поднятых на уличные столбы, приехавшие отправились на ночлег: казаки верхом в станицу за рекой, а Пётр с кунаком пешком по Царской улице между недавно посаженных деревьев, образующих будущую аллею. В конце улицы они пришли к турлучному сарайчику, что стоял под самой Горячей горой ниже Елизаветинской галереи.

Пятигорская гостиница (Дж. Бернардацци, 1834)

Пока закусывали принесённым ужином, Пётр мысленно намечал дела по устройству своего дома в Пятигорске: «Наконец-то в июне утвердили изменённый план города. Слава богу, государь не повелел переменить разметку, сделанную под жилую застройку, а Госу-

дарственный Совет не отменил льготы по казённым и подушным податям для жителей. Может быть, льготы продлят для Пятигорска лет на десять, как предлагает командующий Кавказской линии генерал-лейтенант Алексей Александрович Вельяминов?

Можно продолжать строить дом в линию с улицей. До прихода зимы накрыть крышей, постелить пол, остеклить и утеплить, чтобы зимовать уже в доме. С печником я договорился и дрова заготовил. Следующим летом саман и турлук оштукатурю, обои поклею».

Ещё одной заботой была мебель: «Можно будет купить подходящую мебель на ежегодной ярмарке. Уже второй год за неделю до Успения в городе проходит Успенская ярмарка. Если найду мебель, поторгуюсь! А не найду, закажу немцам в Шотландке, как доктор Дроздов. Там столярничают не хуже столичных мастеров! Превосходную мебель для рестораций сделали!»

В турлучном сарайчике были лежаки для спанья и кое-какая мебель. Помолившись один по-христиански, другой по-магометански, друзья-кунаки легли спать. Завтра обоим вставать рано, до открытия ресторации.

В Кисловодске нарзанный неофит полковник Иван Петрович Бежитов отдохнул после обеда, спустился к колодцу целебного нарзана, повторил водопитие, пообщался со знакомцами. Променад *plus de cinq fois*¹ опять не завершил, но оптимизма не потерял: в Пятигорске и в Железноводске он справился с этими чёртовыми прогулками! Там променад всходил на подъёмы и был трудным, а здесь почти ровный потому, что проходит вдоль реки. С таким-то он, точно, справится.

Когда возвращался, слободские хозяйки, ласково

¹ больше пяти раз (фр.)

приговаривая, впускали во дворы сытую скотину. Неспешно проехали два пастуха с ружьями за плечами. Поводы свисали, – нужды в них не было, кони знали дорогу домой. У переднего поперёк седла лежала убитая косуля. У заднего конец кнута чертил пыль дороги. Призывая хозяек, пастух наигрывал на рожке мелодию известной песни. Из торбы у седла блеяла голова ягнёнка. Следом за пастухами прошагал крупный кобель кавказской овчарки, восхитивший полковника грубым экстерьером. Такой, точно, возьмёт волка! Удивительно, но даже пастухи здесь добывают дичь!

От ресторации прозвонил колокол и барабан в крепости пробил вечернюю зорю. Солнце зашло за гору и сумрак покрыл окрестности. Стала видна бледная луна. Птицы затихли. Из горных пещер и лесов полетели на охоту летучие мыши. Померк сиявший над тьмой Эльбрус. Появились первые звёзды. Лицо полковника погладили воздушные струи, принёсшие остаточное земное тепло.

На бал Иван Петрович не пошёл. Ему здешние балы перестали нравиться. Ещё в Пятигорске он убедился, что шампанское льётся рекой и пляшут неописуемо: контрансы забыты, польские, правда, хороши, но голова кружится от этих вальсов, увлёкших Европу и соблазвивших Россию после Венского конгресса. Слава богу, хоть вертятся не вприпрыжку, как деревенские австрийцы, от которых это кружение переняли! Признаться, ему приятнее видеть танцы местных жителей, особенно лезгинку, зажигательную, как гопак или барыня и даже трепак. Но местные своё не ценят и будут завидовать чужеземным пляскам.

Слуга Жан-Пьер принёс еду из ресторации. Господин в халате, следках и ночном колпаке строчил письмо сразу набело. Он торопился: в субботу экстра-почта уходила

из Пятигорска через Георгиевск. Жан-Пьер почистил господское платье. Осип приготовил постели и поставил ночную вазу. Принёс господину стакан бордо. Поужинали. Осип спросил: «Чаю, ваше высокоблагородие?» В ответ услышал: «Не стоит, дружище!» Значит, сегодня барин пришёл в добрый настрой. Выкурили по трубочке. Помолившись, отправились спать рано.

Барин, ворча на неудобства, расположился на кровати. Ему снилось, что он едет через слободку на белом коне счастья и везёт добытого горного козла. Следом едут довольные Хасновы. На крыльце он видит улыбающуюся жену Авдотью Гавриловну. Младшенький стоит рядом. Боже, сохрани его на войне!

Слуга Жан-Пьер убрал посуду со стола, прикрыл крышкой походную чернильницу господина, вытер бронзовое перо и палочку, убрал в пенал, и увидел конец письма. Ему не давалась скоропись и чтение, поэтому он практиковался на всём рукописном и печатном, что попадалось на глаза.

В листке на столе он прочитал: «Вокруг меня край невообразимой красоты. Едва взгляну я на эту картину, какое-то грустное чувство гнетёт и расширяет сердце. Мысль о тебе сливается с ним, и, будто во сне, убегает от меня твой образ. В какой прекрасной гармонии был бы твой несравненный облик среди этой сказочной природы и какое бы земное блаженство испытал я?.. Ах, почему тебя нет здесь! О бесценная, добрая, ангельская душа! Один взор твой – и я исцелён! Как счастлив я буду, излеченный, приветствовать тебя от всего сердца»¹.

¹ по повести А.А. Бестужева-Марлинского «Аммалат-бек». Писатели прошлого умели красочно изображать глубины эмоций героев и героинь!

Жан затушил свечу и, повозившись, расположился на полу. Лежащему рядом крепостному Осипу утром вставать раньше всех и делать завтрак. После завтрака Жан-Пьер отнесёт вымытые горшочки в ресторацию, отдаст кухарке и станет оказывать ей изящное внимание и осыпать комплиментами с французским акцентом. *Quelle belle aux yeux bleus blondinotchka! Dois-je faire connaissance!*¹.

Он шёпотом сообщил об этом Осипу. «Э, - ответил Осип, – у тебя ничего не выйдет: твой французский котелок не знает здешних обычаев. Первое дело – никто не знакомится без подарков, второе – одни невежи возвращают наполненные горшки пустыми. На Кавказе так не делают. Перед тобой Восток, а не Европа. Тут за презенты благодарят не словами! Вот и будет тебе афронт!» Барин проснулся и внятно произнёс: «Спать, а то пошлю на конюшню!»

Осип захрапел, а Жан-Пьер долго думал, что положить в горшочек, и не понимал, почему Осип путал горшок с котелком. Всем известно, что это разные вещи! Потом вспомнил французскую поговорку «*la nuit porte conseil*». По-русски звучит тоже неплохо: «утро вечера мудренее». И, успокоившись, заснул.

В кухне натрудившаяся кухарка получила меню другого дня, составленное для неё на русском. Меню принёс Алексей Петрович, оставшийся за хозяина. Прочитала, одобрила и, когда он ушёл довольный, попрощалась с помощницей и отправилась домой, захватив тяжёлую цыбарку² помоев для свиней.

1 *Какая прелестная голубоглазая блондиночка! Я должен познакомиться!*(фр.)

2 *ведро*

Измученная помощница в последний раз перемыла, вытерла и убрала посуду, столовые приборы, горшки, кастрюли и сковородки. Подмела пол. Выстирала и развесила сушить полотенца и тряпки. Выставила грязную воду за порог. Убедилась, что очаг и печь потухли и задвижки дымоходов открыты. Поправила фитиль и долила освящённое конопляное масло в лампаду. В ночник было залито новое масло из подсолнухов.

Делая вечерние привычные дела, размышляла. Она всегда так делала, помня совет покойной матушки обдумывать прошедший день, чтобы все не вымалить у бога прощения. Подсолнечное масло отличное, а жаренные подсолнечные семечки лузгать – удовольствие! Крупные даже называют грызовые. Приятель Алексея Петровича сторож Нефёдыч, беззубый старый солдат, ночью щёлкает семечки крепкими пальцами, шелуху бросает наземь и утром подметает.

Картошка с этим маслом и солью – просто объедение! Братец дует на пальчики, когда чистит горячие клубни, и приговаривает, что у толстячков жгучие мундирчики. Любо-дорого ему играть клубнем, вырастившим себе круглые головку и ручки! Воображает, что картошка – это особенная живность! Он не видел ещё, как картофля растёт.»

Помощница зажгла ночник, потушила шандал и стала на колени перед иконой, чтобы молиться с земными поклонами. Помянула родителей. Шёпотом пожелала благополучия родным. Покаялась и пообещала богу помириться с горничной Ксеньей, с которой поссорилась.

Наконец, договорила свои мольбы к богу, встала, заботливо подвинула брата на печи и улеглась рядом. Сказку пришлось опять отложить: брат не проснулся и шум бала его не будил. Полежала и никак не могла успокоиться:

«Но Ксения не права! Почто она сказала дурацкую историю про вчерашнее привидение в крепости? Балаболка, прости, господи! Рассказывала, что батюшка солдатскую казарму окропил святой водой с молитвой от нечистой силы, потому как один солдат жаловался, что ночью по казарме бродило белое привидение, искало кого-то в темноте и ужасно стеноло, призывая чёрта.

А ночной часовой, что на валу, признался, что тоже заметил в крепости белое привидение, и было так страшно и тихо, что даже не было слышно шума речек. А в тишине слышалось жалостное завывание. Часовой сперва подумал, что это выпь кричит из болота, что на въезде. А выпь-то не ночная птица. Не станет кричать ночью. Солдаты стали волноваться. Просили нашего сильного батюшку изгнать сатану. Тепереча все довольны и больше не боятся!

Ксенька-трепло назвала привидение забинтованным, как моего парня Сашу, и ещё болтала, что, мол, Саша жалился ротному командиру Никонору Ваньчу, что ночью не спал от боли и выходил на двор. Теперича дразнят дружочка «окроплённым видением» и смеются, трусы! А Сашенька справный солдат и стреляет лучше других. Даже Нефёдыч хвалил за то, что песни хорошо поёт! Заслушаешься!

Дружочку не повезло. Стоял над ямой, выкопанной для отхожего места. Край, возьми, и обвались! Миленький и полетел головой об камни и, надо же, головой стукнулся, а повредил ногу. Нога опухла и болит, и доктор Николай Фомич говорит, что в кости может быть трещина и надо показать в Пятигорск. Слава тебе господи, что не убится! Повезли горемычного в лазарет. Как доктор сказал? А, помню! На конвульсию! Помоги, мать божия! Богородица, дева, радуйся! Благословенна ты в женах.» Закончив шептать молитву, успокоилась и

усталая заснула, как-будто провалилась в небытие.

Зал ресторации¹ сиял множеством восковых свечей. Плошки с горевшим маслом освещали пространство перед фасадом и возле лестницы. Громовая музыка военного оркестра разносилась из открытых окон и дверей по горам.

Господа и госпожи забыли советы докторов ложиться спать до одиннадцати. Причёсанные, в вечерних нарядах, в пудре и в аромате французских духов они расположились по краям зала и в буфетной. Разговаривали, играли в карты, пили шампанское, рассылали записки, ангажировали² по агендам³ и без них. Танцоров направлял дирижёр танцев. Танцевали в середине зала и всё больше молодежь. Некоторые выходили на балкон насладиться прохладой или спускались в темноту парка в поисках уединения вдвоём.

Любопытные поселенцы и курсовые низкого сословия, а также слуги и служанки заглядывали в окна и обсуждали господское развлечение. В зале они бывали прежде на представлениях приезжих артистов и обстановка была знакома, но господские наряды и манеры представляли для них чрезвычайный интерес. Такова природа людей. Они с восхищением и завистью глазают на недоступное, а доступным пренебрегают.

В полночь распорядитель объявил, что бал закрыт. Все знали курсовые порядки и, не возражая, спокойно отправились на ночлег. В Кисловодске не было уличного освещения. Кое-где тускло светились окна. Найти тропинки помогала луна и слуги с масляными фонаря-

1 *Примечание 1*

2 *приглашали на танец*

3 *бальным записным книжкам*

ми. Господа, увлечённые разговорами оступались. Кавалеры ругались. Дамы вскрикивали. Из подворотней лаяли собаки. Музыканты с инструментами и капельмейстер вернулись молчаливым строем в крепость.

Алексей Петрович с буфетчиком и приказчиком разложили блокноты, записали в книгу дневной оборот и занялись подсчётами. Прибыль оказалась неплохой. В это время усталая обслуга мыла полы в зале, на балконе, галерейке и в отхожих местах. Буфетчик привёл в порядок буфет. Грязную воду и отхожее вылили в речку и сполоснули бадьи. Расставили столы и стулья. Заменяли скатерти, салфетки и полотенца. Закрыли окна. Затушили свечи и лампы. Попрощались и ушли.

Звёзды, Млечный путь и луна лили яркий и холодный свет на кисловодскую долину. Часовые с вала крепости и сторожевого поста прокричали протяжное «Слушай!» Из мрака низины волнами вздымались деревья парка. Шумела текучая вода. По горному склону плыли белые домики слободы.

Вышедший на балкон Алексей Петрович вспомнил легендарного предка-корабельщика, вздохнул, погладил бакенбарды и подумал: «Мать и Маруся, верно, уже спят. Лечение нарзаном им заметно помогает и врачи обещают, что скоро мы, я и Маруся, будем вместе проводить сладкое время, как в молодости. Помолюсь и поскорее лягу. Вставать надо с петухами, открывать ресторацию, готовиться к приезду князей Хасновых и встречать их любезно. Хорошо, что станичные привезли с охоты козла, освежевали и положили на холод. Продали недорого и посулили добыть другого без задержки».

Он вернулся в дом. На сон осталось четыре часа.

Полковник Иван Петрович Бежитов смотрел прият-

ный второй утренний сон о былом и друзьях-гусарах. Снилось, что его отряд сохранился в полном составе и в утреннем сумраке и холоде готов выступить в поход.

Боевые товарищи сидели за столом под открытым небом. Покойный майор, прозванный Астрономом, говорил прощальный тост, как заправский оратор:

– Древние греки смутно представляли себе Арктику и медведей и поэтому созвездие Большую Медведицу называли Арктосом, то-есть мифическим северным «медведем». Наши чумаки¹ видят на небе вместо медведя телегу, а вместо Млечного пути бесконечный Чумацкий тракт через всё небо. Каждому видится своё! Для нас созвездие никакая не медведица, а любезный славянскому сердцу ковш для вина. Не правда ли?

Все подтвердили: «Правда!». Майор поднял пустую кружку к небу и продолжил:

– Боги благословляют воинов на питие и мы не огорчаем богов потому, что мы не заядлые винопийцы, а знаем меру! Наши юные страстотерпцы князя Борис и Глеб, небесные защитники отечества, благосклонно смотрят на нас с Луны. Верно, друзья?

Все посмотрели на круглую Луну, покрытую знакомыми пятнами, и сказали: «Верно!» Последовал вывод:

– Получив благословение, нальём последний ковш, чтобы, наконец, согреться. Слава Аллаху, на прохладном Кавказе не арктический мороз!

Разлили по-братски поровну остаток напитка из котла. Черпаком для пунша как указкой оратор помахал на созвездия:

– Отправляясь в дорогу, поместим пять небесных ковшей над Большой Медведицей. Аккуратно друг на

¹ под крики «цоб-цобе» возили на волах в крепких фурах зерно и другое в Крым, а обратно соль, рыбу и прочее.

друга, чтобы не потревожить созвездие Дракона, уползающего от Медведиц. И тогда увидим Полярную звезду.

Вот она, любезная, сидит на краю пятого ковша! Подобно мудрому и верному Ментору¹ помогает найти правильные пути в теперешнем мраке!

Намек на альманах «Полярная звезда» и на дело декабря 25-го года все уловили. Завладев общим вниманием, майор поднял кружку:

– Время пришло, друзья! Кавказская экспедиция не ждёт. За отечество и за нашу путеводную звезду!

Выпили.

Командир привязал карту к местности:

– Точно, ёксель-моксель! Отличные были ковши, кивер набекрень!

Высылает вперед дозор, зовёт лучшего трубача отряда и после певучего сигнала «под штандарты» начинает командовать, украшая приказания вторым русским языком, чтобы вселить бодрость в подчинённых:

– Садись! Не зевай! Туды твою в качель! В колонну по два! Рысью! Марш!

Гремит барабан. Походная рысь радует вороного Бурана! Старый воин, покрытый боевыми шрамами, смотрит второй утренний сон о былом, о друзьях-гусарах и любимых конях, слышит бряцанье оружия под конский топот, отдаёт шенкеля и чувствует всем телом привычный аллюр.

Полковник Иван Петрович Бежитов сладко похрапывает в снятой вчера слободской лачужке. Он доволен первым курсовым днём. В Кисловодске его ждут новые удивительные дела.

¹ наставник Телемаха сына Одиссея и Пенелопы и нарицательное название учителя.

Глава 10. Охотничья партия

Бездействие угнетало полковника. Время шло, а личная охотничья партия никак не собиралась. Он не винил князя, так как понимал причину.

В Кисловодске всем было известно, что на другой день после вселения в гостиницу больная княгиня Анна Фёдоровна объявила, что на южной стороне дома невыносимо жарко. Иван Григорьевич Ганиловский оказал любезность и поменялся с князем комнатами. Но ей было плохо. И горы, и обстановка, и прислуга и общество – *tout grossier et vulgaire*¹. Людно и шумно, видите ли! Звон колокола её измучил. Клятый колокол чуть свет зовёт к нарзану и спать не даёт!

Полковник усмехнулся, сочувствуя князю: «Представляю, что она сказала бы о выступлении артистов в зале ресторации, которое обещали устроить. А по поводу шумного бала она бы высказалась так, что подумать страшно!

Наконец, несколько дней спустя услужливый Пётр Найтаки помог Хасновым переехать по соседству в бельэтаж к Реброву. Утром князь, встретившись на терренкуре в парке, пригласил полковника на ужин обсудить планы охоты. Вопрос об охотничьей партии разрешился.

За ужином князь расспрашивал о подготовке:

– Нашёл ли ты, Иван Петрович, подходящую лошадку?

– Комендант крепости майор Никанор Иванович обещал проводников, пороху с пулями и лошадей на выбор. За деньги, конечно. Майор, видать, такой заядлый охотник, что тут же пожелал присоединиться к компании. Зовёт в крепость выверить ружья и пригнать заряды. И манки ему тоже интересны. Пусть смотрит!

¹ всё грубо и вульгарно (фр.)

– Ты говорил, что у него лошади не для охоты. А что теперь?

– Точно так, я видал их. Они вовсе не для настоящей охоты. Но на безрыбье и рак – рыба!

Давно усвоив воинские уставы, они по привычке называли «комендантом» старшего начальника на территории, защищаемой крепостью. Однако, не знали, что окружным начальником или, точнее, комендантом всех укреплений был полковник Пётр Петрович Чайковский. Следовательно, майор Никанор Иванович был комендантом всего лишь номинально в отсутствии полковника Чайковского.

Потом они, как знатоки, с удовольствием говорили о ружьях, привезённых обоими на Кавказ, об осечках, о порохе и величине заряда, о кремне, силе боевой пружины и прочих тонкостях, улучшающих попадание в цель. Надеялись, что у пристрелянных ружей прицелы и мушки не придётся выстраивать заново, а достаточно будет заняться пороховыми зарядами-газырями, чтобы заполнить ими подсумки или газырницы¹, как заведено по здешнему обычаю.

Конечно, пробную пристрелку они проведут не в крепости, а в горах. Там на это всякое ущелье сгодится.

– Думаю, – сказал князь – комендант дал понять, что он тут начальник и с ним следует согласовать место стрельбы возле крепости, чтобы не тревожить часовых.

За кофе с шартрезом, редким даже в столице, князь сказал:

– Дружище Иван Петрович, вижу, расстроил я тебя расспросами о лошадях. Хочу обрадовать! Как ты посмотришь, если я предложу тебе испробовать карачаев-

¹ сумка или нагрудные карманы для деревянных или металлических цилиндров с ружейными зарядами

ского жеребца, что я купил у азиатов третьего дни вместе с черкесским седлом? Оно вдвое легче армейского. Если понравится, возьми коня и седло на охоту!

– Ты, Виктор Мстиславич, всегда найдешь чем обрадовать! Скажу искренне, ты истинный знаток лошадей и, я уверен, что коня купил превосходного. Эти карачаи впрямь родились для охоты в здешних краях. Они, конечно, не такие быстрые, как надо бы для скачки в поле, но выносливые и ловкие, с крепкими ногами, а их копытам в горах сносу нет, даже без подков. Надеюсь, что конь к стрельбе приучен. Благодарю сердечно! Ездка будет особенной. Я знаю, что карачаи не выносят шпор, а нагайку терпят только с нежной лопаткой на конце, как у мухобойки. Здешние наездники – народ мудрый, считают, что треба лошадей любить и нагайкой не лупити! Они не дикари, вроде некоторых, которые полагают: коли не бьёшь – значит не любишь быстро ездить.

Заканчивая спич, полковник, несомненно, порицал какого-то беспардонного наездника.

– Да ты, батюшка, стихами заговорил! – рассмеялся князь.

– Случается ради сердечной благодарности, – повинился полковник.

Решили заняться подготовкой к охоте завтра же. Полковник взялся пригласить коменданта присоединиться к компании, узнать у него, можно ли в крепости приготовить заряды и где пристрелять ружья. И сразу договориться о проводнике.

Пока княжеский кучер седлал предложенного коня, докурили трубочки и попрощались.

В промежутках между лечением охотники подготовили коней, ружья и заряды. Слуге Осипу полковник нанял лошадку в крепости. Имея в виду военное время, до-

бавили к снаряжению пистолеты. На третий день затемно собрались у Жантемировских крепостных ворот. Майор, облачённый в козий ергак¹, представил двух казаков-проводников. У каждого кинжал или большой нож на поясе сзади, а у седла сумка с припасом. Одеты в выдавшую виды, но ещё крепкую форменную одежду, которую интенданты называют по-козлиному «бэ-у».

Для перевозки трофеев имелась парная повозка с солдатом. Две собаки были на поводках. Комендант, опасаясь сглазить удачу, объяснил, что денщик и повозка взяты на всякий непредвиденный случай и в компании не помешают. А о собаках сказал, что они натасканные ищейки. Хотя и неказистые на вид, но достанут всякого зверя в лесной чаще или камышах и голосом обозначат. Одну звали Пестрак. Услыхав кличку, пестро-шерстный ублюдок легавой и дворовой собаки поднял башку. Другую кличили Рябкой. Кудлатая дворняжка завияла обрубком хвоста.

Едва заметная то ли дорога, то ли тропа тянулась по волнистым холмам над ущельем, прикрытым клубами тумана. Холмы становились всё выше и выше. Небо светлело. Слева над холмами показались первые солнечные лучи. Туман, клубящийся в ущелье, рассеялся и открылись скалистые обрывы, уходящие вниз к бурной речке. Волны холмов, по которым путники поднимались, густо покрывала подсохшая невысокая трава с приятным ароматом. Местами виднелись выходы скал и отдельные кусты. В балках заросли кустарника переходили в лес. Партия по-охотничьи двигались неспешно и без шума. Смазанные колеса не скрипели, а копыта на траве почти не были слышны.

Солнце поднялось. Комендант то и дело приклады-

¹ кожан коротким мехом наружу

вал к глазу подзорную трубу, разглядывая дали. Потом негромко скомандовал солдату и казакам остановиться у ближних кустов и быть в готовности. Проехавшим вперёд князю и полковнику шёпотом предложил спешиться и тихо-тихо подняться к куче камней, что виднелась на склоне впереди саженьях в двадцати. Оставили коней, захватили ружья и подсошки, продвинулись вперёд и приготвились, укрытые камнями.

Перед ними в сотне саженьей паслось стадо в двадцать-тридцать голов. Два козла бодались. Шёл гон. Полковник достал манок и посвистел. Козлы подняли головы. Полковник посвистел ещё раз и один из козлов побежал к ним, остановился и стал поворачивать. Комендант зашептал князю: «Веди, веди!» Выстрелы прогремели один за другим. Козёл упал в траву. Стадо понеслось прочь и скрылось за гребнем холма.

– С полем! – сказал комендант и вместе со стрелками пошёл к трофею. – Рога прямые без сучков. Первогодок. Попали отлично: один в шею, другой разбил лопатки.

Солдат потащил козла к повозке.

Урядник спросил коменданта:

– Забегаем, Никоно́р Иванович, как условились?

– Забегаем, Григорий Михайлович – ответил комендант.

Казаки, не опуская собак с сёдел, «побежали» на конях по тропе вперёд и скрылись за поворотом.

Стрелки прочистили ружья и зарядили. Солдат, надрезав шею у козла, пустил кровь и принялся потрошить, негромко приговаривая: – Чекалкам¹ и воронам будет пир. Всё же они божьи твари живые!

Князь достал трубочку и кiset. Болтливый солдат, отирая нож о шкуру и не меняя голоса, сказал:

¹ шакалам

– Не стоит, ваша светлость. Здешние козы, как собаки, враз почуют хоть с ветра, хоть с под ветра. Только их и видали.

И положил козла на повозку:

– Хорош! Больше пудика потянет!

Охотники посидели немного в тени кустов. Комендант сказал: «Скоро полдень. Вот-вот косули уйдут в лес отдыхать в тени и переваривать съеденное утром. Нам пора. Надо застать их в поле. Сытые они плохо бегают в жару!» Все сели на коней и, оставив солдата с повозкой, поехали вслед стаду. Солнце припекало. Коз видно не было. Повернули влево к леску в балке. Комендант негромко сказал: «Не шумите! Птиц не тревожьте!» Рассыпавшись, затаились в кустах, держа ружья наготове

Послышался далёкий выстрел. На верху холма показалось стадо бегущих коз. Когда оно приблизилось, комендант негромко скомандовал: «Цельтесь! Пли!». Выстрелили и спешно зарядили. «За мной!» – закричал комендант. Все поскакали вперед. Маштак¹ шёл галопом в гору, прибавляя. «Чудо!» – подумал полковник. Цель двигалась слева. Конь взлетел. Выстрел. Полковник умел стрелять на скаку.

Вдруг из-за гребня холма показались казаки. Козы кинулись в россыпь. Комендант закричал: «Отсекай от леса!» Животные были рядом. Началась гоньба и разрозненная пальба. Офицеры стреляли с правой руки, казаки – с левой. Казаки зарядили и выстрелили ещё раз. Надо быть отличным стрелком и наездником, чтобы попасть на бегу. Это была настоящая джигитовка!²

Козы падали, но большая часть стада прорвалась через засаду всадников и скрылась в зарослях. За ними,

1 *приземистый крепыш*

2 *Примечание 8*

лая, умчались собаки. Полковник забыл про свою одышку. Маштак часто дышал, но вспотел не сильно. Для отличного коня скачка была недолгой. Подъехали казаки. Осип подал полковнику потерянную шляпу.

Спешившись, казак и полковник побежали в лес на злобный лай собак. Продирались с трудом. Березы, рябины, осины, другие деревья были помельче российских и перемешались с кустами лещины, колючим терновником и боярышником. Дикий виноград, хмельник и плющ перевили эту смесь в почти непроходимую чащу.

Охота с преследованием под Кисловодском в XIX веке

Полковник отстал. Впереди заверещало раненое животное и смолкло. Когда полковник добрался, косуля с раной в боку и с надрезанной шеей лежала, высунув язык, бездыханная, а рядом часто дышали собаки, тоже свесившие языки. Казак и полковник взяли козу за ноги и потащили из леса.

Можно было возвращаться. Четырех коз и одного козла поволокли по траве на арканах, привязанных к

сёдлам. Майор подъехал к уряднику и стал что-то тихо ему выговаривать. Полковник расслышал только слово «спешили». Скоро встретили повозку на тропе. Добычу отвязали и стали дружно потрошить. А майор сел на коня и поднялся на холм, чтобы оглядеть округу в трубу.

Туши положили на повозку и урядник предложил полковнику делить добытое по охотничьему обычаю. Полковник отвернулся и, не видя на какую козу указывали, называл имя стрелка. Вторую козу полковник получил по жребию, вытянув тёмный камень среди светлых из шляпы. Солдат накрыл поделённую добычу тряпкой от мух и солнца.

Возвратился майор. Расположились завтракать. Запив водой съеденное, угостили друг друга табаком, набили трубочки и закурили. Собаки жрали потроха. Солдат достал из повозки лоханку и вылил в неё остаток воды. Собаки жадно лакали.

На обратной дороге довольные охотники наперебой вспоминали недавние эпизоды. Когда в разговоре стали появляться паузы, князь сказал:

– Удивительно, какие большие стада косуль пасутся так близко к Кисловодску!

– Это что! – объяснил комендант. – Лет десять тому назад пастухи гоняли диких козлов, когда они вечерами приходили за домашними козами, возвращавшимися с выпаса во дворы. Вокруг публичного сада выставили плетень, чтобы горные и домашние козы, как и другая скотина не ели молодые посадки!

– Олени и туры тоже приходили? – спросил князь.

– Рогачи часто появлялись на соседних горках. Да и ланки с оленятами. Теперь не то, – добыть надёжно удаётся лишь в удалении.

– А что про туров? Какие у них замечательные рога!

Говорят, что здешние туры самые крупные на Кавказе.

– Это правда! С ними не сравнятся туры ни в Черкессии, ни в Дагестане, ни в Чечне. Наши горные косули тоже крупные. Вот только охотиться в горном Карачае и даже в Кабарде стало небезопасно.

– Что так?

– Война, ваша светлость, война! В дальние горы сейчас на охоту ни-ни. Вблизи тоже бережёмся, в одиночку да и вдвоём не ходим и оружие носим. Уже пять лет как горцы с запада совсем от рук отбились. В горах бродят шайки черкесских абреков и разбойничают. Вы, верно, слышали, что нам на защиту выдвинулся отряд генерала фон Засса Григория Христофоровича. В прошлом году его назначили новым командующим Кубанской линии. Разбойники теперь в страхе. Засс также, как Алексей Петрович Ермолов, никого и ничего не прощает, всё знает и справедливо карает не по нашим, а по татарским правилам, чтобы они скорее поняли, что натворили!

Полковник заметил:

– А..., вспомнил! Невысокого росточка остзейский барон Засс с длинными русыми усами и плутоватыми глазами, что в турецкую компанию отличился.

Но князя сейчас волновала больше охота на тура, нежели стратегия нового командующего. Он продолжал расспросы:

– Выходов в горы на туров нет? Это верно?

– Точно так! Однако, здесь у нас надёжная защита. Вы заметили, наверное, ваша светлость, что войска у меня достаточно. Два года назад бывший третий батальон Тенгинского полка переименовали в Кавказский батальон. Прежде каждый год на курсовое время гарнизон усиливали двумя ротами солдат, эскадронами драгун и сотней казаков. Теперь солдаты мне оставлены на весь год. Заметьте, в горах никакие войска не воюют зи-

мой, а, как медведи, барсуки и всякие там байбаки впадают в спячку. Зимой тут не повоюешь, не до воинственных инстинктов! Кавказ – это вам не Альпы французские!

Пока комендант объяснял местные порядки, полковник догадался, что князю не терпится раскрыть, «что на сердце лежит». И вмешался в разговор:

– Жаль, что туров не добыть и рогов кавказских не видать!

Комендант поспешил сообщить:

– Рога привозят на базар. Можно выбрать. Если не найдутся, поручу купить у татар. Только скажите!

Потом поговорили о здешних обычаях, из-за которых горцы украшают рогами алтари языческих покровителей охоты. Там рога – всем рогам рога!

Увидев крепость, комендант, скомандовал денщику:

– Кузьма, развезёшь добытое по домам.

– Слушаюсь, ваше высокоблагородие! – ответил солдат.

Иван Петрович обратился к князю и коменданту:

– Господа, надобно наш первый выход на охоту завершить достойно. Приглашаю ко мне в семь пополудни на скромный ужин по-домашнему. Никоно́р Иванович, не откажите! Ваша светлость, надеюсь, что вы и Анна Фёдоровна окажете мне честь и придёте по соседски!

Вечером у Ивана Петровича в номере собрались гости. Задержавшийся Никоно́р Иванович был встречен веселыми шутками. «Извините, господа! – сказал он – Дела!»

Продолжая оправдываться, достал из сумки бутылку и деревянные стопки с инкрустацией медью и насечкой, разлил по стопкам золотой напиток и заверил, что ерофеич – наилучшее лечебное средство. Не единожды

перегнанный и настоящий на кавказских травах, он поставил бы на ноги графа Орлова в два раза скорее столичной смеси, приготовленной когда-то цирюльником Ерофеем.

Задохнувшись от душистого напитка и невольно приподнявшись, сотрапезники потянулись за нарезанным овечьим сыром. Сыр был свежайший! Пока закусывали, комендант объявил, что дарит стопки сотрапезникам на память о Кавказе. Они сработаны в крепости из кавказского бука с Бештау. Проглотив сыр, оживившиеся получатели выразили благодарность дарителю.

Слуги Осип и Жан подали шашлык из молодой козлятины, приготовленный местной кухаркой. Как объяснил хозяин, готовили по горскому рецепту: козлятину мариновали в сусабе¹ с нарзаном и жарили на углях. А соусом к мясу служил тузлук². Мясо было нежнейшим. Все согласились, что французское бордо не испортило вкуса. Само собой разумеется, кахетинское доказало истинное родство с кавказской дичиной.

Никоно́р Ива́нович продолжил: «Чуете, господа, как рюмка ерофеича возбуждает аппетит?». Все и даже княгиня кивнули, вдумчиво жуя и глотая болюсы аппетитного мяса. Заканчивая свою словесную сигнатуру, комендант прибавил: «Ерофеич целебен по-кавказки, как до так и после еды! Это вам не какие-то чужеземные *absinthe ou apéritif et digestif en français*³! Предлагаю повторить!» Предложение одобрили. Слуги принесли горячее мясо и заменили тарелки.

Болезная Анна Фёдоровна покинула общество рано, отказавшись от провожатого под предлогом, что она жи-

1 разбавленный айран

2 острый чесночный соус на айране

3 абсент или аперитив и дижестив по-французски (фр.)

вет в этой самой усадьбе в соседнем доме. А новые камаряды принялись выяснять, чем местная охота отличается от правильной, которую они устраивают в своих имениях. Горячась под обильное вино, вспоминали случаи с гончими, легавыми и борзыми и сравнивали со здешними ищейками и зверовыми. Осетинский пирог от Найтаки и лаваш с базара, как и копчёный окорок от князя, не мешали дискуссии. Когда сменили свечи, выяснилось, что собрание желает, не откладывая, устроить загонную охоту на кабанов, населявших камыши у Подкумка. Обсудили, кого стоит пригласить в загонщики.

Разошлись под утро. Теперь полковник, князь и комендант при малейшей возможности бросали всё и уезжали охотиться. Полковник забыл, что он собирался идти на перепелов. Увлечённый охотой на копытных, он оставил прогулки по окрестностям, и, конечно, карты. А вот насчёт здешних балов мнения не изменил до самого конца курса, когда, волей-неволей, должен был вернуться в своё имение.

Его рисунки и рассказы, подтверждённые внешним видом загорелого, поздоровевшего и похудевшего рассказчика, произвели фурор. События на Кавказе интересовали всех. Про Кавказскую войну знали не только из газет. Помнили поразившего всех «Кавказского пленника» Пушкина и стихи: «Где пасмурный Бешту пустынный величавый, аулов и полей властитель пятиглавый, был новый для меня Парнас». Внимали рассказам вернувшихся с войны родственников. Удивлялись странным нарядам горцев, обычаям, красоте гор и изобилию дичи. Поэтому аплодировали танцу «лезгинка», который им показал одетый в черкеску полковник, кружившийся вокруг дочери, накинувшей на плечи большую кружевную шаль и подражающей плавным

движениям горянки. Музыку подобрала Авдотья Гавриловна на рояле.

Наоборот, о минеральных водах знали мало. Удивлялись, как там всё устроено для лечения. Особенно поразила всех рассказ про коллекцию целебных вод, которые обильно изливаются в одной местности и могут излечивать разные болезни. Они не могли вспомнить подобное ни в России, ни в Европе. Некоторые помещики задумали осуществить лечение целебной водой и отправиться в путешествие на Кавказ.

Глава 11. Пятигорский госпиталь

Когда рассвело, пришли за дежурным фельдшером. Фельдшер ушёл и Александр остался один в приёмном покое. Он почти выспался, нога не сильно беспокоила и голова не кружилась. Встал с кушетки, старательно сложил солдатское одеяло и положил под подушку. Потом намотал подсохшую портянку на здоровую ногу и натянул сапог. Проверил, на месте ли мешок с вещами. Убрал другую портянку, что подстилал под грязный поршень¹ на ноге. Взял костыли, выбрался на двор и, вытянув больную ногу, сел на лавочку у дверей.

Госпитальная казарма нижних чинов располагалась у подножия Машука на возвышении. Отсюда были отлично видны все детали окружающего пространства. Внизу по регулярному городку Пятигорску ходили люди, ездили экипажи и всадники. Вились столбики дыма над домами. Слышался бой городских часов. Под лучами солнца сверкали извивы речки Подкумок. За речкой раскинулась станица. Там тоже виднелись люди. От станицы поднимались вдаль увалы, покрытые побуревшей травой. Из них выступали одинокие горы, как

¹ кусок толстой кожи, стянутый ремешком вокруг стопы

купола. Чем дальше, тем сильнее увалы насыщались цветом неба. Из тёмно-синего подножия на горизонте вставали снежные горы Кавказа, украшенные величественным двуглавым Эльбрусом.

Солнце приятно согревало солдата. Вернувшийся фельдшер строго спросил:

– Ты что тут делаешь? Тебе нельзя двигаться, пока не разрешит доктор! Вон там отхожее место и умывальня – показал рукой, – но тебе самому идти туда нельзя. Я пришлю кого-нибудь помочь. С кухни принесут поесть, а то останешься голодным до обеда. Сиди здесь и жди, не отлучаясь!

Через некоторое время пришёл пожилой санитар с едой. Александр ходил с ним в отхожее место и умылся. После ели вместе, курили и смотрели, как въезжали во двор два врача в экипаже. Санитар сказал: «Жди!». И ушёл.

Было близко ко времени обеда, когда санитар повёл его, как объяснил, «на диагноз» к самому главному врачу госпиталя Якову Фёдоровичу Реброву. Александр спросил санитаря:

– Это что брат кисловодского Реброва?

– Точно! – ответил санитар. – Но он доктор добрый.

У Якова Фёдоровича Александр увидел знакомых с вечера доктора Дроздова Ивана Ефремовича и фельдшера Мирослава Михайловича. Яков Фёдорович прочитал кисловодскую записку, а фельдшер разбинтовал голову Александра. Медики осмотрели рану и остались довольны.

– Чисто! – сказал Иван Ефремович.

Яков Фёдорович долго разглядывал через ручное зеркальце глаза Александра и заключил:

– Нормально!

Потом велел показать язык, закрыть глаза, вытянуть руки, растопырить пальцы, сжать в кулаки и пальцем указать нос. Александр догадался указать на собственный нос потому, что язык-то он высовывал свой. Яков Фёдорович спросил:

– Тошнило после падения?

– Нет. – сказал Александр.

– Когда последний раз болела голова?

Александр ответил, что не помнит. Тогда спросил Иван Ефремович:

– А вчера болела?

Александр ответил честно, что не болела и не могла болеть, так как на привале он пил мало вина. Доктора рассмеялись.

Приказано было снять лонгет. Пожилой санитар разматал повязку и снял лубки. Яков Фёдорович и Иван Ефремович по очереди поглаживали и надавливали со всех сторон опухшую ногу, чуть двигали суставы и стопу и нажимали легонько на пятку, каждый раз спрашивая не больно ли где. Александр решил, что они искали, где больше всего болит, но помочь не мог, о чём и сказал. Иван Ефремович ответил: «Не волнуйся, всё хорошо!»

Затем доктора поговорили друг с другом на медицинской тарабарщине про какого-то Фибулу с Фибией и, довольные оба, быстро пришли к согласию, что в Кисловодске и здесь у них в Пятигорске фрактура неполная, можно ставить абазинскую повязку с пропиткой клейстером, а ревизию делать через неделю. Фельдшер всё записал.

Главный врач Яков Фёдорович обратился к врачу Ивану Ефремовичу:

– Возвращаясь к нашему разговору. Конечно, свежая баранья шкура, высохнув, создаст необходимую жесткость. Липовые лубки готовы сразу, но они не такие

удобные. Ты прав, абазинский бандаж – наиболее щадящий. Итак, пробуем? А войлок есть?

Иван Ефремович ответил:

– Я вчера говорил с Петром Найтаки. Он, на ночь глядя, привёз этого раненого. Я объяснил ему, что требуется, и утром он прислал человека с войлоком.

Главный врач улыбнулся, а фельдшеру сказал:

– Запиши! Провести курс Александровских ванн по результату.

И добавил про себя:

– Естественно, после снятия повязки.

Продолжая улыбаться, сказал Александру, что, если он не хочет ужасным образом потерять ногу, то неделю должен оставаться в палате, никуда не ходить и ногу беречь. Ни в коем случае не нагружать и не ударять! В это время фельдшер и санитар бережно вымыли и вытерли ногу, а потом по ней резали и сшивали войлок.

Александр решился спросить:

– Тогда я вылечусь?

– Ишь, какой приткий! – сказал врач – Наверное, зазноба ждёт?

Александр покраснел, а врач сделал вид, что не заметил, и продолжал:

– Если поведёшь себя осмотрительно, тогда месяца через два разрешим бегать, а станешь баловаться, то через все четыре! Лечиться по приказу – дело серьёзнейшее! А сейчас, будь любезен, посиди часок два, не двигая больной ногой. Я скажу, когда тебе идти в палату.

Заглянув в записку ещё раз, главный врач спросил:

– Тут приписано, что ты грамотный. Так ли? Умеешь и читать и писать?

Александр сказал, что арифметике тоже умеет.

– О! – удивился врач. – Откуда?

Александр ответил коротко: «Был мальчиком при

барчуке». Но свою историю рассказывать не стал.

Врач открыл книгу, лежащую на столе, и подвинул к Александру:

– Читай!

Александр стал складывать в уме буквы и читать слова из названия книги, делая паузу после каждого:

– Сокращенная анатомия или руководство к познанию строения человеческого тела для обучающихся врачебной науке....

– Достаточно! Молодец! Писать тоже умеешь?

– Умею. В Кисловодске я писал солдатам письма.

– Хорошо! Будешь писать в больнице тоже. Нам можешь, освободишь от заботы, и мы тебя скорее вылечим.

– Но мне нечем писать. Ни пера, ни чернил и неоткуда взять бумагу!

– Вот тебе ручка с металлическим пером. Наверное, таким пером ты ещё не писал? Сильно не нажимай! Ничего, научишься.

И главный врач обратился к фельдшеру:

– Назарыч, нальёшь ему склянку чернил! Бумагу выдавай, когда спросит!

Назарыч, бинтуя ногу, пошутил:

– Саша, ты теперь смотри, чтобы мыши у тебя не съели клейстер вместе с ногой.

Иван Ефремович спросил главного врача:

– Определяем к легкораненым во вторую палату?

– Точно! Там есть место! Иван Ефремович сделай милость проследи, чтобы всё выполнили, как надо, и, когда подсушат, отправь в палату. Да, ты знаешь! Назарыч, голубчик, не забудь забинтовать голову! И не задерживайтесь оба, пожалуйста! Надо приготовиться к новой партии раненых. Скоро привезут. Опять ночь не спать!

Через три часа уже знакомый санитар привёл Александра с подсохшей повязкой в палату легкораненых. Там все знали всё и обидно называли «защитником арьергарда». Храбрецы, мол, бьются с врагом уверенно, когда позади есть воины, не щадящие ни головы, ни ног, чтобы укрепить тылы.

Один солдатик с прибинтованной рукой, приплясывая, выступил вперёд. Сказал:

– Смотрите, какой храбрый воин к нам явился!

Заплясал снова и вдруг запел пронзительным дискантом, завершая каждый куплетец знакомым припевом «Лю-ли, лю-ли, стояло. Лю-ли, лю-ли, стояло.»:

Братцы, бабы будут наши,
Увидав штаны на Саше.

Рады будут милочки
Войлочной подстилочке.

Жги! Жги! – закричал в восторге другой раненый. И вся компания, сидящая на постелях, стала дружно подпевать, притопывать и прихлопывать, будто собирались пуститься в пляс за пляшущим солдатиком, распевавшем частушки:

Придут серенькие мышки
Прогрызут ему штанишки.

Скажут: «Миленький дружок,
Видим сладенький сучок!»

«Ой-ё-ёй, – захнычет Саша, –
Что за жизнь такая наша?»

Не хочу никак я, братцы,
С длинноусыми сражаться!»

Солдатык как бы нечаянно пропел другое последнее слово. Все захохотали и повалились в койки, в восторге дрыгая кто ногами, а кто руками, у кого что уцелело. Видно, они себе не в первый раз устраивали подобные развлечения.

Пожилой санитар, принёсший тюфяк с подушкой, одеяло и постельное, возмутился в сердцах:

– Оборзели, пропердоли несчастные? Жеребцы! Не можете без сальностей? На человека кидаетесь! Что вы запоёте, коли он письма для вас писать не станет?

Александр поспешил уверить, что он со всем своим удовольствием напишет, чем ещё больше развеселил страдальцев.

– Он ещё и сочинитель!» – сказали.

Пока раненые смеялись, санитар велел:

– Свой мешок дашь мне. Оставь только, что тебе потребуется в палате. Что не потребуется, одёжу, сапоги и прочее сложи в мешок, чтобы сдать для сохранения. Покажи, написана ли фамилия, – взглянул и одобрил. – Я снесу каптёрщику. Получишь назад, когда выпишут».

«Защитнику арьергарда» кровать определили у двери. Санитар помог постелить. После, проверив, забрал вещмешок. Знакомясь с однопалатниками, Александр узнал, что в госпитале спать – милое дело, никаких забот. Только каждый день в одно время обходят и строго проверяют врачи. А ещё важный обычай – не забывать спрашивать «судно, утку и попить» при крайней нужде, когда встать не можешь. «И пожрать никогда не забывать!» – складно прибавил один.

Тут принесли ужин. Артельщиком был Степан, солдат постарше. Степан проговорил молитву и переkre-

стил горшок с едой. Все сказали: «Аминь!» и вслед за артельщиком стали черпать по очереди гречневую кашу с маслом. Ложка у Саши имелась своя. Выпили по кружке чая с сухарём. Проговорив благодарственную, отправились на двор покурить.

Старший позвал: «Черке-е-ес! Черке-е-сик!» Из под крыльца вылез крупный щенок, завилял хвостом и попытался лизнуть руку дающему. Ему в миску был положен остаток каши. Посидели на лавочках, покурили трубочки, повозились со щенком, сходили в отхожее и помыли руки и горшок.

Саше, ещё не привыкшему к костылям, немного помог Игнат, солдатик-певец с привязанной рукой. Он сказал:

– А на обед дают хаш. Невкусный. Ужас, как опротивел, но, говорят, от него кости быстрее срастаются. Ты пробовал?

Саша был на него обижен и сказал только:

– Да. Это горячий холодец.

Они узнали, кто откуда в армию попал. Оказалось, что Саша волгский, а Игнатий черниговский. Знакомец поставил щенку воды. Вернулись в палату и, помолившись, легли спать. В углу перед иконой горела лампада. Артельщик проворчал что-то вроде «не напасёшься» и задул свечу.

Так Александр Симонов впервые оказался в госпитале для нижних чинов. Впереди были долгие два с лишним месяца лечения. Ему здесь нравилось, хотя было непривычно скучно: ни тебе караулов, ни стрельб, ни учений и никакой работы. Весь конец лета стояла жара. Однажды вечером раненые все вышли во двор и смотрели сверху, как горел край Пятигорска. Сушь стояла и ветер поднялся, потому пожар не смогли остановить и за ночь выгорело 26 домов, всё больше хибарки бедных людей.

Отчего пожар случился, никто не знал.

Он скучал по своей милой и весёлой Настушке. Часто писал короткие письма кухарке Прасковье Семёновне, знающей грамоту, и передавал приветы Насте, её братику и другим знакомым. Списки приветов он привык вставлять в письма, которые писал по просьбе раненых. Обидеть кого-либо считалось не по-людски в деревнях, откуда были солдаты. В крестьянских общинах близких и дальних родичей уважали.

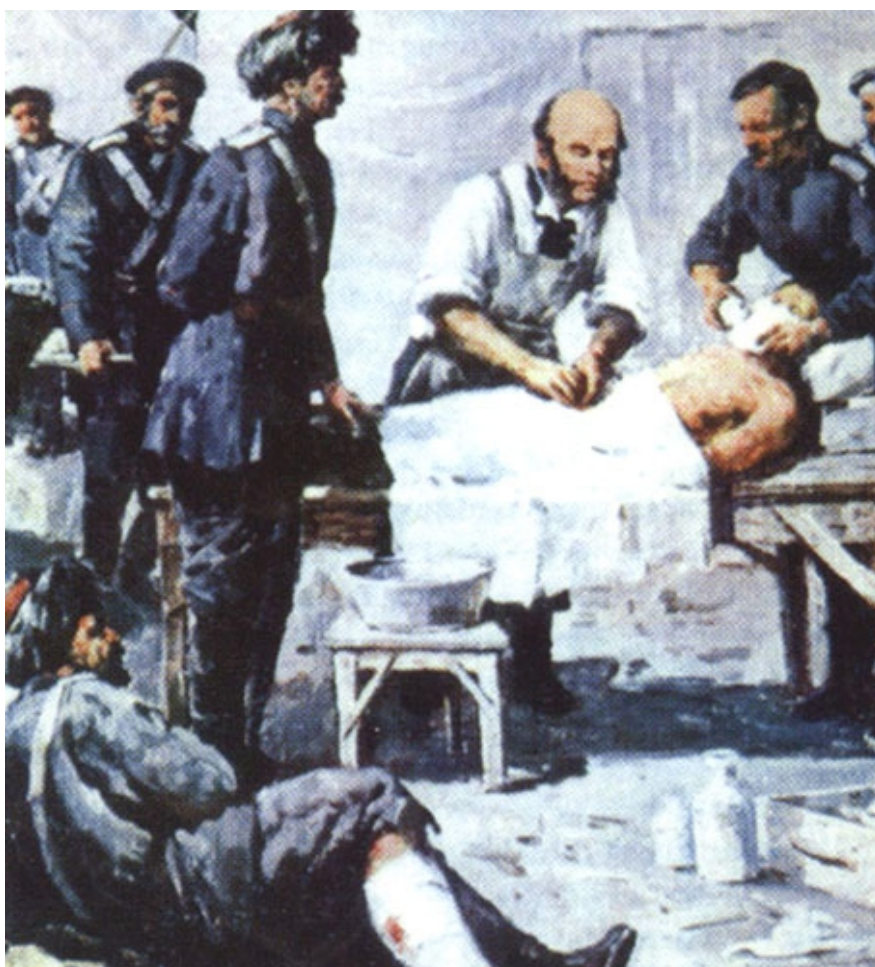
Писать дорогим металлическим пером он приноровился, но всё равно получалось коряво. Гусиным было как-то привычнее. В чтении писем он поднаторел особенно. Мог разобрать, если было написано непонятно. Раненые перестали дразниться и даже благодарили: кто даст яблоко, кто огурец, а кто и сладкую конфекту. Табачком тоже одаривали.

Один ефрейтор, которому он писал письма в деревню, стал ему настоящим другом. Известно, настоящая дружба и любовь приходят ниоткуда и без причины! Друг лежал в гнойной палате, где редко выздоравливали. Отсюда всех отправляли на погост, расположенный в удобной близости от госпиталя. А часовня при госпитале была прекрасно устроена для отпевания.

Друзья говорили обо всём. Ефрейтор больше вспоминал военные случаи, как будто хотел поделиться опытом, а Саша говорил о Настушке-душке. С удовольствием приносил другу угощения, полученные за письма. На повторной операции другу отрезали ногу, чтобы остановить антонов огонь. Это было ужасно: крики и стоны слышались из операционной даже во дворе! Но она, гадина-гангрена, продолжилась!

Надеюсь, читатель-медик, вам не доводилось испытывать ледяное чувство безысходности, когда вы знаете, что спасти человека можно, только страшно мучая.

Когда сравните этот ужас, так сказать, с удобствами современной хирургии, вы, может быть, поймёте душевное облечение, которое испытали врачи, когда увидели операции под эфирным наркозом, проведённые перед ними Николаем Ивановичем Пироговым на Кавказской войне в 1847 году.

Н.И. Пирогов на Кавказе оперирует раненого, усыпленного эфиром (неизвестный художник)

Вскоре врачи повсюду делали резекции под эфирной анестезией, применяли йодную настойку и крахмальные повязки. Когда Александр узнал об успехах хирургии, он заплакал, вспоминая госпитального друга.

Как-то вечером позвали к другу. В гнойной палате стояла тяжёлая вонь гниющего мяса. Священник велел подойти: «Зовёт!»

Александр наклонился. Лицо друга горело. Он говорил с трудом и с перерывами:

– В трёх случаях действует тайное заклинание: в бою и в любви. Я проверил, – всё правда! Будь уверен! Только в бою... мне не повезло. Второй раз оно не подействовало.

– Заклинание... – он замолчал, восстанавливая дыхание. – Сказанные все слова не действуют. Силу в опасности им дают добрые люди.

– Я знаю... – он замолчал.

Потом, хрипло дыша, продолжал:

– Кто умирает, передаёт заклинание доброму человеку. Бывает, что владетель вдруг умирает, не оставив... – он снова замолк.

Потом пришёл в себя и зашептал сбивчивым шёпотом:

– Мне повезло умереть у тебя на руках. Целуй Николая угодника. Он твой, – показал глазами на иконку на груди. – Передашь секрет хорошему человеку, когда будешь умирать! Наклонись ко мне. Да исполнится по божьей воле!

Александр был уверен, что это был бред, однако, перекрестил друга, склонился к нему и поцеловал иконку. Умиравший прошептал несколько слов и вздохнул.

Потрясённый Александр смотрел в быстро бледнеющее лицо. Протянул руку и закрыл глаза друга.

Потом он часто вспоминал кончину друга и последние слова. Никак не мог отгадать, почему он назвал только два случая, когда сказал, что есть три случая, в которых заветные слова действуют. Какой такой третий

случай? Иконку Александр, перекрестившись, носил на груди всегда. Той же осенью подарок друга спас любимую Настушку. Он был уверен в этом.

Глава 12. Нападение горцев

Ранним утром 24 сентября (6 октября по григорианскому календарю) заядлый охотник майор Никонор Иванович, командир кисловодской крепости, отправился в ближнее урочище поохотиться с собакой на куропаток. Он, наконец, нашёл для этого время.

Курсовой сезон был позади. Поселенцы и солдаты готовили постройки и хозяйство к зиме. Команда подпоручика Фёдорова доделывала работы на ваннных самоварах. Остались последние работы в парке и на бульваре. Отдельная солдатская команда заканчивала заготовку и подвозку дров с Бештау. Главное было сделано: запасён фураж для коней и провизия для людей.

Созвездие Ориона стояло над Джинальским хребтом. Майор, поднимаясь верхом по тропе в направлении вершины Джинала, рассуждал неспешно: «Звёздный охотник скроется в лучах солнца и придёт время для *venator sapiens*¹ охотиться по небесному благоволению. Перепела по божьей воле отлетели на зимовку. Но куропаток изобилие прежнее. Птица нажировала. Трава полегла, стоит сушь и Весте будет легко челночить».

Легавая Веста бежала впереди. Сзади ехал денщик Кузьма. Майор погладил удобный подсумок на поясе: «Зарядов с дробью достаточно и пули найдутся, коли козлы попадутся! Порохового добра в Кисловодске выше крыши, сплошь все стреляют. Воображают, что они настоящие стрелки и охотники! Право слово, засиделись. Пора бы в дело, а то дисциплина стала хромать».

¹ охотник разумный (лат.)

И успокоил себя: «Ничего, найду им занятие!»

В утреннем полусвете всё замерло в ожидании солнца. В тишине слышался лишь глухой топот копыт и позвякивание сбруи. Над горами Кабан и Джинал появились первые солнечные лучи. Станный тихий шум слышался позади.

Штурм аула Ахульго (Рубо А.Ф., 1889-1890, фрагмент)

Майор обернулся и неожиданная картина открылась перед ним. Сверху было хорошо видно, как на Кисловодск с переправы через Подкумок потоком движется конница. Майор крикнул денщику: «Возвращаемся!». Повернул рывком коня, позвал собаку: «Веста, ко мне!». И поскакал вниз.

Он видел, как малая часть потока быстро направляется к сторожевому посту, а остальное войско, не оста-

навливаясь, неотвратимо продвигается по въездной дороге. «Накаркал я, – думал на ходу майор. – Дело нашлось само!» Донеслись звуки одиночных выстрелов, потом выстрелы участились. Люди выскакивали из жилищ и бежали в крепость.

Когда стрельба разгорелась, майор уже прискакал к ресторации. Он знал, что в отличие от усадьбы Реброва здесь точно были люди и в сложившейся ситуации ресторация могла задержать нападавших, пока пушки крепости не начнут палить. Сейчас всё решало время! Нападавших было слишком много и спасение было в пушках.

Солдаты подпоручика Фёдорова снимали крышки с самоваров во дворе ваннных сараев, когда мимо ворот промчался верховой казак, громко крича: «Тревога! Нападение!». Он переправился через речку Берёзовую и с криком поскакал в гору к воротам сторожевого поста. За ним гнались всадники. Сверху на казачьем посту раздался выстрел и сделалась стрельба.

В команде подпоручика солдаты были без оружия, лишь двое, успевшие вбежать в ворота унтер-офицер и рекрут, были вооружены. Это дневной наряд направлялся к въезду. Пост у шлагбаума поддерживали в ожидании приезда императора. «Василий! – сказал подпоручик унтеру – беги к Реброву и поднимай тревогу!» А солдату приказал: «Рекрут, бегом в ресторацию. Пусть бьют в колокол и спасаются!»

Остальным солдатам он велел бежать в крепость и заторопился за ними. Когда пробежали мимо гауптвахты, оттуда стали стрелять и удержали нападавших. Те вступили в перестрелку. Убегающие под огнём солдаты уже были на другой стороне речки Ольховой. Ещё немного и, вбежав на косогор, они скрылись в воротах крепости. Последним приковылял едва стоящий на но-

гах и запыхавшийся старый подпоручик.

Рекрут Александр Симонов взбежал по лестнице на балкон ресторации. Сверху было видно, как на той стороне Берёзовой горит казачий пост. Ему открыли входную дверь. Он прокричал, что пост горит. В зале хозяин, буфетчик и двое слуг, одетые для ремонтных работ, готовили на столах ружья, пистолеты и заряды к бою, а в окно смотрел майор, начальник. Александр доложил, что подпоручик сказал, чтобы звонили в колокол.

Алексей Петрович Найтаки послал приказчика Митрича бить набат, а майор приказал Александру командовать обороной заднего входа. Там готовились кучер Мухтар с кинжалом и сторож старик Нефёдыч с саблей. Ружья лежали на подоконнике для стрельбы с коленей. Старик уступил место Александру.

От входного балкона слышались выстрелы и колокол прекратил бить набат. Во двор ресторации въехало несколько вооружённых всадников, богато одетых по-черкески. В красной боевой куртке, наброшенной на блестящий панцирь, шлеме с красным флажком и красных ноговицах узнавался бек.

Нефёдыч во-время сказал негромко:

– Без команды не стрелять! Целиться!

Мухтар, выбрав цель, внятно проговорил:

– Аллах болушсун!¹

Мирному карачаевцу ещё дед завещал ненавидеть воинственных черкесов.

Александр шептал заклинание и наводил ружьё.

Тут из кухни во двор вышла помощница Настя с ведром. Видно, занималась работой и не обратила внимания на звон колокола, едва слышный в закрытой кухне. Увидела черкесов, бросила ведро, кинулась назад и за-

¹ Да поможет бог! (карач.-балкар.)

хлопнула дверь. Ведро загремело, всадники остановились, бек засмеялся, а один из нукеров¹ поехал к кухне.

Ветеран Нефедыч скомандовал, как заведено в армии, начав протяжно и резко закончив:

– Цельтесь, пли!

В пороховом дыму они разглядели, что конь возле кухни вздыбился и повалился, а черкес спрыгнул на землю. Бек покачнулся и начал падать с седла. Соседний нукер успел подхватить к себе на коня. Спешенный черкес вскочил на коня бека. Все повернули к воротам, на ходу разрядив ружья по окнам ресторации. Пули ударили в стены. Стрелки, укрывшись за подоконниками, спешно заряжали ружья. Нефёдыч выстрелил в убежавших, но не попал.

Заряжая ружьё, Мухтар тихо сказал:

– Аллах, бек сау болугъуз!²

Запыхавшийся подпоручик прибежал на бастион, который был обращён в сторону колодца нарзана. Противник находился в секторе пушечной стрельбы с этого бастиона, с других бастионов он не наблюдался и там стрельба задерживалась. Артиллеристы уже развернули пушку в требуемом направлении. Старший фейерверкер³ доложил, что картечь до горящего поста достанет на излёте и поэтому зарядили ядром.

Подпоручик проверил прицел. «Вот молодец, – подумал он о фейерверкере, – точно помнит мои наставления!». Сразу увидел, что обороняющаяся гауптвахта располагалась на безопасном удалении от настильной

1 *помощник в мирное время, дружинник в военное (тат.)*

2 *Большое спасибо, господи! (карач.-балкар.)*

3 *чин в артиллерии, как старший унтер-офицер в пехоте или старший урядник у казаков*

траектории, но толпа всадников скопилась на въезде перед гауптвахтой и оказалась в стороне от точки прицеливания. По правилам, составленным императором Павлом в Гатчине и действующим до сих пор, первый выстрел делается как можно скорее, даже, если прицел плох. И офицер не стал перенацеливать.

Прибежали с огнём. Второй номер зажёл фитиль пальника. Поручик снял прицел. По команде: «Орудие, пали!» второй номер стряхнул пепел, раздул губами и поднёс пальник к скорострельной трубке¹. Ударил протяжный грохот и орудие откатилось. Пламя и дым скрыли мишень.

Позади барбета на стрельбу смотрели люди, спасающиеся в крепости. Прибежала простоволосая женщина с плачущим младенцем на руках и прокричала охрипшим голосом: «Ратуйте², люди добрые!» Женщины стали её утешать и успокаивать.

Подпоручик скомандовал «Бань орудие!», когда подъехала охлюпкой на коне местная жительница генеральша Мерлини с саблей на боку. Размахивая нагайкой, она кричала: "Старая крыса, стреляй гранатами вперед неприятеля, а когда разрыв снарядов остановит толпу в ущелье, валяй картечью". Старик ответил: "Слушаю, матушка, ваше превосходительство!" Остальные артиллеристы даже вида не подали, что слышали. Все знали, что эта вредная баба суёт свой нос повсюду. Смочили банник³ в баклаге⁴ с уксусной водой и пробанили ствол.

1 *вставляемая в запальное отверстие тростниковая трубка с чашечкой, набитые пороховой мякотью*

2 *Помогите, спасите (укр.)*

3 *утолщение со щёткой на конце длинного древка для чистки ствола*

4 *деревянное ведро*

Подпоручик приказал: «Орудие! Заряжай с гранатой!». Канониры¹ первый и второй, действовали точно, как часы, и споро заложили и прибили в стволе новый заряд и гранату, принесённые из стоящего позади зарядного ящика. Два других канонира протравником² пробили протравочное отверстие и заряд. По команде вставили скорострельную трубку. Каждый номер знал свой манёвр: недаром Фёдоров обучал расчёт пушки приёмам по новому уставу Маркевича.

Быстро и дружно накатили орудие. Отстранив рукой канонира, подпоручик поставил прицел и стал целить в сторону въезда. Не видя за дымом, он по памяти уверенно вертел левой рукой винт подъёмного клина под стволом и жестами правой руки командовал четырьмя гандландерами³. Они поворачивали тяжёлый лафет гандшпугами и правилами⁴, а канониры удерживали колесо.

Вдруг в шуме сражения впереди послышался громкий вой толпы. Дым рассеялся, и все увидели, что враги отступили и были уже далеко.

Напряжение спало. Всё было ясно! Облегчённо вздохнув, подпоручик похвалил орудийный расчёт:

– Молодцы, братцы! Всем по чарке водки!

В ответ раздалось дружное:

– Рады стараться, ваше благородие!

Генеральша громко сказала:

– Вот как надо бить разбойников! Со мной не пропадёте, ребятушки! Отслужим благодарственный молебен о победе и каждому будет щедрый подарок!

1 звание ниже бомбардира (ефрейтора)

2 заострённая толстая проволока, на тупом конце загнута в кольцо

3 младший артиллерийский чин (подносчик, физическая сила и т. п.)

4 длинные прочные палки, используемые как рычаги: гандшпуги – для поворота станины, а правила – для опорной подушки лафета

Услышав нестройный ответ, подпоручик заметил:

– Отставить! Разве так кричат «ура»? По команде, дружно, – и махнул рукой.

Артиллеристы и зрители, прокричали громкое УРА.

Подпоручик, промурыжив время для надёжности, наконец отдал команду к разряжанию. Противник исчез и барабанщик крепости пробил «Отбой». Последние команды «Чистить ствол после стрельбы» и «Клади принадлежность» расчёт выполнял со смехом, весело уточняя, кому что лучше всего почистить и чью принадлежность куда положить. В крепости радовались.

Майор Никонор Иванович и ресторатор Алексей Петрович перебежали через зал к задней двери ресторации. Они увидели пустой двор и бьющуюся на земле жалко ржущую осёдланную лошадь. Майор спросил, что случилось. Александр стал восторженно рассказывать, как Мухтар застрелил бека.

Вдруг майор жёстко приказал:

– Молчать! После поговорим!

Ударил громовой выстрел пушки. Потом закричала толпа. Ружейные выстрелы прекратились и донеслось торжествующее «ура».

Майор спросил Алексея Петровича:

– У тебя есть комната с запором?

– Буфет. – ответил тот.

– Мухтар, оставайся охранять! Нефёдыч, Александр и все остальные за мной! – приказал майор. – Запри дверь! – приказал он Алексею Петровичу.

В тёмной комнате с закрытыми ставнями, где они едва различали друг друга, майор строго сказал:

– С этого дня вы никому ни слова не скажете, что Мухтар стрелял в бека. Если бек умрёт, Мухтар и его род станут для черкесов кровниками и тогда им не сдобро-

вать! Кто бы ни спрашивал, отвечайте: «Не знаем, не видели!». Понятно?

– Да. – ответили Нефёдыч, Александр и слуги.

Алексей Петрович тоже сказал «да» и прибавил:

– Если проговоритесь, мы с майором, прости господа, отводя беду, скажем, что вы всё придумали со страху. Вас будут считать неумными лжецами, пустомелями, хвастунами, клеветниками да ещё и трусами. Никонор Иванович, верно я говорю?

– Точно! – ответил майор.

Агенты, которых командующий Засс содержал среди горцев, сообщили, что предводитель набега Али Хырцыз был тяжело ранен пулей и впал в беспамятство. Руководить нападением было некому. При всеобщем отчаянии отступили и ускакали на несколько вёрст, надеясь, что очнётся. Но обнаружили, что их предводитель умер и решили уходить, пока не пришли войска.¹ Кисловодск был спасён!

Раненых солдат и жителей отвезли на лечение в Пятигорск. Всем миром отпели и похоронили зарубленную толстую поручицу Шатилову и казаков, погибших на посту в огне. На обоих кладбищах, слободском и станичном, сделали воинский салют. Плакали об угнанных в плен. Погибшего казака-калмыка, поднявшего тревогу, забрали приехавшие родственники.

Дальнейшее

Для тех, кому любопытно знать, назову некоторые интересные события, случившиеся с героями этого повествования в дальнейшем.

Следующий курсовой сезон 1837 года прекрасно

¹ *Примечание 9*

изображён Михаилом Юрьевичем Лермонтовым в романе «Герой нашего времени». Мой отец Анатолий Андреевич, сам отлично писавший и рисовавший, погиб в 1943 году солдатом на Отечественной войне. Я уверен, что он хранил книжечку романа в вещмешке и читал товарищам. Одно из писем, которое он прислал, было нарисовано и написано на вырезанном форзаце. Рукописи отца украли в освобождённых Эссентуках осенней ночью того же года и, вероятно, сожгли, как топливо.

В 1837 году персонажи моей истории снова ждали императора. Они убрали сгоревшие остатки казачьего поста и домов. Истоптанный конями новый бульвар на въезде привели в порядок. Главный садовник на водах Джерсей занимался этим с солдатской командой.

В октябре император Николай I, наконец, заехал в Пятигорск, когда возвращался из Грузии. За день всё осмотрел, сделал замечание о тесноте церкви – народ сбежался со всей округи – и повелел строить собор. На каждый год выделил двести тысяч рублей для новых построек и для улучшения лечебных заведений.

Генеральша Екатерина Ивановна Мерлини с гордостью рассказывала всем, что государь, узнав о её битве против диких разбойников прислал в награду бриллиантовые браслеты и фермуар с георгиевскими крестами.

Старый подпоручик Фёдоров продолжал незаметно служить. Имя подпоручика осталось неизвестным.

Меткий стрелок, сотворивший спасение, жил на водах, как прежде. Его инкогнито оказалось вечным. Пока не остыл интерес к происшествию, любопытные пытались найти героя. Потом о поисках забыли.

Пётр Афанасьевич Найтаки убедился в очередной раз, что Кавказ – такое место на Земле, где по неведомой божьей воле встречаются христианская судьба и ма-

гометанский кисмет¹, – парочка, что дружит без границ и ненавидит без предела! Никому не избежать божьего наказания, – думал старый Пётр. – Пора каяться и молить милостивого господа о прощении!»

Пётр доверительно открыл давнему другу Мухтару, как участники сражения восхищены его удальством, но настойчиво советуют скрыть убиение бека и сами клятвенно обещают хранить молчание. Объяснил, почему такое решение самое мудрое. Мухтар согласился и эта договорённость ещё больше укрепила их дружбу. Позднее Пётр подарил другу от всех участников обороны ресторации превосходное тульское ружьё, привезённое Егором Найтаки с зимним обозом.

Комендант кисловодской крепости Никонор Иванович помог Александру Симонову стать семейным солдатом или, как тогда говорили, «полусолдатом». В донесении полковнику Чайковскому он сообщил, что рекрут взял на себя команду при обороне ресторации и отметил мужество, заслуживающее перевода в солдатский чин. А устно рассказал, что из храбреца со временем получится надёжный фельдфебель и на примете есть прекрасная девушка из местных. Добрый Пётр Петрович Чайковский приказал исполнить.

В этом году Александр и Настушка сочетались браком в недавно построенной в Кисловодске деревянной церкви и поселились в землянке в одном из крайних дворов слободы. Конечно, они взяли к себе Настинного братика. А землянку выкопали сослуживцы Александра. Подтвердилось, что человеческий род начинается с романтической истории. Не удивительно, что к нашему времени в этих краях появилось множество Симоновых.

На следующий год на деньги, выданные семейному

¹ судьба, ниспосланная Аллахом человеку (араб.)

солдату на обустройство, Саша и друзья-солдаты построили на каменном фундаменте саманный домик с тростниковой крышей. Сослуживцы настояли строить не из турлука, как у других, потому, что из самана будет теплее, а когда Саша заработает достаточно денег на постояльцах, то сделает железную крышу.

В тот год по окончании курсового сезона Александр с друзьями весело праздновали крещение первенца. Комendanт Никанор Иванович и казаки привезли к празднику козлятину, только что добытую на охоте. Маруся и Алексей Петрович принесли красивые пинеточки и другие вещи, связанные Марусей для младенца. А ещё раньше на рождение они подарили молодым родителям детскую люльку. Сделали это с удовольствием и в то же время со светлой завистью, ведь им самим господь не давал детей, но позволял радоваться чужому счастью. Через годы господь смилостивился и у них родился сначала один сынок, а потом и другой. То были наши деды.

После праздника кисловодская ресторация была закрыта на зиму. Пётр Афанасьевич переехал с женой в Ставрополь, а Алексей Петрович остался в Пятигорске. Когда начались морозы (раньше климат был более суровый), Алексей отправился из Ставрополя с купеческим обозом, чтобы снабжать кавказскую армию.

В тот год на дуэли погиб Пушкин, а Лермонтов за стихотворение «На смерть поэта» был сослан на сражающийся Кавказ. Любимый Кавказ лечил тело и душу внезапно явленного поэта, пока не забрал себе навсегда. Поставленный у Крестовой горы бронзовый бюст смотрит на место, где поэт пил нарзан и гулял перед обедом «у Найтаки». Полтора столетия спустя тут играла с бронзовой ящеркой на камне наша маленькая дочка.

Примечания

1. Кисловодская ресторация

Кисловодская ресторация с гостиницей, как и лермонтовская площадка на её месте, были устроены на травертиновом бугре, из-под которого прежде бил источник нарзана. Потом источник сдвинули к каптажю в Нарзанной галерее.

История кисловодской гостиницы началась в 1823 г., когда готовились принять на лечение почитаемую всеми 63-летнюю императрицу Марию Федоровну, вдову Павла I, мать Александра I и будущего Николая I. Приказание командующему войсками кавказской линии генерал-майору К.Ф. фон Сталю отдал генерал от инфантерии Алексей Петрович Ермолов, герой войны с Наполеоном, гражданский управляющий Кавказа и главнокомандующий Кавказского корпуса, получивший в начале марта распоряжение императора Александра I.

С конца марта срочными работами руководили архитектор Джузеппе Марко и каменных дел мастер Джованни Батиста братья Бернардацци, специально присланные в 1822 г. для обустройства кавказских вод. Они приехали из Петербурга, где участвовали в строительстве Исаакиевского собора с главным архитектором Огюстом Монферраном. Поселились в Пятигорске. Солдатами командовал инженер штабс-капитан Бурачков. Ермолов обещал оплатить по счетам любые разумные расходы.

За три месяца выше источника нарзана на уступе горы над природным гротом Бернардацци возвели деревянный гостевой царский дом на каменном фундаменте, значительно переделав, чтобы приспособить к месту

расположения, проект столичного архитектора И.И. Шарлеманя. Этот архитектор подготавливал всякие проекты для Кавказских вод. Стены дома были собраны из готовых сосновых брусьев, доставленных из Георгиевска. Помещения обшили изнутри досками, побелили, оклеили обоями и окрасили в разные цвета.

Чтобы ускорить работы, солдатам платили щедро. Например, в год 1803, от которого считают возраст Кисловодска, на постройке каменно-земляной крепости полтысячи солдат получали 10 копеек за урок, что равнялось приблизительно стоимости курицы; а через 20 лет при строительстве ресторации платили 40 коп в день для скорости работы. Потратили 30 тысяч рублей. За год до этого правительство выделило 550 тысяч рублей, громадные деньги, на обустройство кавказских вод, о которых хлопотал А.П. Ермолов. Из-за спешки не отделали дом снаружи и крышу покрыли досками и лубьём. Но внутри всё было отделано превосходно.

С восхищением описал увиденное генерал-майор И.Т. Радожицкий в 1824 г. в журнале «Отечественные записки»: «Ныне здесь построен за счет правительства большой дом для Ресторации, который своей архитектурой и величиной на возвышенном месте представляет прекрасный вид. Он состоит из 4 главных комнат: дамская и мужская половины разделены общей залой, а посередине между ними – буфетная. Вход под портиком с колоннадою, лестница из белого гладкого плитняка. Златовидные обои в зале, бронзовые люстры и лампы аргантские¹ удивляют новостью явления; пурпуровая комната дамская и яркой зелени мужская с мебелью

¹ аргантская по фамилии французского инженера Арганда; настенная цилиндрической формы с улучшенным сгоранием масла и яркая

красного дерева, обитою соцветною комнатам бомбою¹, поражают приятною встречей предметов роскоши отдаленных столиц в пустыне, среди гор Кабарды. Услужливый француз-ресторатор² встречает гостей и со всей вежливостью, и модным языком³ предлагает им все, что может льстить вкусу утонченного аппетита и вкуса. Лакомые блюда и заморские вина — в изобилии. Трубки и карты — для мужчин, музыка — для дам. По вечерам, 2 раза в неделю, собираются в большой зале танцевать».

Мебель из осиновых досок изготовил весьма умелый столяр немец Леонард Кам из колонии Каррас под Пятигорском. Местность вокруг здания благоустроили. Удобная лестница к дому была устроена над естественным гротом. Осенью заложили парк.

Спешка оказалась напрасной. Старушка не приехала из опасения, что горцы нападут на поселения у Подкумка. Через два года умер её сын Александр I и, когда присягали Николаю I, случилось декабрьское восстание. Оно было расстреляно пушками. Было проведено расследование. Главные обвиняемые повешены. Другие осуждены, лишены привилегий и сосланы в Сибирь. Множество мелких участников отправлено рядовыми в действующую армию на Кавказ. На воды они попадали только в случае ранения, как и другие солдаты.

В Кисловодске сделанное для приёма императрицы не пропало. Кусты и деревья дали начало большому парку, названному общественным садом, а в 1824-25 г.г. братья Бернардацци достроили здание за 7 тысяч рублей. Снаружи стены проконопатили, обшили досками и выкрасили. Перед входом приставили портик с про-

1 *обойная шерстяная ткань, выпускаемая до сих пор*

2 *французский подданный Соломон Бартоломей арендовал до 1830 г.*

3 *французским языком*

стым фронтоном, четырьмя парами дорических колонн на нижнем балконе с перилами и ступеньками. Крышу покрыли листовым железом, доставленным из Астрахани, и окрасили.

Закончив, открыли в здании по распоряжению начальника Кавказской области К.Ф. Сталя Дом благородного собрания с гостиницей и ресторацией. В Доме не было некоторых трактирных ограничений: он мог работать допоздна и допускались женщины. Дом благородного собрания был недоступен для низших чинов и, следовательно, для декабристов, разжалованных в солдаты, хотя общество относилось к ним с пониманием и обычно принимало у себя в домах.

В Домах благородного собрания за особую плату, собираемую с посетителей через подписку, а также по билетам, устраивались торжественные приёмы, обеды и ужины, платные балы и маскарады, спектакли, литературно-музыкальные вечера и выступления артистов. Главным организатором выступал председатель дворянского собрания или другое авторитетное и обычно богатое лицо.

Расходы были большие. Так, в архиве князя Николая Вяземского сохранился лист за танцевальный вечер в 1838 г. с расчётом подписки, затраченной на оплату освещения свечами и плашками в зале и снаружи, вина, ужина по 10 руб. на 70 персон, чая, фруктов, мороженого и прочая и прочая, учтённых отдельной строкой, как и оплата прислуги. Одного шампанского выпито было более чем на 4 сотни рублей. Итог был равен 1919 рубля серебром с копейками, что равнялось годовому оброку с нескольких деревень. Дамы и девицы приглашались бесплатно.

Обыкновенные завтраки, обеды и ужины в ресторациях, как и жильё в номерах, оплачивали по фиксиро-

ванной плате, утверждённой управляющей Строительной комиссией. В ресторациях имелся богатый выбор вин, напитков и закусок. За вино платили особо. Но в отличие от трактиров хлебное вино (предок водки) запрещалось и благородные посетители почти не напивались.

Допускались азартные развлечения: карты и бильярд на деньги. Бывало, что проигрывали большие суммы. Так А.С. Пушкин, лечившийся нарзаном на обратном пути из Арзрума в 1829 г., проиграл в ресторации под расписку 10 тысяч рублей подозрительным игрокам, как считают пушкиноведаы. Среди них были офицер лейб-гвардии Павловского пехотного полка Астафьев и сарапульский городничий брат известной «кавалерист-девицы» Василий Андреевич Дуров.

Лечебный сезон на водах длился с 1 мая по 1 сентября; в те годы зимой не ездили на лечение. Врачи были частные и военные из местных гарнизонов и армейских госпиталей. В Кисловодске, последнем по очередности лечения, сезон сдвигался на месяц, фактически с июня по сентябрь. В июле и августе происходил самый многочисленный заезд больных и раненых.

После курса в Пятигорске и Железноводске приехавшие проходили долечивание и называлось оно по-немецки Nachcur. При Nachcur лечебный режим был ослаблен, чтобы помочь выздоравливающим вернуться к привычной жизни. Режим каждый выполнял по своему. Некоторые запивали нарзан вином, развлекались картами, дамами и охотой. Больные радовались жизни во все тяжкие. Быт господ обеспечивали нанятые или крепостные слуги, а также поселенцы и поселянки.

Кисловодский дом был широко известен. Его рисовали, о нём писали. Великий Лермонтов прославил этот дом, устроив здесь события романа «Герой нашего времени». Бестужев-Марлинский поместил сюда своих

рассказчиков страшных историй.

С 10 (22) мая 1835 г. кисловодскую ресторацию и гостиницу арендовал у Строительной комиссии Пётр Афанасьевич Найтаки, купец 3-ей гильдии. Этой и пятигорской казёнными гостиницами Найтаки управляли по 1860 г.

Весной 1836 г. Пётр Афанасьевич и его люди участвовали усиленно в ремонте казённых построек на Кислых водах, изношенных за десяток предыдущих лет.

В 1847-1849 г.г. ресторацию перестроил архитектор С.И. Уптон, создатель нарзанной галереи и других построек на водах. Помещения перепланировали, комнат стало 6, стены были подняты на 2 метра, сделана антресоль, крыша заменена. Снаружи стены перекрасили в серый цвет. Были также изменены лестница к ресторации и грот под ней.

В 1853 г. А.П. Найтаки построил во дворе флигель на 10 номеров и новое помещение для кухни с одобрения кавказского наместника М.С. Воронцова.

С 1861 г. после передачи курортов контрагенту Н.А. Новосельскому ресторацию содержал знакомый Новосельского из Одессы итальянский подданный и ресторатор Джованни-Баттиста Карута с женой Матильдой.

С 1869 г. владельцы менялись много раз и здание перестраивалось по их желаниям.

В начале 20-го века дом переделали в большой ресторан «Парк» с верандами вместо колонн спереди. Управляла рестораном артель из 122 человек из Константиновской. Правление состояло из 3 человек: бывшего ресторатора, официанта и кондитера. К сезону 1907 года имелась возможность отпускать до 500 обедов каждые полчаса.

С 1911 года ресторан «Парк» опять менял владельцев

и так работал до самой гражданской войны.

При советской власти в 1920-х годах в здании было открыто «Кафе», а затем диетическая столовая «Парк» и временный клуб завода по розливу нарзана.

В зиму немецкой оккупации с августа 41-го по январь 42-го здесь находился немецкий гараж. Постройку частично разобрали на дрова.

В 1944 г. после поджога всё, что осталось от дома, снесли по решению Управления кисловодского курорта.

В 1948 г. в послевоенную пятилетку, восстанавливая курорт, проложили к опустевшему историческому месту торжественную лестницу из светлого аликеновского песчаника по проекту архитектора П.П. Еськова с бронзовым бюстом М.Ю. Лермонтова работы скульптора Г.Н. Валуйского и назвали место Лермонтовской площадкой.

В 50-х в Ессентуках этот архитектор создал несколько построек в парке, парадную лестницу и ограду из того же красивого песчаника, добытого в карьере под Кисловодском. Помню, как летом маленькая бригада каменщиков обтёсывала и клала камень.

В 1977 г. собирались воссоздать лермонтовский квартал в Кисловодске и начать с ресторации, но что-то не заладилось. Площадка стояла пустой, но недолго.

После так называемой «перестройки» в начале 90-х г.г. заповедную землю, где стояла ресторация, прихватил пансионат «Факел» госконцерна Газпром.

В 2004 г. на месте прежнего входа в ресторацию возвели белый памятник в виде простого треугольного фронтона над сдвоенными колоннами. При виде этого памятника вспоминается, что здесь была ресторация с гостиницей, но трудно поверить, что в старину гостевой царский дом, равный по стоимости 32 тысячам тульских ружей, необыкновенно украшал площадку у колодца

нарзана. Когда-то это здание считали красивейшим на курортах.

Утрату чувства красоты подтверждают «образованцы» (по новослову, предложенному в 1996 г. для жертв образования А.И. Солженицыным, уроженцем Кисловодска). Они не ленятся щедро пакостить своими граффити и надписями белые колонны памятника на высоту почти двух человеческих ростов.

2. Кухня

Старинное кухонное хозяйство и рецептура блюд описаны неоднократно в книгах и показаны в интернете. Известно даже, что отечественные спички начали производить в Петербурге в начале 1837 г., когда умер А.С. Пушкин.

Мы знаем, что к этому времени не были изобретены мясорубка со шнеком, холодильник, газовая и электрическая плиты, духовой шкаф, печи ТВЧ, автоматическая мойка, мармит, блендер, соковыжималка, кондиционер и многое другое, а уж о роботах для кухни даже не воображали.

В XIX веке появились консервы. Их изобрели французы к наполеоновским войнам. Они содержали бульон, похлебку, пюре и т. п. в герметично закрытых стеклянных бутылках или в запаянных коробках. В России консервы в жестяных банках стали выпускать для армии на заводе в Петербурге лишь в 1870 г., тогда как в Англии их делали с 1826 г. Русские банки содержали жареную говядину (или баранину), рагу, кашу, мясо с горохом и гороховую похлебку. В конце века консервы известных изготовителей гордо подавали даже на важных приёмах наряду с редкими кушаньями.

В России тыква, капуста и огурцы были известны и

применялись в пищу давно. Также и чеснок, лук, арбузы и дыни. Подсолнечник из Голландии в Россию привёз Пётр I в начале XVIII века.

Масло из подсолнечника получили только в 1829 г.. Сделал это крестьянин графа Шереметьева Даниил Бокарев. На ручной маслобойке он смог выжать превосходное ароматное масло. А четырьмя годами позднее при участии Бокарева был построен первый маслобойный завод. Так что постное подсолнечное масло стало более или менее доступно всего лишь после 1833 г. За два года до интересующего нас 1836-го! До этого на Руси заправляли пищу в основном конопляным маслом.

При Пётре I перуанский картофель был экзотическим деликатесом для аристократов. В 1765 г. по указу Екатерины II в Россию доставили из Европы семенной картофель и выдали крестьянам. Встретили картофель плохо. Были бунты. Лишь к середине 19-го века при Николае I удалось массово засадить крестьянские огороды. К 20-му веку картофель стал «вторым хлебом» и тогда же в России появились помидоры, тоже родом из Перу. Можно сказать, что в 1836 году в русской кухне использовали все основные овощи, кроме томатов. Хотя по селекции тогдашние овощи, конечно, отличались от современных. Но на Кавказе картофель и подсолнечное масло встречались ещё не везде. Новые плодородные земли переселяемые помещики ещё только начали осваивать.

Как и сейчас, тогда существовали прекрасные повара и кухарки. Но по странной традиции и в прошлом и в настоящем о тружениках кухни сообщают всё больше одну сатиру. На профессиональной кухне, где несколько человек готовят еду, кипят нешуточные страсти. В психологическом отношении управлять большим кухонным хозяйством не проще, чем целой страной. Наверное,

поэтому вождю пролетариата В.И. Ленину до сих пор приписывают слова «каждая кухарка может управлять государством», сочинённые сатириком В.В. Маяковским! Наоборот, знающие люди утверждают: «Счастья не найти, кады ездют на печи! Мели Емеля – твоя неделя!» И многое другое говорит народ о кухне и приготовлении еды.

А посмотрите старинные изображения вроде лёгкой зарисовки А.И. Кандаурова к басне И.А. Крылова «Кот и повар»! Прежние художники не менее теперешних презирали прозу жизни и восхищались эмпиреями, пусть и критическими. В итоге прекрасные творения обличали обиход и губили аппетит. Знаковой картиной выглядит всем известное «Сватовство майора» Павла Андреевича Федотова. Невозможно представить себе в обеденном зале ресторации другую прекрасную сатиру «Завтрак аристократа»!

Может быть, поэтому кавказские ресторации украшали одни зеркала и жирандоли, если не считать непременных икон? Лишь в пятигорской ресторации на стене висело изображение государя.

3. Свидетельства о Найтаки

В документах нет описаний внешности Петра Найтаки. Нашлись лишь национальность, сословие и место проживания. Мало помогли лермонтоведы, перекопавшие свидетельства тех времён. Офицер-ремонтёр П.И. Магденко, покупавший лошадей для армии, видел Найтаки в Пятигорске и Ставрополе и в воспоминаниях от 1841 г. оставил единственную запись: «...маленький смуглый господин с огромными черными бакенбардами был на своём посту, следя за развлечением гостей...».

Одни свидетели считали Петра армянином, другие

правильно называли греком, а сослуживец Лермонтова А.И. Арнольди определял словом «вечный». Наверное, не только потому, что Найтаки можно было найти всегда «на своём посту». Очевидцами отмечалась расторопность и вездесущность, обязательность, готовность помочь и знакомство со всеми. Скоро все стали говорить «гостиницы и рестораны Найтаки» или просто «у Найтаки». Но писали нередко с ошибками: Ноетаки или Неотаки и тому подобное.

Безусловно, Найтаки не был похож на безбородого, худого и сгорбленного в унижении слугу, изображённого через полвека официозным и скандальным придворным художником Михаем Зиччи в иллюстрации к роману Лермонтова «Герой нашего времени». Эта карикатура подобострастного ресторатора напоминает оперного шута Риголетто и полна презрения аристократа.

Увидеть настоящего Петра Афанасьевича помогла Мария Петровна Найтаки, моя мама, рассказавшая, кем был её отец Петр Алексеевич. В 90-х в стране началась перестроечная гласность и можно было откровенно рассказывать о прошлом! Прежде при большевиках упоминать о том, как жили состоятельные предки, было опасно.

Через войны и революции она сберегла фотографию своего отца Петра Алексеевича, внука Петра Афанасьевича. На фото виден крепкий человек с бородой, похожей на огромные бакенбарды, о которых писал свидетель! Гляжу на деда и описываю прапрадеда: плотная фигура ниже среднего роста, лицо загорелое округлое, глаза тёмные, лоб открытый, крупные уши и прямой нос, чёрные густые брови, усы и мощные бакенбарды.

Изобилие волос на лице, конечно, бросалось в глаза. Свидетели, оставившие воспоминания, не различали Петра Афанасьевича и сыновей и видели в них одного

человека. Три Найтаки были, вероятно, слишком похожи: одинаково смуглые, близкого роста и сходно одетые, а, главное, имели необыкновенные бакенбарды, что сбивало с толку и маскировало различия. Выражаясь в шутку по-современному, бакенбарды были брендом корпорации «Пётр Найтаки и сыновья»!

Предок, не будучи иллюзионистом, обманул историков. Они не обратили внимания на то, что Пётр был не обязан да и не мог появляться в городах Ставрополе, Пятигорске и Кисловодске всякий раз, как в тамошней гостинице оказывался очередной очевидец! На переезд на лошадях Пётр тратил бы половину, а в Ставрополь даже весь световой день. И ещё надо напомнить о заблуждениях благородных посетителей, относившихся к обслуге, как снобы? Для них мужчины Найтаки, конечно, были на одно лицо, как для нас бородатые индийские сикхи, которых мы видим по телевизору.

Конечно, посетители могли видеть всех трёх или двух Найтаки вместе в какой-то момент в начале их деятельности, пока устраивались дела аренды. И могли догадаться о сходстве. Впрочем, свидетельств этому не осталось. В дальнейшем, наверное, каждый из Найтаки занимался в основном «своей» гостиницей. Егор – ставропольской, он жил в Ставрополе. Алексей – кисловодской, а Пётр – пятигорской. С этого времени поверхностные наблюдатели стали думать, что Найтаки – это один человек. Естественно, тогдашние курортники звали всех Найтаки Петром.

В отличие от посетителей, владельцы заведений, конечно, знали арендатора и семью. Они учитывали, что вместе со старым купцом, достойным доверия, будут работать взрослые сыновья – опытные купцы. И получилось хорошо. В отличие от прежних арендаторов, которые менялись часто, Пётр и сыновья правили гостини-

цами много лет. Неудивительно, что местные власти однажды защитили Петра от царской немилости, вызванной разгульной жизнью постояльцев и дуэлями. Наверх сообщили, что ставропольская гостиница Найтаки, где останавливаются офицеры, лучшая и закрывать её нельзя, но порядок в ней будет наведён.

Итак, я представил отца и сыновей Найтаки. Попутно открылась система в их работе. За все дела в гостиницах отвечал, конечно, арендатор Пётр Афанасьевич. Летом, когда шли военные действия и курорт был полон раненых и больных, Пётр работал в Пятигорске и Кисловодске с сыном Алексеем. Сын Егор, вероятно, старший, жил в Ставрополе, помогал отцу в гостинице и торговал. «На все руки ловкий» отец при необходимости подменял сыновей и сам встречал важных гостей.

На зиму, когда военные экспедиции не проводились, а курорты не действовали, Пётр переезжал в город Ставрополь. Сыновья, как и другие купцы, ездили зимой за товаром чаще, чем летом. Современница Е.П. Лачинова писала: «В Ставрополе найдёте одну только роскошь, которой всю цену узнаете в особенности зимою. Это гостиница. Стол в ней довольно дурён; но все чрезвычайно дорого, и в этой-то дороговизне большая выгода: сволочь не лезет туда... Прислуги довольно. Она опрятно одета и изрядно наметана. Честь и слава Ноетки, хозяину этого заведения!» Ценное свидетельство, хотя написано свысока и относится к беллетристике!

При наместнике графе М.С. Воронцове Пётр Найтаки был уже глубоким стариком и, очевидно, отошёл от дел. Братья Егор и Алексей продолжали работать, пока не наступил упадок курортов из-за падения популярности и плохого управления. При неудачливом чиновнике, управляющим курортами, бароне А.К. Унгерн-Штернберге гостиницы на водах передали другим людям. Но

энергичный Алексей Петрович не бросил гостиничное дело. Он взял в аренду частную гостиницу в Пятигорске и построил собственную гостиницу в Кисловодске. Более 60 лет с 1835 г. до приблизительно конца столетия Найтаки занимались этим делом весьма удачно.

Осталось определить характер пращура. Как описать давно жившего человека, о котором почти ничего не известно? Пришлось воспользоваться методом К.С. Станиславского. Для сценического героя сверхзадачу потребовалось решать через сквозные действия, приводящие к результатам, наблюдаемым в предлагаемых обстоятельствах.

Известно, что в каждой эпохе в одинаковых ситуациях люди по привычке действуют одинаково. «Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем», – сказал ближневосточный мудрец царь Соломон.

Чтобы узнать мотив, надо лишь точно скопировать историческую обстановку и обстоятельства, а также воспроизвести поступок человека по аналогии с известными и сверить результаты. Истинно, сущность человека познается в делах!

Речь идёт не о банальном копировании. В каждой эпохе общество и события накладывают отпечатки на язык, речь, обычаи, привычки, пищу, одежду, жильё, предметы обихода и занятия, – на те проявления человеческой жизни, которые называют культурой в широком смысле.

Возможности реконструкции прошлого удивительны! Если исторический «спектакль» сыгран верно, то можно получить «торжество исторической критики: из того, что говорят люди известного времени, подслушать то, о чём они умалчивали.» (В.О. Ключевский, 1893 г.)

4. Названия речек

Название Ольховая для речки, бегущей через кислородский парк, появилось при кавказском наместнике и командующем армии генерале от инфантерии А.П. Ермалове. В 1823 г. ждали на лечение вдовую императрицу Марию Фёдоровну. К приезду императрицы коренные названия Пхазада или Духонауква изменились на привычное для царского уха Ольховая. Соседняя Элькуша, в которую впадает Ольховая, назвалась Берёзовой. Новое и старое названия свидетельствуют, что в ущелье Берёзовой росли берёзовые кущи и гнездились орлы.

5. Аренда казённых рестораций

10 (22) мая 1835 г. Пётр Афанасьевич взял в аренду казённые ресторации с гостиницами, служившие также Домами благородного собрания в Кисловодске (около нарзана в парке) и в Пятигорске (на Царской улице).

С 1823 г. первым арендатором казённых рестораций был два срока французский подданный Бартоломей Соломон. Когда в 1830 г. по правительственному указу Пятигорск стал уездным городом, ресторациями занимались Андрей Гин, Иов и Егор Швагенсы, немецкие колонисты из селения Каррас под Пятигорском. Пётр принял дела от следующего за ними арендатора георгиевского купца Миная Подкуйченко.

В тот же 1835 г. Пётр Афанасьевич открыл в Ставрополе гостиницу «Москва» на втором этаже нового дома, построенного купцом И.Г. Ганиловским (проспект Карла Маркса, 64). Заведение называли также Офицерским клубом, но чаще найтаковской гостиницей.

Как удалось купцу Найтаки, никогда ранее не занимавшимся ресторанным делом, получить в аренду у

Строительной комиссии на водах сразу две лучшие рестораны? Это настоящая загадка. Предыдущие арендаторы на курорте, три деловых местных немца, и купец из Георгиевска продержались по одному сроку и прекратили аренду. Думаю, что следующий арендатор просто не нашёлся, – то ли были высокие арендные платы, то ли мал доход. И Комиссия предложила аренду не местному, а ставропольскому купцу, прослышав, что он подрядил гостиницу богатейшего Ганиловского. И арендодатели не прогадали.

Целую четверть века Пётр и сыновья Егор и Алексей управляли тремя гостиницами. В 1851 г. кавказский наместник граф М.С. Воронцов передал казённые рестораны в Пятигорске и Кисловодске в полное управление Алексею Петровичу. То ли доверял, то ли сэкономил перед Крымской войной. Алексей заменил к тому времени престарелого отца Петра Афанасьевича. Столь долгий срок аренды всех трёх заведений (с 1835 г. по 1860 г.) показывает, что дела у Найтаки шли отлично.

Понятно, почему контрагент Н.А. Новосельский, получивший власть на курортах с 1861 г., сразу передал доходные заведения знакомцам из Одессы итальянцу Каруте с женой.

То, что Алексей Петрович отказался от ресторанов на год раньше, свидетельствует о причине, иной, чем действия контрагента. Можно предположить, что причиной была болезнь брата. Он умер через два года в Ставрополе. По-видимому, Алексей в одиночестве не мог управлять гостиницами в отдалённых городах.

6. Пятигорская ресторанция

В 1830 г. опубликовано описание только что построенного дома ресторации с гостиницей. Оно состав-

лено главным врачом Кавказских вод Ф.П. Конради: «Большая передняя лестница с фронтоном из шести колонн Ионического ордера ведет в главную залу (ресторан). Зала в два этажа, у задней стены ее находятся хоры для музыкантов. Вправо вход в дамскую, а потом в уборную комнату, влево – комната для мужчин, а позади бильярдная комната, откуда проходят в буфет, ведущий также прямо в залу.

Некоторые задние комнаты в первом этаже отдаются в наем. В верхнем этаже находится несколько комнат в два отделения, которые также назначены для приезжих. В подземелье, построенном со сводами, помещаются удобные кухни и погреба, с некоторыми комнатами для прислуги. На дворе по обе стороны находятся два флигеля, обитаемые служащими здесь чиновниками, здесь же два ледника. В середине двора также есть флигель, обращенный окнами ко 2-ой улице, в сем флигеле теперь живет архитектор Бернардацци. Около оногo каретные сараи, а в середине двора кухни и службы. Все сие обведено каменною оградою с двумя большими воротами по бокам здания».

Замечу, в плане главное здание имеет П-образную форму. В левом и правом крыльях на втором этаже, собственно, и были два гостиничных отделения, о которых пишет Конради.

В те годы здание использовалось также для Благородного собрания. Обычно с 8 до 12 вечера по четвергам и воскресеньям здесь собирались для танцев, иногда на концерты и представления заезжих артистов. Имелась бильярдная (в подобных заведениях разрешалось иметь один бильярдный стол). В одной из задних комнат чуть не круглые сутки шла картёжная игра на деньги, её называли мрачно *chambre infernale* (адская комната).

А.И. Арнольди писал о 1841-м годе: «Раз или два в

неделю мы собирались в залу ресторации Найтаки и плясали до упаду часов до двенадцати ночи, что, однако, было исключением из обычной водяной жизни, потому что обыкновенно с наступлением свежих сумерек весь Пятигорск замирал и запирался по домам».

Кто только в знаменитой гостинице не бывал: император Николай I, генералы И.Ф. Паскевич и Г.А. Емануель, наместник Кавказа граф М.С. Воронцов, персидский принц Хосров-Мирза, писатели А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, А.А. Бестужев-Марлинский, П.А. Катенин, В.Г. Белинский, Л.Н. Толстой, композиторы М.А. Балакирев, М.И. Глинка, А.А. Алябьев, хирург Н.И. Пирогов и многие другие знаменитости. Номера были дорогими и шумными, поэтому в гостинице задерживались самое большее на пять дней, пока не найдут в городе более удобное жильё.

В последний приезд в 1841 г. М.Ю. Лермонтов провёл здесь одну ночь в 11-м номере, затем переехал к В.И. Чиляеву в домик, сохранённый до наших дней. Поэт написал о ресторации:

Очарователен Кавказский наш Монако,
Танцоров, игроков, бретеров в нем толпы.
В нем лихорадят нас вино, игра и драка,
И жгут днем женщины, а по ночам - клопы.

В 1871-72 г.г. при контрагенте А.М. Байкове произвели капитальную перестройку здания. К зданию слева была пристроена обширная швейцарская и парадный вход с навесом, а лестницу у прежнего парадного входа заменил балкон, на котором устраивалось летнее кафе. Внутри также произошли изменения. С конца 70-х годов гостиницей управляла девица Н.К. Хламова, родственница контрагента.

В конце 19-го века в здании находилось Управление Кавказских минеральных вод, а в РСФСР с 1920 года открылся первый в стране Бальнеологический институт, переименованный в дальнейшем в Институт курортологии. Он находится там и сейчас.

В январе 1943 г., когда город оставляли немцы, здание взорвали и сожгли вместе с богатейшей библиотекой бальнеологического института и архивом кавказских курортов. Утрата библиотеки и архива ощущаются до сих пор. В 1953-55 г.г. здание восстановили по проекту зодчего И.Г. Шамврицкого, увеличив объём, изменив внутреннюю планировку, карнизы и колонны. А недавно здание покрасили в приятную розовость и беж вместо исторического серого цвета местного камня, который придавал оригинальный вид всему архитектурному ансамблю знаменитых братьев Бернардацци.

7. Ставропольская гостиница

В Ставрополе купец 1-й гильдии Иван Григорьевич Ганиловский построил несколько исторических зданий. Средства на строительство он заработал, торгуя крупным скотом и снабжая Кавказскую армию продовольствием и амуницией. Среди зданий в центре города выделяется бывшая «найтаковская» гостиница. Проект «начертил коллежский секретарь Мичурин». С проектом здания были ознакомлены другие архитекторы, внесшие в него изменения. Дом закончили и заселили, как рассчитывали, до приезда в Ставрополь императора Николая I.

На протяжении последующих лет Иван Григорьевич делал пристройки к главному дому. в том числе, как было принято в домостроении первой половины прошлого века, устроил галерею, названную при

Найтаки по фамилии постоянно проживающего в ней штабс-капитана Савельева – «Савельевской».

Вначале гостиницу с ресторацией официально именовали «Ресторация». Затем в обиходе именовали «Найтаковской», хотя, как указывает документ за 1844 г., «в доме городского головы Ганиловского помещалась гостиница под названием «Москва»». Ещё одно условное название гостиницы – «Офицерский клуб».

Гостиница была дорогой, рассчитанной на богатых благородных лиц. В ней останавливались в основном офицеры. Их особенно много приезжало весной перед началом военной компании на Кавказе, которая проводилась, как правило, летом. По большей части это были военные, командированные в действующую армию. Встречались также личности, искавшие награды по знакомству.

Для постояльцев выписывали, несомненно, «Петербургские» и «Московские ведомости», а также «Русского инвалида», «Северную пчелу». Как в других гостиницах, запрещалась торговля «полугарным» вином, то есть водкой. Разрешался бильярдный стол. Одиноким женщинам нельзя было входить в ресторан.

В 1837 г. 17-19 октября в Ставрополе был проездом из Закавказья император Николай I. Осмотрел город и посетил обширный вещевой магазин кавказской армии (центральный армейский склад). Об этом событии сообщала чугунная доска, долго висевшая на магазине и снятая в связи с разрушением зданий магазина за ненадобностью.

Лермонтов с друзьями наблюдал приезд царя с балкона гостиницы. Существует почти достоверное воспоминание, как это происходило. Один из наблюдавших повторил на латыни фрондирующие слова гладиаторов, идущих на смерть перед Цезарем: *Ave, Caesar, morituri*

te salutant! И всех напугал.

Внутренность гостиницы описал в воспоминаниях П.И. Магденко: «Весной 1841 году я в четырехместной коляске с поваром и лакеем, в качестве ремонтера Борисоглебского уланского полка, с подорожной «по казенной надобности» катил с лихой четверкой к городу Ставрополю. Мы остановились перед домом, в котором внизу помещалась почтовая станция, а во втором этаже, кажется, единственная тогда в городе гостиница. Покуда человек мой хлопотал о лошадях, я пошел наверх и в ожидании обеда стал бродить по комнатам гостиницы. Помещение ее было довольно комфортабельно: комнаты высокие, мебель прекрасная. Большие растворенные окна дышали свежим живительным воздухом. Всюду военные лица, костюмы — ни одного штатского, и все почти раненые: кто без руки, кто без ноги, на лицах рубцы и шрамы; были и вовсе без рук; или без ног, на костылях; немало с черными широкими перевязками на голове и руках. Кто в эполетах, кто в сюртуке. Эта картина сбора раненых героев глубоко запала мне в душу. Незадолго перед тем было взято Дарго. Многие из присутствовавших участвовали в славных штурмах этого укрепленного аула. Зашел я и в бильярдную. По стенам ее тянулись кожаные диваны, на которых восседали штаб- и обер-офицеры, тоже большею частью раненые».

И далее: «Вечерами в общих покоях было полно людей. В бильярдной, в гостиной, в номерах, лучшими из которых считались те, что располагались на «Савельевской галерее», — всюду шла азартная игра. В бильярд нередко играли по 100 рублей за партию. На столах игроков в карты лежали груды золота и кипы ассигнаций». Сам Найтаки, «маленький смуглый господин с огромными черными бакенбардами, был на своем посту, следя за развлечением гостей».

Вот ещё описание из книги Е. Хамар-Дабанова «Проделки на Кавказе» 1842 г., запрещенной цензурой. Хамар-Дабанов – псевдоним Е.П. Лачиновой, жены кавказского генерала. «...Завиделся Ставрополь. В продолжение семи верст езды вы рассматриваете расположение по скату горы; оно вам понравится, особливо после утомительной картины степей. Несколько больших зданий, потом глубокий овраг, усеянный домиками, несколько церквей и садов – прекрасный вид!.. В Ставрополе найдете одну только роскошь, которой всю цену узнаете в особенности зимою. Это – гостиница. Стол в ней довольно дурен; но все чрезвычайно дорого, и в этой-то дороговизне большая выгода: сволочь не лезет туда. В этом трактире, который есть род клуба, вы проводите целые дни и находитесь в обществе всех приезжих, которых весною бывает много. В эту пору из всей российской армии съезжаются офицеры, командируемые на текущий год участвовать в экспедициях, равно как и те, которые кончили свой год и ожидают отправления к своим полкам. Гостиница – единственное место, где с некоторым удовольствием можно проводить время в Ставрополе: помещения опрятны, просторны и изрядно меблированы; первая комната – бильярдная, вторая – столовая, третья – довольно большая зала, далее – две гостиные, в которых найдете «Русского инвалида», «Северную пчелу» и несколько ломберных столов, почти не закрывающихся. Прислуги довольно. Она опрятно одета и изрядно наметана. Честь и слава Найтаки, хозяину этого заведения!..». Из цитат понятно, что перечисленные комнаты выходили окнами на улицу, гостиничные номера же были со стороны двора.

В краевом архиве имеется дело Ставропольского полицейского управления «О необходимости вести строгое наблюдение за офицерами, приезжающими на

Кавказ для участия в делах против горцев и проживающих в Ставрополе, так как они устраивают кутежи и вообще ведут разгульный образ жизни». В нём, в частности, написано:

«...Беспрерывно доходит до сведения Государя Императора, что офицеры, командированные на Кавказ для участия в делах против горцев, производят разные беспорядки и особенно в Ставрополе, где собираются в один известный трактир, занимаются картежною игрою либо проводят время в неумеренных пиршествах, отчего ссорятся и, наконец, вызывают друг друга на дуэль... Дабы предотвратить это зло на будущее время, Императорское Величество повелеть соизволил: 1. Ставропольскому коменданту полковнику Лещенко, за допущение известных беспорядков, сделать строгий выговор. 2. Означенный трактир в Ставрополе, если он служит исключительно сборищем для картежных игр и других бесчинств, немедленно закрыть».

Гражданский губернатор генерал-майор М.М. Ольшевский на требование Государя ответил военному министру: «...Что касается упомянутого трактира купца Найтаки, то закрыть это заведение нет никакой возможности, потому что он есть одно из лучших в Ставрополе и существует для снабжения продовольственными потребностями и для необходимого размещения приезжих, в особенности посетителей Кавказских Минеральных Вод. Но порядок в нем будет наведен».

В 1843 г. в Ставрополе оказался известный швейцарский живописец-акварелист Иоганн Якоб Мейер, участвовавший затем в военной экспедиции на Уруп и оставивший нам свои акварели «Лагерь по Урупу», «Сражение», вошедшие в золотой фонд летописи Кавказской войны. Мейер также останавливался в гостинице Найта-

ки и записал в своем дневнике: «В номерах, общих залах, бильярдной можно было увидеть кавказских линейных офицеров в темно-синих черкесках с алыми газырями, тенгинцев в темно-зеленых с красными отворотами сюртуках, гренадеров, егерей, бомбардиров...».

8. Стрельба с коня

В кавалерии того времени стрельба с лошади из ружья и пистолета были таким же обыкновенным делом, как рубка. У казаков стрельба считалась обязательным упражнением в джигитовке. Приёмами стрельбы на скачущей лошади владели все, а уж офицеры – без сомнения. Стрелять рекомендовалось влево и ни в коем случае не над головой лошади. Лошадь приучали не бояться выстрелов.

Существовали два способа стрельбы. Кавалергарды, драгуны, кирасиры и гусары стреляли, держа ружьё правой рукой почти как пистолет. Левая рука поддерживала цевьё. Казаки, наоборот, держали ружьё левой рукой, а повод правой. Поэтому, когда подносили приклад ружья к плечу, палец правой руки, удерживающей повод, нажимал на спусковой крючок. Казачий способ позволял стрелять точнее и заряжать быстрее.

Точность стрельбы с лошади была плохой. Думаю, поэтому не обращали внимания на всякие тонкие настройки вроде балансировки оружия, выбора ведущего глаза и так далее. Стреляли, как правило, при сближении с противником или по скоплению людей, например, по каре пехоты. Лучшая точность получалась в фазе полёта лошади при галопе. Требовалось освоить правильное физическое движение стрелка и оружия и добиться точного ощущения момента выстрела. Достигалось это длительной и упорной тренировкой. Встреча-

лись необыкновенные природные удальцы среди казаков и горцев.

Нарезное оружие при стрельбе с лошади не применялось из-за проблем с перезарядкой, – пулю приходилось забивать в ствол молотком. Но с 1849 года появилась пуля Менье, меньшего калибра и расширяющаяся в стволе в начальный момент выстрела. Заряжание нарезного оружия стало не сложнее, чем гладкоствольного.

Замечу, что прицельная дальность гладкоствольных ружей едва достигала 200 шагов, а нарезных превышала 400. Пехота с таким оружием получала преимущество. Считается, что массовое применение противником пуль Менье и нарезных штуцеров было одной из причин поражения русской армии в Крымской войне.

В наше время охотничья дичь стала слишком редкой. Теперь по дорогой лицензии приходится забираться далеко в горы с проводником и автоматическим нарезным оружием, снабжённым оптическим прицелом с компьютерным управлением, чтобы добыть одного барана. Естественно, сложную стрельбу навскидку с лошади, несущейся по открытому простору, забыли. Просторы обжили и дичь перебили! Стрельбу не показывают даже на публичных демонстрациях циркового и казачьего искусства джигитовки.

В старину, наоборот, проблем с доступностью дичи не было и охотились по-всякому, нередко, как короли, компаниями и верхами. Бывало даже, что использовали, как в древности, лук и стрелы. Николай Николаевич Толстой, любимый старший брат великого Льва Николаевича, приводит в своих рассказах «Охота на Кавказе» (1857 г.) пример невероятного изобилия дичи в кавказских предгорьях. Военский отряд встретил в горах табун в полторы тысячи диких коз. Издали приняли за многочисленного нападающего противника. Но вблизи увиде-

ли дичь и устроили грандиозное побоище приготовленным оружием и всем, что имелось под рукой.

В начале XIX века в ближних окрестностях Кисловодска также водилось множество косуль, оленей, кабанов и всякого другого зверья, как и птиц. Местные охотники добывали трофеи рядом с поселением. Карачаевские лошади, выращенные в горах, были незаменимыми помощниками. Как говорится, всё сошлось: дичь, ружья, лошади и охотники.

Можно представить себе, как охотились в старину. Компьютерные графические редакторы позволяют собрать и соединить изображения сохранивших старинных артефактов и современных имитаций. В результате можно составить зримое представление о прошлом, в частности, о том, как охотились кавказцы и какой техникой они пользовались. Результат такого монтажа показан выше на рисунке.

9. Свидетельства о нападении

За кордонной линией привыкли к относительно мирной жизни. К 1836 году уже не ездили под охраной солдат с заряженной пушкой и тлеющим фитилём. Но по-прежнему при переездах казачий конвой был почти обязателен, а в поселении поднималась тревога на выстрел, особенно ночью, как у Лермонтова описано в «Княжне Мери». Тем не менее, позднее выяснилось, что о защите Кисловодска заботились плохо. Мало беспокоились, что с 1830 года западные горцы начали совершать свои грозные набеги! Забыли о стычке с угонщиками скота в 1832 году, когда в станице Ессентукской было убито 5 казаков и угнана половина станичного стада.

Внезапное нападение на Кисловодск описано в двух донесениях. Вот некоторые отрывки, приводимые иссле-

дователем Я.Л. Махлевичем в книге «Мезонин у Нарзана», Ставрополь, 1983 (с.130,131).

ДОНЕСЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА ШТАБА КАВКАЗСКОЙ ЛИНИИ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА ПЕТРОВА КОМАНДУЮЩЕМУ ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТУ ВЕЛЬЯМИНОВУ.

«Хищники 24 сентября на рассвете сожгли казачий пост в Кисловодске; причём убито 2 казака, смертельно раненные, сгорели 2 и убита хозяйка смежного с постом дома поручица Шатилова; ранен бывший в этом же доме коллежский асессор Волоцкий. Захвачены в плен один казак (впоследствии отбит генерал-майором Зассом), 12-летний сын войскового старшины Никитченкова, проживавшая у него женщина с грудным ребёнком и небольшою девочкою, коллежский регистратор Костюченко. Последний взят в доме Шатиловой, прочие же на посту. Лошадей уведено 26.

Кроме поста, хищники устремились было на ближайшие к Кислому источнику дома, но удержаны выстрелами с находящейся близ онога гауптвахты; а когда с крепостного вала начали действовать из орудий, то вся толпа отступила ...»

РАПОРТ НАЧАЛЬНИКА КУБАНСКОЙ ЛИНИИ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА ЗАССА ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТУ ВЕЛЬЯМИНОВУ.

«... я узнал, что хищники, по нападении на казачий пост ... и на близь находившийся дом, преданные ими пламени, с небольшою добычею спешат в горы, будучи отражены кисловодским гарнизоном и опасаясь преследования моего ...

... выдержав первый удар горцев, опрокинули их и, загнав в ущелье, с невероятной отважностью кидались на неприятеля, который, оставляя тела убитых и убивая своих лошадей, дабы живыми они не могли попасть в наши руки, искал спасения на острие снеговых вершин,

брося одного Донского казака, которого он взял в плен на Кисловодском посту. 41 тело неприятельское брошено на месте боя. Абазехский старшина Али Харцизов, предводитель сборища, знаменитый разбойник, к истреблению которого я столько раз усиливался, а кроме и многие другие старшины не покорных нам племен заплатили жизнью за дерзость ...

С наше стороны убито: 1 офицер и 8 казаков, ранено 1 штаб-офицер, 3 обер-офицера и 24 нижних чинов: лошадей убито и ранено 65 ...»

Близко к этим донесениям описано кисловодское происшествие в воспоминаниях генерала от инфантерии командующего войсками правого крыла Кавказской линии Григория Ивановича Филипсона. В них имеются дополнительные подробности и отличия, особенно в отношении артиллерийских действий. Рассказывая о предшественнике, он пишет:

«При генерале Зассе состоял прикомандированный к Генеральному Штабу гусарский поручик Цеге-фон-Мантёйфель. От него я узнал, что ворвавшееся в наши пределы скопище состояло из Абадзехов и Убухов до 1500 человек под предводительством Али-Хырсыза, известного разбойника, как видно уже и из самого имени (хырсыз значит разбойник). Этой кличкой Али особенно гордился, и она-то вероятно и доставила ему честь быть предводителем в смелом набеге. ...

Цель вторжения партии составляла безусловную тайну и, вероятно, известна была одному предводителю, иначе нашлось бы немало желающих продать эту тайну Зассу или другому кордонному начальнику. ...

Партия ночевала перед этим в 80 верстах от Кубани, большая часть всадников были о-дву-конь, т.е. имели в поводу запасную лошадь. Это указывало на дальнюю и серьезную цель набега. Генерал Засс по первому

известию о движении неприятеля собрал все, что было возможно и двинулся к Баталпашинску. Здесь он оставался несколько часов, чтоб дать вздохнуть лошадям, и особенно, чтобы получить верные сведения о направлении партии. Для этого Ногайская милиция была немедленно послана по следам партии.

События разыгрались с необыкновенною быстротою. Партия, проскакав в виду Бекешевской станицы на правый берег Кумы, поднялась на лесистые и пересеченные берега р. Дарьи и там имела несколько часов отдыха. Еще до рассвета, горцы пустились в дальнейший путь по направлению к ст. Есентукской, но наткнулись на двух Донских казаков, посланных в ст. Боргустанскую, с известием о тревоге. Они гнались за казаками несколько верст, своротив к ст. Боргустанской. Один Донской казак был схвачен и изрублен; другой, из Калмыков, проскакал мимо станицы, где уже была тревога и ворота заперты, и бросился по дороге к Кисловодску. Можно думать, что гонка за казаками отвлекла горцев от ст. Есентукской и, как тревога уже распространилась по всему краю, они решились броситься на Кисловодск.

То, что называлось городом, состояло из нескольких улиц, с маленькими турлучными домиками, принадлежавшими офицерам и солдатам гарнизона; там были две роты и штаб-квартира линейного батальона. На бастионах маленькой крепостцы было несколько орудий, из которых едва ли когда-нибудь стреляли. Возможность открытого нападения на Кисловодск едва ли кому-нибудь приходила в голову, тем более, что передовые отряды войск еще не были сняты, хотя курс минеральных вод уже кончился и только оставалось несколько запоздалых посетителей. Рано утром Калмык подскакал к запертым воротам казачьего поста, находящегося на

краю города у подножия возвышенности, на которой была крепостца. Горцы схватили Калмыка и бросились на пост и окрестные дома. В одном из них они изрубили помещицу Шатилову, которую, по чрезвычайной тучности, не могли увезти. Казаки отстреливаясь успели отступить; горцы зажгли пост. В городе происходила страшная суматоха: жители прятались, солдаты бежали в крепость; туда же прибежал 60-летний старик, Федоров, подпоручик гарнизонной артиллерии. Нужно было открывать огонь по неприятелю, находившемуся в каких-нибудь 150 саженьях, но фитилей не оказалось. Принесли огня, когда горцы уже стали уходить. Из первых на тревогу явилась известная в то время генеральша Мерлина, верхом, по-казачьи, с шашкой и нагайкой, которой чуть не досталось старику Федорову. Наконец, открыли огонь ядрами. Тут наездница выказала замечательные тактические соображения. Она закричала на Федорова: "Старая крыса, стреляй гранатами вперед неприятеля, а когда разрыв снарядов остановит толпу в ущелье, валяй картечью". Старик сказал: "слушаю, матушка, ваше превосходительство"; но выстрелов гранатами не последовало, горцы были уже далеко. На посту оказалось несколько человек ранеными и шесть казаков увлечены в плен. Все это произошло не более как в полчаса. У неприятеля тяжело ранен предводитель Али Хырсыз. взвалили на лошадь, но, проскакав несколько верст, увидели, что он умер.» (Филипсон Г.И., «Воспоминания Григория Ивановича Филипсона», Русский архив, №5, 1883, с.9)

Генерал-майор от кавалерии барон Григорий Христофорович Засс, командовавший войсками западной линии, уже знал о нападении на Кавказские воды от своих агентов. Но точная цель нападения ему не была известна, так как их предводитель о ней никому не сооб-

щал. Догнать отступавших не было возможности. Генерал пустил слух, что подходит к Кисловодску, а сам занял Аксаутское ущелье, самое удобное для отступления на запад большого кавалерийского отряда противника. Была сделана засада в выгодной позиции. Горцам удалось прорваться лишь ценой больших потерь. Пленные, захваченные в Кисловодске, получили свободу. Об эффективных действиях генерала знал весь Кавказ. Недаром черкесы со страхом и уважением называли генерала Засса Хырсызом, то-есть, разбойником, как и своего предводителя Али.

Были и другие нападения. Так, в мае 1843 г. казаки прогнали от курортов 3000 разбойников.

Обсуждая приведенные факты, можно заметить, что числа 3000 или 1500 для отрядов нападавших кажутся излишне большими. Но они истинные, так как имеют письменные подтверждения. Как говорится, «что написано пером, то не вырубишь топором»! Сражения были крупными.

Случай с генеральшей Мерлини похож на анекдот, в те времена известный на водах столь широко, что попал в воспоминания. Верно, что вздорная вдова генерала могла отдавать команды 60-летнему артиллеристу, умела ездить верхом по-казачьи и знала о тактике боевых действий. Но нельзя поверить, что в отношении военной практики она понимала больше старого профессионального артиллериста, который без сомнения участвовал не в одной компании, в том числе в войне 1812 года.

Если не обращать внимания на анекдот с генеральшей, за который она получила, по её словам, награду от императора, всё равно донесения о спасении Кисловодска оставляют впечатление неполноты. Будто замалчивали что-то. Чтобы понимать, что происходило на самом деле, важно знать действия непосредственных

участников, от которых зависел результат. Также обязательно учесть предшествующие и последующие действия.

Я попытался восполнить пробелы, исходя из логики событий и принимая во внимание топографию местности, план поселения, местоположение и возможности сражающихся. Также постарался отметить мужество гарнизона, действующего, как положено воинам. Военское усиление, присланное на время нарзанного курса, ещё находилось на месте и, значит, войско чувствовало достаточную уверенность в своих силах.

Главные вопросы, на которые предлагаются определённые, но вероятностные, ответы, были следующими:

1. Кто был герой обороны, застреливший главаря нападавших? Почему его не знали (или скрывали)? Не исключена случайность. Но надо учитывать, что в те времена частота выстрелов была намного меньше, чем в наше время. Какая там скорострельность при ручном зарядании! Поэтому случайностей было мало. К тому же маленький гарнизон, в основном, был на виду друг у друга и скрыть что-либо важное было не просто. Наиболее вероятное объяснение: имелись существенные причины не выдавать «виновника». Знали о нём немногие.

2. Почему награждена жительница и не отмечены командир и расчёт орудия, успевшие выстрелить? Ответ очевиден – различный социальный статус: богатая генеральша, знакомая всем управляющим начальникам, со своим рассказом против молчания захудалого подпоручика и совсем неизвестных солдат, о которых комендант крепости не счёл возможным хлопотать из-за своей вины (см. ниже). В результате армейские действия были изображены недостаточно и это возвысило роль влиятельной генеральши в победе над врагом.

3. Отчего в воспоминаниях ничего не сказано о командире крепости, которая отбила нападение отряда горцев? Скорее всего, он не был в крепости и начальники это скрыли, чтобы избежать наказаний. Тем не менее, командир не мог не участвовать в событиях, развернувшихся рано утром. Что он делал, осталось неизвестным, как и настоящее имя.

Замечу, что по ходу событий обнаружилось несовершенство управления обороной, – командир кисловодской крепости не обладал правами коменданта для города. Окружной начальник, а, по сути, комендант всех укреплений на водах полковник П.П. Чайковский физически не мог быть в Кисловодске. Его управление находилось в Пятигорске. К тому же он был комендантом укреплений всего лишь третий месяц. Иными словами, в критический момент единоначалие отсутствовало. Каждый оборонялся по-своему. Надо полагать, что из-за этого в следующем году для Пятигорска назначили собственного коменданта полковника В.М. Симборского. П.П. Чайковскому оставили лишь должность начальника Строительной комиссии. Вероятно, тогда же назначили коменданта в Кисловодск.

Можно заключить, что победа была добыта людьми, в большинстве абсолютно неизвестными. Анализ сохранившихся сведений позволяет предположить, кем они были и как могли действовать. На основе этого предположения составила вероятная последовательность прошлых событий, которая не противоречила фактам истории. По этой канве была воссоздана детальная картина сражения, показанная выше.

Летопись и памятники (1777-2017 г.г.)

Грек Найтаки был купцом 3-й гильдии. До середины XIX века с сыновьями арендовал гостиницы на Кавказских водах. Курорты тогда использовались в основном для лечения раненых и больных, пострадавших в войне на Кавказе. После войны при контрагентстве курорты занялись лечением и развлечением состоятельной публики. Найтаки продолжали арендовать новые гостиницы и построили свою. Продали её в конце века.

После революции 1917 года Найтаки погибли или покинули Кавказ. При советской власти здесь временно жила Мария Петровна Найтаки. В 1996 году она умерла. В этих местах фамилии Найтаки больше нет. Осталась память о былом и крест на пятигорском некрополе. Недавно были установлены мемориальные доски Найтаки в Пятигорске и Ставрополе.

*Зарыты в нашу память на века
И даты, и события, и лица,
А память - как колодец глубока.
Попробуй заглянуть - наверняка
Лицо - и то - неясно отразится.*

В.С. Высоцкий, 1978

1777. Основан город Ставрополь.

Родился Пётр Афанасьевич Найтаки.

На рубеже 19-го века Пётр Афанасьевич переехал из Таганрога в Ставрополь. Имея достаточный капитал, записался купцом 3 гильдии. Согласно «Жалованной грамоте городам» от 1785 г. необходимо было иметь капитал от 1000 до 5000 руб. Вероятно, капитал он нажил, торгуя скотом, зерном и фуражом. В Ставрополе торговал сукном и разными тканями, т. е. имел лавку «красного» товара. Как другие купцы, возил обозами в Ставрополь всё, потребное для Кавказской армии.

Позднее у Петра Афанасьевича Найтаки родился сын Егор, вероятно, в Ставрополе.

1805. Родился второй сын, которому дали имя Алексей.

В Таганрог пришло распоряжение коменданту крепости Дежедерасу наделить различных лиц землёй для хозяйственных надобностей. В списке, в частности, было указано выделить купцу Найтаки 300 десятин для водочного завода. Таким образом, в Таганроге жил Найтаки, может быть, родитель или родственник ставропольского Петра.

1820. На Крепостной горе Ставрополя построен Главный вещевой магазин Комиссариатской комиссии, ведавший снабжением Кавказской армии вооружением, обмундированием, продовольствием и денежным до-

вольствием. Потребное доставлялось как военными обозами, так и обозами купцов-подрядчиков. Стоимость хранящихся запасов достигала более миллиона рублей.

1823. Весной готовились к приезду вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны матери действующего императора Александра I и будущего императора Николая I. В Кисловодске архитекторы Бернардацци начали спешно строить гостевой дом над источником нарзана на уступе горы Святого духа (переименованную в Крестовую после того, как статский советник А.Ф. Ребров поставил каменный крест на вершине). Закончили строительство царского дома через три месяца.

Осенью посадили первые деревья парка вдоль речки Ольховой.

Алексей Фёдорович Ребров получил землю и разрешение на строительство усадьбы по соседству с построенным царским домом.

1824. Царский дом в Кисловодске достроили, а после того, как императрица не приехала, превратили в Дом благородного собрания с гостиницей с ресторацией.

1825. Осенью царствующие Александр Павлович и Елизавета Алексеевна путешествовали по присоединённому югу и собирались посетить кавказские местности. В Крыму Александр I заболел и в Таганроге скоропостижно скончался. Когда передавали власть Николаю I, произошло восстание декабристов.

1827. Был отправлен в отставку наместник Кавказа генерал от инфантерии Алексей Петрович Ермолов.

В Кисловодске поставлены две казённые кибитки с ваннами и самоварами для подогрева нарзана. Имелись также частные купальни.

1828. В Пятигорске весной архимандрит Товий призывал жителей и приезжих жертвовать на строительство приходской церкви. Собрали средства и построили

церковь в простом классическом стиле, рассчитанную на 200 человек (просп. Кирова, 32). Автором проекта, вероятно, был Джузеппе Бернардацци.

Строение было сделано холодное из дерева на каменном фундаменте. Внутри оштукатурено, а снаружи обшито досками и окрашено жёлтой краской. Крыша железная и окрашена зелёным. Входы украшены белыми портиками и колоннами. Снаружи поставлена большая деревянная колокольня. Иконостас и утварь перенесены из палаточной церкви.

Церковь Иконы Божьей матери всех скорбящих радость в Пятигорске

Летом того же года церковь была освящена Товием во имя Пресвятыя Богородицы всех скорбящих радость, дабы престольная икона Богоматери приносила исцеление. Товий покинул Горячие воды. Первым настоятелем стал Павел Александровский. Он жил в доме, построенном немного восточнее храма.

За два года на Царской улице (проспект Кирова, 30) архитекторы братья Джузеппе и Джованни Бернардацци

закончили возведение величественной ресторации из машукского камня. Здание, ограда и не сохранившиеся дворовые флигели и сараи строились по переработанному проекту столичного архитектора И.И. Шарлеманя. Братья-итальянцы обучали солдат строительному и каменотёсному делу. Усадьба и дом были заложены в 1824 г. на месте, указанном А.П. Ермоловым. Весь ансамбль закончен в 1828 г.. Сейчас в этом здании (просп. Кирова, 30) располагается Институт курортологии. В прежнем состоянии здание не было покрашено и имело натуральный серый цвет.

Пятигорская ресторация (до 1860 г.)

1829. В Кисловодске взамен существовавших прежде казенных кибиток построены обтянутые сукном и парусиной две кибитки на 16 ванн с самоварами для подогрева нарзана.

По пути из Закавказья А.С. Пушкин останавливался в пятигорской казённой гостинице, а потом переселился в дом А.Ф. Реброва. Лечился также на Кислых водах.

Поэт восхищался кавказской природой, но сожалел об утрате «дикого состояния» и вспоминал с грустью, какими он видел эти места в 1820 г. в поездке с князьями Раевскими, что и выразил в книге «Путешествие в Арзрум в 1829 году».

1830. 14 (26) мая Правительствующий сенат приказал считать поселение Горячие воды окружным городом Пятигорском. В городе проживало более 300 человек: дворяне, отставные чиновники, гражданские и военные служащие, купцы, отставные солдаты, дворовые и три роты военного ведомства. Здесь было около 260 домов деревянных и турлучных, три трактира, в том числе ресторация, и одна харчевня. Заезжих купцов город мог принять не более 20. При управе имелись полиция и пожарная команда.

На колокольне церкви Всех скорбящих радости установлены «боевые часы для знания времени купания».

1831. В Пятигорске напротив грота Дианы закончено строительство здания Николаевских ванн по проекту Иосифа Шарлеманя. Архитекторами были Бернардацци. Ванны заложил в 1826 г. А.П. Ермолов. Переименованы в 1917 г. в Лермонтовские.

1832. В Кисловодске вместо колодца нарзана, оформленного в 1812-13 г.г. архитектором Мясниковым, построен по плану архитекторов Бернардацци овальный восьмигранный деревянный колодец с перилами и каменным побочным бассейном. Потрачено 1462 руб 66 1/8 коп ассигнациями.

Поставлена также купальня на 8 ванн с подогревом и с двумя проточными бассейнами холодного нарзана.

1833. В Кисловодске обшиты досками две галереи, существовавшие с 1826 года в виде полотняных палаток, открытых в сторону источника нарзана.

1834. При кисловодской слободе построена деревян-

ная церковь на средства, пожертвованные госпожой Толмачёвой.

В Пятигорске учреждена Успенская ярмарка на 15 июня. По церковному календарю Успение (кончина) божьей матери отмечается 10 (22) июня.

Начальником Строительной комиссии и комендантом укреплений на КМВ назначен полковник Чайковский Пётр Петрович. Руководил Комиссией по 1848 г.

Гостиница «Москва» в Ставрополе

1835. Купец 3-й гильдии Пётр Афанасьевич Найтаки взял в аренду лучшие гостиницы с ресторациями в трёх городах: Ставрополе, Пятигорске и Кисловодске, первая – частная, две другие – казённые, бывшие Домами благородного собрания.

В Ставрополе гостиница размещалась на втором этаже здания, только что построенного богатейшим купцом

1 гильдии Иваном Григорьевичем Ганиловским на принадлежащем ему месте на Большой Черкасской улице. На первом этаже находилась почтовая станция. Разрешение на постройку гостиницы дала Городская дума. Основательно перестроенное здание можно видеть на главной улице Ставрополя (проспект Карла Маркса, 64). В частности, исчез проезд в середине первого этажа.

В Кисловодске 10 (22) мая 1835 г. Пётр Афанасьевич Найтаки взял в аренду царский дом возле колодца нарзана.

В Пятигорске Найтаки приступил к аренде казённой гостиницы с ресторацией. Сейчас в этом доме располагается Институт курортологии.

В Пятигорске нахичеванский купец Никита Артемьевич Челахов открыл лавку галантерейных и прочих товаров.

1836. Еженедельно по субботам из Пятигорска отправлялась экстра-почта в Георгиевск, где присоединялась к почте, идущей из Владикавказа.

Весной в Кисловодске в ожидании приезда императора Николая I выполнен всеобъемлющий и качественный ремонт. Военнорабочие очень старались и Строительная комиссия была удовлетворена. Казённые постройки обновили. Они были окрашены заново по правилам, утверждённым императором Николаем I: зеленые крыши, желтые стены, а колонны, наличники и прочие украшения белые.

В Кисловодске ваннные постройки стояли обшитые досками и покрытые железом. Окрашены были впервые. За день в них отпускалось подогретых ванн 240, холодных приёмов 100.

Приведён в порядок публичный сад. Посадки, ограды, скамейки, дорожки и мостики поправлены. Скошены трава и бурьян. Подсажены ещё 190 деревьев. Перед

беседкой-гротом и аптекой, а также перед посетительским домиком сделаны клумбы на завезённом чернозёме. Площадка вокруг источника выровнена. Рытвины на дороге засыпаны хрящем.

Лестница, ведущая к ресторации, укреплена. Мебель починена. Её обивка из французской ткани «бомба» вычищена, а под обивкой мягкие подушки из шерсти заменены. Ледник вымыт и заложен свежий лёд. Каменная надворная кухня, утопленная в пригорок, отремонтирована. Истлевший камыш на крыше заменён на новый, потолок выкрашен, земляной пол выровнен. Стены, русская печь и очаг подмазаны и побелены.

Появилось новое. При входах укреплены на плитах скобы, чтобы чистить обувь от грязи. Перед балконом ресторации поставлен столб с шестью подпорками и маленькой деревянной крышей. Под ней подвешен двухпудовый медный колокол, чтобы отбивать часы и получасы ванного купания.

Комиссия назначила смотрителя. Ему поручено следить за порядком и наказывать сторожей при пропуске хотя бы одной минуты во времени звона колокола. В парк наняты два просторабочих с июня до октября и один на зимнее время.

Император, действительно, приехал с инспекцией, но в следующем году, – и не в Кислые воды, а в Пятигорск по пути из Тифлиса через Владикавказ.

На 10 августа намечена закладка кисловодского бульвара. Закладка бульвара состоялась 12 августа. К июлю 1837 года были закончены 200 сажений бульвара, осенью высажены все деревья под присмотром садовника Кавказских вод Людвиг Джерсея, нанятого с 1835 г.

Получил высочайшее утверждение план Пятигорска, переработанный из плана архитекторов Бернардацци и подготовленный Кавказским командующим генера-

лом-адъютантом бароном Григорием Владимировичем Розеном и комендантом укреплений и начальником Строительной комиссии полковником Петром Петровичем Чайковским. В июне 1836 г. в Пятигорске продолжена разбивка кварталов по новому плану.

Ставропольский окружной начальник полковник Масловский докладывал в записке начальнику Кавказской области, что в Пятигорске в 1836 г. арестанты, ожидающие суда, находятся в подвале городского училища,

Острог в Пятигорске (вдали Лермонтовской улицы)

что весьма неудобно. Масловский предлагал построить специальные помещения для улучшения содержания арестантов. В июне 1836 г. Областная комиссия по строительству поручила помощнику архитектора Неклюдову разработать проект и выделила на строительство 3 тыс. 142 руб. 25 коп.

В том же 1836 г. таганрогский купец 3-й гильдии Пётр Найтаки пожертвовал на строительство 3200 рублей. Судя по награждению медалью «За полезное», это

деяние было приписано сыну купца Алексею, тоже купцу 3-ей гильдии.

В 1839 г. у подножия Машука было закончено строительство двух одноэтажных флигелей для арестантов, смотрителя и пекарни. Рассчитано было на размещение ста человек. Строительство было произведено должным образом и принято ставропольским окружным начальником и областным прокурором Бронштеймом. В марте 1840 г. в острог были завезены первые арестанты.

В дальнейшем острог оказался мал, всегда был переполнен и из него совершались побеги. Беглых ловили на Машуке. В начале прошлого века острог сломали, теперь там постройки на улице Лермонтова. В другом месте построили тюрьму в мрачном красно-кирпичном здании на несколько этажей, называемую почему-то «Белый лебедь». Сейчас оно снаружи раскрашено.

С 19 по 20 августа по неизвестной причине в Пятигорске сгорело 26 домов и строений, принадлежащих самым бедным разночинцам и обывателям.

24 сентября (6 октября) успешно отбито нападение на Кисловодск полутора тысяч конных горцев из племён абадзехов и убыхов во главе с Али Харцызом.

1837. Пятигорским окружным начальником и комендантом Пятигорска назначен полковник Симборский Валентин Михайлович.

Город управлялся отдельно от курорта. Первым городским головой, руководившим городской управой, стал Симонов Максим, купец. Вторым был Рыжков А., купец. Полицмейстер – Виктор Бетаки.

В дороге на Кавказ сосланный М.Ю. Лермонтов заболел и лечил «свои ревматизмы» на Водах с конца мая месяца до середины сентября, как определили исследователи. К этому же году они относят события главы «Княжна Мери» в романе «Герой нашего времени».

В октябре 1837 года император Николай I заехал в Пятигорск, возвращаясь из Грузии, где сурово карал за мздоимство и злоупотребление властью. Едва не свалился в пропасть при переезде через горы из Тифлиса во Владикавказ. После Владикавказа останавливался на короткое время в городах Георгиевске, Пятигорске и Ставрополе.

Вот рассказ императора, записанный А.Х. Бенкендорфом: «Осмотрев во Владикавказе военный госпиталь и в Пятигорске, 16 октября, все заведения минеральных вод, офицерскую больницу, казармы военно-рабочей команды, церковь и гулянья, я к ночи переехал в Георгиевск, где успел взглянуть на арсенал и госпиталь. Тут я принял делегацию закубанских племён и сказал им почти то же самое, что говорил прежде другим депутатам во Владикавказе.»

По воспоминаниям очевидцев, в Пятигорске посетил молебствие в Скорбященской церкви и отметил, что церковь «крайне тесна и не соответствует городу во всех отношениях». Повелел строить каменный собор. Лишь через 30 лет рядом с церковью построили собор по проекту К.А. Тона. Не хватало средств и приходилось начинать заново из-за ошибок при строительстве.

Государь предлагал построить у Александровского источника роскошное купальное здание с мраморными ваннами и яшмовым бассейном. Это не было исполнено из-за неустойчивого истечения минеральной воды в источнике.

Царь назначил для развития города ежегодное пособие в двести тысяч рублей с тем, чтобы остатки, не использованные за год, помещались в банк на особый счёт.

Полагаю, что к вечеру перед отъездом в Георгиевск государь отдохнул и отобедал в Пятигорске в Благород-

ном собрании «у Найтаки». Обыкновенное дело для Дома благородного собрания принимать знатных персон! К тому же имеется и другое соображение: из местных жителей никто не хвастал, что у него обедал сам царь. Они бы не удержались!

Начата выдача прав на участки по плану застройки Пятигорска, утверждённому императором.

Остановка Николая I в Ставрополе с 17 по 19 октября едва не стала концом города. Ситуация подробно описана в «Кавказском календаре» за 1854 год. Царю не понравилось расположение города, вокруг которого не было естественных богатств для промышленности, но командующий Алексей Александрович Вельяминов объяснил выгоду стратегического положения перед Кавказом и указал на здоровый климат, удобный для лечения раненых. Именно последнее, как полагают историки, убедило государя, заболевшего в дороге лихорадкой.

1838. Пётр Найтаки расширил на свои деньги церковь Всех скорбящих радость, учитывая замечания императора. Это было не менее ценное пожертвование, чем на строительство острога, и оно также делалось от лица сына, как обнаруживает последующее награждение. Работы выполнены в 1838-39 г.г.

Из того, что позднее (в 1858 г.) сделали правый придел, следует, что на деньги Найтаки строили левый придел. Логично, так как левый придел не был замечен с улицы и не изменял вид здания. Через 10 лет у церкви было два придела вместо прежних боковых порталов с колоннами.

Алексей Петрович Найтаки помогал также обустройству батальонной церкви в Кисловодске.

За щедрую благотворительность Пятигорский окружной начальник В.М. Симборский представил купца 3-ей гильдии Алексея Петровича Найтаки к золотой

медали «За полезное» на ленте ордена Св. Анны. Подтверждение благонадежности дал тесть Алексея Петровича, живший в Таганроге. 19 августа 1837 Алексею Петрову сыну Найтаки было выдано свидетельство №1561 на получение награды. Но медаль награждённому вручили только 1 ноября 1840 г.

Эта медаль выдавалась купцам, мещанам и крестьянам в зависимости от заслуг перед правительством и обществом. Золотая или серебряная весила чуть более 80 граммов, была частью на орденских лентах для ношения на шее. Медаль эта редкая, – всего было выпущено не более 250 штук. На основе описаний сохранившихся медалей можно предположить, что у Алексея была золотая медаль диаметром 50 мм с ушком для ношения. На аверсе был отчеканен барельефный профиль императора Николая I с кратким именованим по кругу вверху и годом награждения внизу, на реверсе – перед жезлом Гермеса на фоне куста лавра два сплетённых рога изобилия с высыпавшимися монетами. Надпись «За полезное» шла по дуге сверху. Аннинская лента, то-есть лента ордена Святой Анны, алая с узкими жёлтыми полосками у края надевалась на шею и медаль висела спереди.

В Ставрополе Егор Найтаки занимался, как и отец до него, торговлей «красным товаром», то-есть, тканями. Егор Петрович женился на Вере Ермаковой, дочери умершего Егора Андреевича Ермакова, купца 3-й гильдии и губернского секретаря. Ермаков приобрёл дом в 40-х г.г. у Николая Васильевича Майера (прототипа доктора Вернера в романе Лермонтова). На деньги жены Егор Петрович построил на месте старого дома двухэтажный каменный дом с антресолями, деревянной галереей с западной и южной сторон, большим подвальным помещением. Строительство было закончено в 1849 г. Дом сохранился с изменениями до наших дней

(Ставрополь, просп. К. Маркса, 92). У четы Найтаки было 5 дочерей и один сын.

По сообщению современной греческой общины и словам сотрудника музея «Домик Лермонтова» А.Н. Коваленко в Пятигорске перед 1839 г. проживало 14 представителей фамилии Найтаки трёх поколений. Сотрудница музея М.Ф. Дамианиди пишет: «Известно, что в Пятигорске жила еще одна семья А.И. Найтаки, вероятно, родственники».

Дом Егора Петровича Найтаки в Ставрополе

Мне кажется, в этих свидетельствах что-то не так. Неужели Коваленко суммировал семьи Петра и Алексея Найтаки вместе с дедом Афанасием и бабкой. Если это так, то получается 6 человек глав семейств с жёнами. Кто остальные восемь человек? Детки? Несовпадение! Но, если прибавить ещё семью ставропольского Егора, то, действительно, получим число 14. Потому, что сын Пётр у Егора сын родился позднее 1839 г. Вопрос, сколько в то время было Найтаки в действительности, остаётся без точного ответа. Приблизительно, около 15.

1841. 15 (27) июля на дуэли убит М.Ю. Лермонтов.

Весной в церкви Всех скорбящих радости появился второй священник Василий Эрастов. Он отказался отпеть Лермонтова в церкви, поскольку гибель на дуэли приравнивалась к самоубийству. Первого священника Павла Александровского наказали за то, что он всё-таки провёл службу на кладбище при погребении.

1842. Начат всероссийский сбор средств на строительство пятигорского собора. Уверен, что Найтаки сделали пожертвование.

8 (20) января 1844 г. наместником Кавказа и главным командующим Кавказских войск был назначен граф и князь, генерал-фельдмаршал Михаил Семенович Воронцов, который пробыл на этом посту до 1854 г..

Вместо Строительной комиссии сделали Дирекцию Кавказских минеральных вод, возглавляемую полковником П.А. Принцем.

1845. В 1841-1845 г.г. случились всякие природные катаклизмы: суровые зимы, неурожаи, сильные дожди. В 1845 г. при наводнении в Кисловодске поломало много деревьев, пострадала слобода, снесло постройки у нарзанного источника и несколько домов ниже слияния Ольховки и Берёзовки. Разрушения были также в Пятигорске. Впоследствии в Кисловодске через Ольховку построили мост, названный Воронцовским.

1846. Наместник Воронцов посетил Кавказские воды и останавливался в гостиницах «у Найтаки».

1847. Заложен Пятигорский собор. Присутствовала жена наместника Воронцова Елизавета Ксаверьевна, воспетая Пушкиным. Строительство закончили в 1867 г.. 31 мая (11 июня) 1869 г. Спасский собор в Пятигорске освятили во имя Христа Спасителя, исцеляющего расслабленного при Силоамской купели. Советским правительством в 1927 г. богослужения были прекращены. В

1936 старинный храм К.А. Тона взорвали вслед за одноименным московским. Архиепископа расстреляли. Новодел строили с 2005 г. и освятили 14 декабря 2012 г..

В 1847 г. директором вод стал полковник Д.Ф. Всеволожский.

7 февраля Ф.И. Иноземцевым был впервые применён для обезболивания эфирный наркоз, а 14 февраля в пятигорском госпитале великий Николай Иванович Пирогов впервые провёл операцию с применением эфирного наркоза.

1848. Предводитель дворянского собрания А.Ф. Ребров установил каменный крест на Крестовой горе в Кисловодске, архитектор С.И. Уптон начал строительство Нарзанной галереи, а в Ессентуках утвердили проект парка и изготовили первые 300 бутылок Ессентуки 17 для моряков и работников верфи в портовом городе Николаеве.

1849. С разрешения Дирекции КМВ Алексей Петрович Найтаки занялся платным сообщением на конных омнибусах между курортными городами по фиксированной стоимости и времени. Этот вид общественного транспорта в городах называли также городским дилижансом. В столице городские дилижансы или омнибусы начали ходить ещё в 1840 г.. Разработал систему движения дилижансов и сделал шоссе между Пятигорском и Кисловодском главный архитектор С.И. Уптон, автор Нарзанной галереи, кисловодской крепости и многих других строений на водах. Алексей Петрович Найтаки обеспечивал также проезд по экстренным надобностям и доставку корреспонденции.

Поездки производились ежедневно туда и обратно двумя экипажами от здания «Ресторации» на Горячих Водах: один – через Ессентукскую группу на Кислые Воды, другой – через колонию Каррас на Железные

Воды. На них перевозили не только курортников и почту, но в Кисловодск доставляли денежную и страховую корреспонденцию при почтальонах. В связи с небольшим количеством постоянного населения, почтовые отделения и омнибусы работали только во время курса.

Омнибус представлял собой запряжённые лошадьми довольно удобные, открытые, но с навесом кареты на 10-12 пассажиров. Кузов напоминал половину дыни, которую разрезали вдоль, и, наверное, был похож на увеличенное ландо для торжественных выездов. В середине имелся круглый столик, а вокруг располагались лавки для сидения. Пассажиры могли общаться друг с другом в дороге.

Умер Иван Григорьевич Ганиловский. Он владел двумя домами по главной Черкасской улице и зданием, сдаваемым в аренду под городской театр, а также торговыми лавками в Гостином ряду. Еще он построил и подарил городу здания Думы и Духовного училища. Наследовали жена Мария и сын Андрей. Сын Андрей и особенно внук Евгений промотали всё состояние. После внука остался долг на 70 тысяч. В 70-е годы XIX века здание гостиницы, в которой раньше размещалась гостиница Найтаки, было приобретено Иваном Такиджиевым, армянским купцом. Он на этом месте построил в 1898 г. новое здание, вобравшее в себя части старой усадьбы Ивана Ганиловского и оставившее лишь малую часть архитектуры прежней гостиницы. На первом этаже здания появился ресторан, а на втором этаж "рулетка-клуб", в котором с разрешения властей Ставрополя устраивались азартные игры.

До недавнего времени в этом здании находились ресторан «Эльбрус» и музыкальное училище. Сейчас кроме различных магазинов и кафе размещаются помеще-

ния ставропольского греческого общества «Анагенниси», то-есть «Возрождение». Один из магазинчиков, продающий портьерные ткани и шторы, называется «Найтаки». На стене здания висит мемориальная доска Петру Найтаки.

1850. На юге была засуха и посевы уничтожила саранча.

Приблизительно в это время Алексей Петрович завёл в Кисловодске собственную гостиницу. Изменённая она стоит до сих пор в виде жилых зданий на восточной стороне улицы Коминтерна 7 напротив задней стороны Лермонтовской площадки и двора ресторации. Эта часть заповедной площадки отошла теперь пансионату Газпрома «Факел».

Вот как историю гостиницы и современное состояние описывают С.В. Боглачёв и С.Н. Савенко в книге «Архитектура старого Кисловодска»: «Около 1850 г. ресторатор Алексей Найтаки, ссылаясь на недостаток приличного жилья при Казённой ресторации, получил разрешение построить за собственный счёт позади Ресторации два одноэтажных жилых флигеля под камышовой крышей. Рядом находились кухня и ледник. В этих флигелях А.П. Найтаки устроил летние меблированные номера для посетителей. За номер с большой комнатой и передней он брал плату – рубль серебром в сутки. Эта летняя гостиница Найтаки с 20 номерами действовала и после 1860 г., когда он оставил должность кисловодского ресторатора.

После смерти А.П. Найтаки в ноябре 1881 г., гостиница перешла сыну, Михаилу Алексеевичу, живущему в Пятигорске. К 1890 г. она состояла из трёх зданий, в которых было 33 номера. В самом конце XIX века новым владельцем меблированных номеров стал Иван Павлович Щербина, брат кисловодского купца Иосифа Щер-

бины. Он перестроил часть помещений, которые составили четыре дачных здания с 50 номерами. Одна из дач получила название «Оля», вероятно, в честь любимой дочери, которая была замужем за офицером Добжинским.

Наибольшая и старейшая из дач представляла собой протяженное одноэтажное здание под железной двускатной крышей, выходящее боковым фасадом на ул. Коминтерна. В середине здания находился коридор, в который выходили все комнаты. Кроме того, комнаты

Гостиница Найтаки-Щербины в Кисловодске

имели отдельные выходы на крытые галереи, на улицу или во двор. Каждый постоялец имел по одной комнате со скромной обстановкой, далёкой от роскоши, и маленькой прихожей. Дача была летняя, без отопления и кухни.

Среди посетителей 1850-1918 гг., живших в летней гостинице Найтаки, а затем на дачах Щербины, было немало известных персон. Сам И.П. Щербина в 1913 г. был председателем Кисловодской городской думы. С 16 июля по 3 октября 1917 г. в комнатах на даче И.П. Щербины жила знаменитая петербургская балерина Ма-

тильда Феликсовна Кшесинская с сыном Владимиром, а также её сестра Юлия с мужем бароном Зедделером. Питались они в ресторане С.Г. Читаева, который находился в бывшем ребровском саду.

В советское время дачи И.П. Щербины были национализированы и превращены в большие коммунальные квартиры с отоплением и кухнями. За долгие годы эти жилые здания не раз перестраивались и обросли множеством пристроек».

1851. Регулярное сообщение с помощью конных омнибусов наладилось к 1851 г.. Депо дилижансов находилось в Пятигорске. Стоимость проезда от Пятигорска до Кисловодска составляла 1 рубль, до Ессентуков 50 коп, до Железноводска 80 коп. Дилижансы существовали, пока не открылась железная дорога до Кисловодска в 1893 и до Железноводска в 1897 г.. В Железноводске сохранился домик станции дилижансов. Там устроен филиал Государственного музея Л.Н. Толстого.

Престарелый Петр Афанасьевич отошёл от дел. В архивах находится документ от марта 1851 г. – предписание наместника Кавказа графа М.С. Воронцова ставропольскому губернатору Н.С. Завадовскому «О передаче казенных гостиниц и омнибусов на Кавказских Минеральных Водах А.П. Найтаки».

«Препровождая к Вашему Превосходительству две докладные записки Пятигорского 1-й гильдии купца Алексея Найтаки касательно взятия на содержание ресторационных заведений Кавказских Минеральных Вод, – писал М.С. Воронцов, – а также омнибусных заведений, я нахожу, что предложения Найтаки должны быть уважены, но: 1) я не могу дозволить Найтаки в продолжение оброчного содержания омнибусов увеличивать цену за проезд пассажиров противу таксы, существовавшей в прошедшем году; 2) не могу также дать г. Найтаки

положительного обещания насчет уплаты денег за выставляемых на лето лошадей для развозки корреспонденции, т. к. это должно совершенно зависеть от Вашего усмотрения и соображения, нужно ли будет Найтаки, независимо от возки, посредством омнибусов, корреспонденции, еще содержать почтовых лошадей для отправки курьеров и пассажиров по казенной надобности...».

В 1851 г. кавказский наместник М.С. Воронцов разрешил Алексею Найтаки построить в центре Пятигорска два двухэтажных дома с лавками. Построенные дома Алексей сдавал для проживания и торговли приезжим, создав фактически собственную гостиницу.

1852. По предписанию М.С. Воронцова купцу Алексею Ноитки переданы в аренду казенные гостиницы, рестораны и омнибусы на КМВ, в том числе здание Казенной гостиницы с рестораном и омнибусом. За 1852 г. ему была отпущена сумма в размере 722 руб. 50 коп за содержание на КМВ омнибусов, развозку почтовой корреспонденции и «выставку особых лошадей для безостановочного отправления курсовых и приезжающих и для экстренной надобности».

В этом году или в предыдущие два Алексей Петрович стал купцом 1-й гильдии, имея достаточное для этого состояние. Боюсь ошибиться, но я где-то читал, что надо было объявить капитал не менее 140 тысяч рублей. По сословным правилам он состоял в Благородном собрании, мог держать карету и ему разрешалось заводить предприятия.

В Казенной гостинице на один день останавливался Л.Н. Толстой, переехавший затем в дом к доктору И.Е. Дроздову в Кабардинскую слободку. Здесь он жил и писал также в 1853 году. В своих записках упоминает о посещении ресторации Найтаки, причём обед

отпускался ему в долг на доверии.

1853. Светлейший князь и граф М.С. Воронцов оставил пост наместника по нездоровью.

В октябре 1853 г. турецкий султан объявил России войну. Эта война, названная Крымской, закончилась поражением Российской империи и Парижским мирным договором (март 1856 г.).

1857. В мае наместник генерал-фельдмаршал князь А.И. Барятинский подвел итог предыдущим наблюдениям за трещинами в стенах и колоннах собора, строящегося в Пятигорске. Причинами были дефектный камень, плохая кладка и просадка фундамента. Князь отстранил подрядчиков и наказал почти на 6 тыс. руб., а городскому голове и депутатам думы указал на бездействие. Построенное снесли почти до основания и стройку начали снова. Собор закончили только в 1868 г., освящение собора произошло в мае 1869 г.

8 (21) ноября Пётр Афанасьевич Найтаки скончался. Полагаю, что был отпет в церкви Всех скорбящих радости, которую перестраивал на свои деньги. Похоронен в пятигорском некрополе.

1858. Алексей Петрович Найтаки был избран городским головой и возглавлял городскую думу по 1860 г.. Ему полагалось жалование 1500 рублей в год. Через сорок лет при переводе Кисловодска в статус города это жалование приводили как пример для подражания. Городского голову избирали из уважаемых граждан дворяне, купечество и мещане, платившие налоги. Избранный голова руководил городской думой и управой. От городской думы А.П. получил почётное гражданство.

Летом в Пятигорск приехал на лечение кавказский епископ Игнатий. Собрав духовенство и городские власти, отметил, что церковь «тесная, низменная, невыносимо душная». На пожертвованные деньги

сделали с правой стороны придел Благоверного князя Александра Невского и добавили купол для вентиляции. Перестройка Скорбященской церкви была закончена в рождестве 1859 г.

1860. Для Найтаки прекратилась аренда казённых гостиниц в Пятигорске и Кисловодске. Егор Петрович умер через два года. Вероятным объяснением, почему Алексей Петрович оказался от аренды за год до введения контрагенства, а не после, – могла быть болезнь Егора Петровича. Алексей Петрович уже не мог заниматься прежними большими гостиницами в одиночестве в трёх отдалённых городах. Наверное, какое-то время их еще называли по привычке «найтаковскими». Он продолжал содержать собственную летнюю гостиницу в Кисловодске, а в Пятигорске сдавал два дома с лавками и арендовал дом, построенный купцом Ходжаевым, где создал новую гостиницу.

Вот история этой гостиницы. Напротив входа в парк «Цветник» стоял дом главного доктора Кавказских вод Ф.П. Конради. Рядом по Верхнему бульвару в 1840 г. получил участок знаменитый пятигорский купец Никита Артемьевич Челахов, торговавший галантерейными товарами. В романе Лермонтова Печорин купил у него ковёр, которым накрыл коня, которого водили перед окном княжны Мэри. В реальности же Лермонтов с друзьями брал у Челахова ковры напрокат для обустройства вечеринки у грота Дианы. Никита Челахов построил большой в 5 залов магазин из дерева на каменном фундаменте с двумя лавками по бокам. Семья жила в дворовом флигеле. Челахов скончался в 1851 г.. Усадьба, магазины и флигель во дворе перешли вдове, а от неё в 1864 г. дочери Елизавете, которая была женой нахичеванского купца Багдасара Ходжаева. Ходжаев торговал в бывшем магазине Челахова.

В начале 1860-х г.г. Ходжаевы в западном углу своей усадьбы построили одноэтажный дом, который арендовал под гостиницу А.П. Найтаки. Аренда продолжалась полтора десятка лет.

В 1880-х г.г. чета Ходжаевых сама содержала в этом доме меблированные номера и открыла магазины. А.П. Найтаки скончался в 1881-м в возрасте 76 лет. Понятно, что Ходжаевы продолжали гостиничное дело, начатое Найтаки.

Доходный дом Ходжаевых в Пятигорске (1909 г.)

В 1909 году сыновья Ходжаевых знаменитый архитектор Эммануил и учёный химик Никита спроектировали и возвели большой трёхэтажный доходный дом с магазинами на месте прежних построек вдоль Верхнего бульвара (Царской улицы). Этот дом можно видеть в наше время (Пятигорск, проспект Кирова, 27).

1861. 19 февраля был подписан Манифест Александра II об отмене крепостного права и 5 марта прочитан во всех церквях после обедни.

С 1 декабря 1861 г по 1 декабря 1869 г. был заключён контракт между наместником А.И. Барятинским и контрагентом статским советником Н.А. Новосельским для управления курортами. Контрагент пригласил зна-

когого ресторатора из Одессы итальянского подданного Джованни-Баттисту Каруту с женой Матильдой заниматься казёнными гостиницами, где прежде работали Найтаки.

1862. В Пятигорске умер статский советник Алексей Федорович Ребров сосед Найтаки.

В Ставрополе умер Егор Петрович Найтаки. Вскоре умерла жена Егора Вера Егоровна. Осиротели дети: Мария, Юлиана, Анна, Евгения, Антонина и Пётр.

В Сиротском суде старшие Мария и Юлиана, «достигшие того возраста, в котором должны быть выданы в замужество, дали подписи, что ... как старшие наследники умершей своей матери Веры Егоровны Найтаки согласны на продажу доставшегося нам по наследству двухэтажного дома ...».

Усадьбу, состоящую из жилого дома с лавкой, сараев и амбаров во дворе, конюшни, каретного сарая, колодца и большого фруктового сада оценили в 13200 рублей серебром. Купила почётная гражданка Ставрополя Ефросинья Стасенкова.

Полученные от продажи деньги Сиротский суд разделил поровну между детьми и положил для каждого в банк. Несомненно, дядя Алексей Петрович помогал сиротам.

Интересно, что магазин на первом этаже дома существует до нашего времени, несмотря на смены владельцев и торгового профиля. Сейчас дом принадлежит фирме «Рив Гош». Усадьба, на которой стоял дом, давно исчезла под городской застройкой.

1864. Кавказская война закончилась на Красной поляне под Сочи. В связи с окончанием войны Комиссариатские комиссии, в частности, в Ставрополе были ликвидированы, а их функции передали созданному Главному интендантскому управлению.

Интендантское управление в Ставрополе возглавил Эдуард Львович Фон-Вах, состоятельный землевладелец на Ставрополье. Он оставался главным смотрителем 50 лет.

В том году в архивном документе (цитирую по современной газете) написано: «Купцу Алексею Найтаки под залог дома в Таганроге выделено 10 тыс. рублей серебром для приобретения у тульского купца Алексея Пономарева для вещевого магазина тульских ружей, пища-лей, шашек и кинжалов». В этом же архивном докумен-те сообщается, что главным смотрителем вещевого ма-газина Эдуардом Львовичем фон Вахом только в один транспортный заезд в рентерию (кладовую) для казна-чейства Кавказского войска и Кавказской области было доставлено 100 тыс. руб. серебром и золотом.

Таким образом, купеческая поездка Алексея Петро-вича состоялась вблизи 1864 года. Он был уже купцом 1-й гильдии и легко мог получить большие деньги под залог дома таганрогского тестя. В своём рассказе я отнёс этот эпизод произвольно на 1836 год, когда А.П. был всего лишь купцом 3-й гильдии и не мог получить легко залог. Пришлось в сочиненной повести сделать купца 1-й гильдии И.Г. Ганиловского лицом, оказавшим необ-ходимую поддержку своим авторитетом.

1866. Скончался священник Павел Алексан-дровский.

1870. Впервые контора КМВ стала получать теле-граммы. Сообщались новости франко-прусской войны. Главное Кавказское управление заключило договор со статским советником А.М. Байковым о контрагентстве с 1.01.1870 г. по 1.12.1882 г..

1871. С разрешения императора Александра II нача-та всероссийская подписка на памятник М.Ю. Лер-монтову в Пятигорске. Несомненно, Найтаки в подписке

участвовали. По конкурсу был принят проект А.М Опекушина. Многие считают эту работу скульптора лучшей. Празднество открытия состоялось 16 августа 1889 г.

1875. 11 (23) августа открыли железнодорожное сообщение между Ростовом и Владикавказом через станцию Кума (Минеральные воды), что заметно увеличило приезд отдыхающих на КМВ, особенно из Грузии через Военно-Грузинскую дорогу.

Акционерное общество Ростово-Владикавказской дороги построило своими силами шоссе от станции Кумской до Кисловодска через Пятигорск с ответвлением в сторону Железноводска.

На всех курортных группах построены почтовые станции. Почта стала отправляться ежедневно.

1877. Произошло восстание в Чечне и в августе прибыли первые раненые с Кавказского фронта.

1881. В Петербурге 1 (13) марта убит император Александр II в результате покушения террористов организации «Народная воля».

15 (27) мая прошла коронация императора Александра III и императрицы Марии Федоровны.

15 (27) июля 1881 г. публично отмечали день смерти М.Ю. Лермонтова, по которому в пятигорском Спасском соборе впервые совершили панихиду, несмотря на то, что церковь по-прежнему относила дуэли к самоубийству.

5 (17) ноября скончался Алексей Петрович Найтаки. Без сомнения, как бывший городской голова, щедрый меценат и почётный гражданин он был отпет в соборе. Алексей Петрович похоронен на старом кладбище (некрополе) рядом с отцом Петром Афанасьевичем.

В начале двадцатого века член Московского Историко-Родословного общества В.И. Чернопяттов на старом пятигорском кладбище видел две могилы и опублико-

вал в книге «Некрополи нескольких мест Кавказа» надпись с общего креста. На основании креста было написано:

«Найтаки Алексей Петрович
(1805-1881 ноября 5, †Пятигорск) 76 л.
Найтаки Петр Афанасьевич
(1777-1857 нояб. 8, †Пятигорск) 80 л.»

Могильный крест А.П. и П.А. Найтаки

Сыновья Алексея Петровича Михаил и Пётр поставили этот крест, по-видимому, в начале нового века на средства от наследства. Михаил Найтаки, вероятно, старший по отношению к брату Петру, наследовал дома в Пятигорске и гостиницу в Кисловодске. Полагаю, крест был установлен тогда же, когда строился пятигорский дом Михаила Найтаки на деньги от продажи кисловодской гостиницы отца.

1885. В летний сезон через станцию Минеральные воды ходило до 12 пар поездов в день.

1890. Антон Павлович Чехов в книге «Остров Саха-

лин» о событиях летом-осенью 1890 года упоминает не-лестно начальника сахалинской почтово-телеграфной конторы, титулярного советника Ноитаки, занимавшегося фотографированием и дорого продававшего фото и негативы. Отнимал некоторые у подчиненного, тоже фотографа. В сахалинском интернет-форуме описывают начальника почты как жадного, подлого и грубого человека, занимающегося перлюстрацией писем. Прозвище «Яго-Ноитаки» упоминает Чехов в одном из писем. Вероятно, впечатления Чехова от Ноитаки отозвались в рассказе «Палата №6» в изображении почтмейстера Михаила Аверьяныча.

Замечу, что по датам жизни, по имени и отчеству можно заключить, что именно ставропольский племянник пятигорского Алексея Петровича Найтаки вырос в сахалинского Ноитаки Петра Егоровича (1852—1892). Ему в год смерти отца Егора Петровича было 10 лет.

1893. 14(26) мая прибыл первый поезд на станцию Ессентуки на железнодорожной ветке Минводы - Кисловодск. С 6 августа поезда стали регулярно ходить до конечной станции Кисловодск. Официальное открытие состоялось 17 (29) мая 1894 г.

1900. В конце века кисловодская гостиница Найтаки была продана купцу Шацкому. Надо полагать, что в начале 1900-х г.г. на деньги, вырученные от продажи гостиницы, был построен пятигорский дом, сохранившийся до наших дней (пр. Кирова, 8). Там под Горячей горой была усадьба Найтаки на Царской улице напротив Пушкинских ванн перед подъёмом к Академической (бывшей Елизаветинской) галерее. От неё, похоже, ничего кроме дома не сохранилось. Существующие постройки вряд ли ей принадлежат.

По мнению краеведа П.Н. Никитина трёхуровневый дом в эклектическом «кирпичном стиле» сооружён по

проекту известного пятигорского городского архитектора С.И. Гущина. Действительно, этот зодчий предпочитал проектировать угловые дома со срезанными углами,

Пятигорск (1902?-1910?): внизу Николаевские ванны, вдали на горе беседка Эоловой арфы, Елизаветинская галерея и лестница к ней от Царской улицы (пр. Кирова). Внизу лестницы справа Пушкинские ванны; слева усадьба М.А. Найтаки.

на которые помещал эркер или балкон. Именно последний виден у дома. Заметен также стиль модерн, особенно в очертаниях окон чердачного этажа, похожих на пламя или цветок.

Архитектором мог быть также Ходжаев Эммануил Багдасарович, с детства знавший Михаила и отца Алексея, снимавшего у Ходжаевых дом под гостиницу.

Тем более, что с осени 1900 по лето 1902 г. Эммануил временно был городским архитектором в Пятигорске, а в 1904-05 г.г. городским архитектором Кисловодска, куда переехал жить летом 1904-го.

Дом Михаила Алексеевича Найтаки в Пятигорске.
Справа мемориальная доска А.П. Найтаки (2016,
В. Разумов)

В интернете «Исторический портал города Георгиевска» называет в списке построек Э.Б. Ходжаева этот дом, как «дачу Найтаки в верхней части Царской улицы», и предполагает, что он был построен в 1906 году. Дачами называли дома в санаторном районе Пятигорска. Портал отмечает, что архитектор Ходжаев изображал окна в стиле модерн, как перевёрнутые сердца. На это похоже окно бельэтажа.

Думаю, что согласно биографии Ходжаева вероятные года постройки находятся в интервале 1900-1906 г.г..

Полагаю, что на часть денег, вырученных Михаилом

за кисловодскую гостиницу, брат Пётр получил медицинское образование и завёл аптекарский магазин в Минеральных водах.

Подведём итог деятельности Найтаки на Кавказе. С 1835 г. по 1851 г. Пётр с сыновьями Алексеем и Егором арендовал 3 гостиницы с ресторанами в Ставрополе, Пятигорске, Кисловодске. Затем эти 3 гостиницы содержали Алексей и Егор по 1860 г.; далее Алексей содержал две другие гостиницы в Пятигорске и Кисловодске по 1880 г.; наконец, Михаил сын Алексея управлял одной гостиницей в Кисловодске приблизительно по 1897 г.. Всего в XIX столетии Найтаки занимались гостиничным делом более 60 лет! Недаром эту фамилию прекрасно знали посетители и жители КМВ. По общему мнению самым успешным из Найтаки был Алексей Петрович.

1903. Под Ессентуками открылась первая промышленная гидроэлектростанция в России «Белый уголь». Она давала электрический ток на КМВ для 400 фонарей и двух трамвайных линий. В Пятигорске трамвай возил пассажиров, а в Кисловодске бутылки нарзана от завода розлива.

13 (25) июня к 100-летию Кисловодска царь Николай II подписал Указ "Об обращении слободы Кисловодской в город". В нем говорилось: "Слободу Кисловодскую обратить в город, под названием Кисловодск. Всего постоянных жителей в Кисловодске на этот год 7982 человека. По сведениям полиции и отчетам Конторы группы на Кислых водах отдохнуло 7266 человек.

На Троицын день в начале мая Кисловодск постигло сильнейшее наводнение. Были затоплены нижняя часть Курортного парка, нижние кварталы Кисловодска, сорваны мосты, размыло каменную набережную, в Нарзанной галерее хлынувшая вода унесла столы, двери, решетки.

У Красных камней посажена сосновая роща. Кисловодск начал превращение в кардиологический курорт.

1910. Состоялся первый зимний сезон на КМВ.

22 июня у Петра Алексеевича Найтаки родилась дочь Мария от знакомой женщины Степаниды Степановны Клеменчук. Настоящая фамилия Степаниды Степановны мне не известна, а Клеменчук – это фамилия железнодорожного рабочего Ульяна, за которого она вышла замуж. Новорожденная была принята в семью Елизаветой Николаевной Найтаки. До 16 лет дочь не знала, кто её настоящая мать.

1915. В зимний сезон в Кисловодске собирался работать ресторан "Парк" (бывшая ресторация Найтаки) при условии, что электрическая энергия будет отпускаться владельцу по себестоимости и ежедневно (еженедельно?) предоставляться бесплатно 14 пудов антрацита для отопления здания.

1917. 26 февраля в Петрограде произошла Февральская буржуазная революция, поддержанная по всей стране. Наступило двоевластие: советы рабочих и крестьянских депутатов против буржуазного Временного правительства.

В Ессентуках в станице был создан Всероссийский Союз по борьбе с Советской властью. Городом полностью управляло Станичное Правление. За курортный сезон лечебные учреждения курорта посетило 16 тыс. человек. Для медицинского обслуживания населения имелась одна амбулатория, где работало 2 врача, 3 фельдшера и одна акушерка.

2 (15) марта Николай II отрёкся от престола.

9 апреля 1917 г. в Ессентуках была установлена Советская власть. Председателем Совета стал Д.И. Рухадзе лидер местной организации РСДРП

интернационалистов-линдовцев (группа социалистов в 1-м Интернационале?). Он прибыл на Северный Кавказ из Тифлиса ещё в 1905 г., вёл подпольную борьбу в Майкопе, а после Февральской революции 1917 г. боролся на КМВ и в Ессентуках с соглашателями в профсоюзном движении. Поддержал забастовку работников аптек. Выборы в новый Совет принесли победу ему и товарищам. Совет образовал 1-й ессентукский коммунистический батальон. Имел ли к этой забастовке Пётр Алексеевич Найтаки отношение, как аптекарь и фельдшер? Думаю, что не имел, потому что в Минводах он сам был хозяином. Значит, боролись бы против него, если бы он не бросил своё дело.

Борьбу хозяев против Совета поддерживал ессентукский атаман. В Ессентуках находилось также много буржуев, аристократов и беглецов-богачей из России.

25 октября (7 ноября) в Петрограде произошла Октябрьская революция.

1918. В июне в Ессентуках фельдшер Пётр Алексеевич Найтаки возвращался вечером домой после вызова к больному и был застрелен казаком, искавшим убить другого человека.

Ранним утром произошло нападение контрреволюционного казачьего отряда Шкуро. Изгнали Шкуро к концу того же дня с помощью войск с бронепоездами, подошедшими из Пятигорска, и исполком Ессентукского Совета арестовал около 50 заложников из казаков и других подозрительных лиц.

Главком И.Л. Сорокин 21 октября у подножия Машука расстрелял руководителей ЦИК Северного Кавказа. По приказу председателя Пятигорского ЧК Г.А. Атарбекова 31 октября были убиты 104 заложника, в том числе взятые в Ессентуках. Среди заложников были генералы

Радко-Дмитриев и Рузский. Первый был знаменитый болгарский генерал, второй – бывший командующий северным фронтом, тот самый, который вместе с другими генералами уговорил Николая II отречься. Расследование показало, что все они были не расстреляны, а зарублены шашками на пятигорском некрополе. Диктатура Сорокина была подавлена и сам он расстрелян. 25 декабря создан Совет обороны Северного Кавказа во главе с Г.К. Орджоникидзе.

30 декабря Ессентуки захватил А.Г. Шкуро.

1919. 20 января в Ессентуки вступили части Добровольческой армии. 21 июня в театре "Парк" открылся Большой Войсковой Круг ТКВ (Терского Казачьего Войска), на который позже прибыл генерал А.И. Деникин.

В июне была предпринята попытка открыть курортный сезон, но не удалось, так как были сильно запущены парки, царил упадок и запустение, значительно сократилось количество медицинских работников и обслуживающего персонала.

На горе Казачка в Пятигорске по приговору военно-полевого суда 31 августа был повешен Г.Г. Анджиевский. Деникинцы в Железноводске расстреляли членов Совдепа и десятки больных тифом и раненых бойцов Красной армии. В городе был восстановлен "Гражданский комитет" как орган управления.

Заведующим Кисловодской курортной группой становится доктор И.И. Байков.

1920. Февраль. Дети Михаила Найтаки Вадим офицер и сёстры Екатерина и Анна эмигрировали, по-видимому, с белой армией генерал-лейтенанта А.И. Деникина из Крыма в Константинополь, а затем в Европу.

25 марта был избран Ессентукский ревком и установлена Советская власть на КМВ. 1 мая на Привокзальной площади Ессентуков заложен

памятник-обелиск 11 безымянным жертвам борьбы за Советскую власть.

25 июня образована краевая комсомольская организация.

Советской властью на КМВ проведена массовая экспроприация домов и имущества у врагов и богачей.

1923. В Пятигорске умер от голода Михаил Алексеевич Найтаки.

1927. В Ессентуках Мария Петровна Найтаки вышла замуж за Анатолия Андреевича Богданова, сына старообрядцев Богдановых (бывших купцов). Он руководил комсомольским театрально-агитационным коллективом «Синяя блуза» при клубе медработников.

Елизавета Николаевна Найтаки уехала к родным.

Молодожёны переехали в Москву на заработки и остались там жить. Их биографии и происхождение, а также ближайшие родственники описаны подробно в главах книги «Богдановы и Найтаки, близкие и родные» (самиздат), Москва, Онтопринт, 2016. У Анатолия и Марии первенец Адик (Адольф) умер малышом от крупозного воспаления лёгких, потом родились Валентин 27 декабря 1934 г. и Людмила 16 апреля 1937 г.

1941. 22 июня началась война с Германией. В октябре Анатолий Андреевич Богданов был призван в армию. Детей отец и мать отправили на поезде со знакомой в Ессентуки к родителям отца Андрею Георгиевичу и Марии Дмитриевне Богдановым. Затем в Ессентуки переехала мама Мария Петровна.

Летом немцы провели быстрое наступление на Северном Кавказе. В августе 1941 г. они заняли Ессентуки. Вследствие бездействия, трусости и дезертирства начальников не удалось вывезти из госпиталей Кавминвод тысячи тяжелых раненых. Часть

раненых пошла на костылях в Нальчик, некоторых спрятали и спасли местные жители. Мария Петровна Найтаки, Зинаида Андреевна Шукунова, Андрей Георгиевич и Мария Дмитриевна Богдановы спасли тяжело раненного комиссара из Башкирии, брошенного в сортировочном госпитале в Верхних ваннах в эссентукском парке. Городом, эвакуировавшим раненых и оборудование госпиталей, был один Железноводск.

1942. После освобождения КМВ в январе 1942 г. жители и персонал, занимавшиеся спасением, подверглись репрессиям вместо благодарности. Некоторых сослали в лагеря. О проваленной эвакуации почти не вспоминают.

Нацисты оставили много разрушений в курортных городах и на железной дороге. Взорвали и сожгли пятигорскую ресторацию с бесценным архивом и большой библиотекой.

1943. Анатолий Андреевич Богданов погиб 30 июня под посёлком Константиновский Донецкой (Сталинской) области.

В последней записке, отправленной с оказией, он писал:

«За прошедшую зиму прошёл уже в новой части от самой Волги и до Донбасса всё больше пешком по пятам за немцами. К счастью сказать, зима была не так здесь сурова. Я был тепло одет. Переезжал Волгу, Дон, Донец. Прошёл недалеко от Обливской может быть 15-20 километров стороной. Мечтал туда попасть разыскать сваху, да не пришлось. Теперь к вам поближе нахожусь. Как я постарел, роднуля, за это время. Сейчас на нашем участке фронта боёв нет, сравнительно тихо. Скоро будем встречать 1 Май. Будем вспоминать, как, бывало, мы встречали. Помнишь? На обороте напишу для ребят». И крупными буквами: «Дорогой сыночек Валичка и

доченька Люсенька. Поздравляю вас с праздником 1-го мая. Желаю вам здоровья и успехов. Не обижайте друг друга. Ты, Валичка, старше Люсеньки, должен не только не обижать её, но жалеть и защищать от обидчиков. Поцелуйте за меня мамочку, бабушку и дедушку. Крепко вас целую. Ваш папа».

Очевидно, что письмо было написано в конце апреля 1943 г. Елизавета Николаевна Найтаки, мачеха Марии Петровны, жила в то время, судя по письму отца, в станции Облиевской.

М.П. Найтаки поступила вольнонаёмной в армию. Осенью заболела и уволилась. Вернулась в Москву.

1944. В Кисловодске разобрали сожженный дом прежней ресторации.

1945. Летом Мария Петровна перевезла детей в Москву на Красную Пресню по прежнему адресу. Валентин продолжил учение в мужской школе №95, а Людмила – в женской №81.

1948. Мария Петровна Найтаки вышла замуж за вдовца Ивана Трофимовича Титова, участника войны, с детьми Степаном и Людмилой. Награждена медалью «В память 800-летия Москвы» как заслуженная москвичка.

В Кисловодске Лермонтовская площадка очищена от последних остатков знаменитой «Найтаковской» ресторации. Вокруг грота построена архитектором П.П. Еськовым торжественная лестница с бюстом М.Ю. Лермонтова и литой доской со стихами поэта о любви к Кавказу работы скульптора Г.Н. Валуйского. В грот усажена крылатая фигура «печального духа изгнанья» с красными глазами, светящимися по ночам. Её создал скульптор Г.В. Курегян. Работы Курегяна можно видеть в новом зале кисловодской филармонии и в других местах Кавказских вод.

1991. После сговора лидеров компартии в Беловеж-

ской пуще прекратил существование Союз Советских Социалистических Республик (СССР). Вначале была разрешена кооперация. После приватизации, названной в народе «прихватизацией», государственная собственность стала частной. Пришёл капитализм, как тогда говорили, «с человеческим лицом». Жаль только, что это лицо со временем так изменилось.

1996. 30 апреля в 8 утра умерла правнучка Петра Афанасьевича Мария Петровна Найтаки (1910-1996). Она была единственной дочерью Петра Алексеевича Найтаки. Её жизнь в СССР описана в домашней книге «Богдановы и Найтаки, близкие и родные», напечатанной благодаря семье Хаспековых Онтопринтом в 2016 г..

Она часто бывала на КМВ у родных.

Прах её покоится в Москве в колумбарии Введенского (бывшего Немецкого) кладбища в Лефортово.

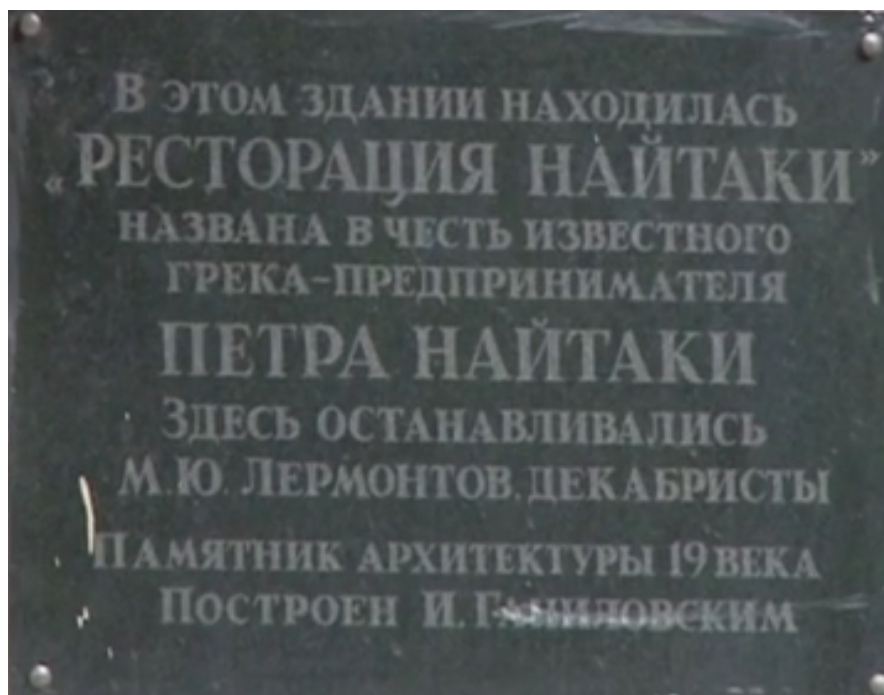
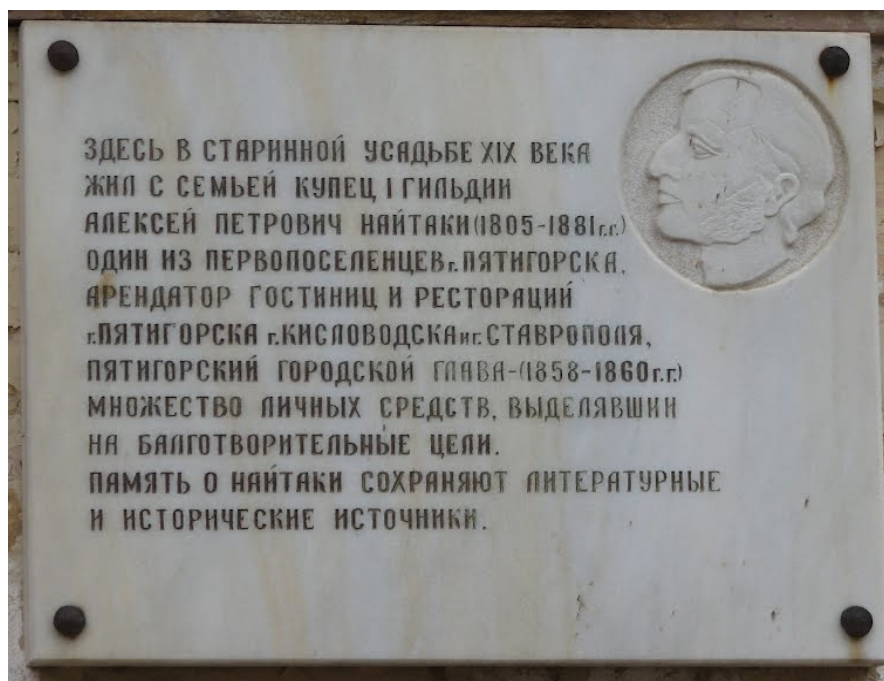
Ни одного Найтаки на Кавказских водах больше нет.

1997. Внучка Михаила Алексеевича Надежда Вадимовна приезжала из Парижа на открытие доски в Ставрополе. Второй раз приезжала в 2010 г. на открытие доски в Пятигорске.

2004. В Кисловодске на кусочке лермонтовской площадки, оставшемся после «прихватизации», архитектор А.Р. Арустамян по рисунку, оставленному покойным скульптором Г.В. Курегяном, возвел памятник, изображающий белый портал ресторации со сдвоенными дорическими колоннами и простым треугольным фронтоном.

2010. Получив разрешение от президента России В.В. Путина бизнесмен И.Х. Илиади установил доску белого мрамора на доме Михаила Алексеевича в пятигорской усадьбе Найтаки (проспект Кирова, 8). На доске написано: «Здесь в старинной усадьбе XIX века жил с семьёй купец 1 гильдии Алексей Петрович Найтаки

(1805-1881 г.г.) один из первопоселенцев г.Пятигорска, арендатор гостиниц и рестораций г.Пятигорска, г.Кисловодска и г.Ставрополя, пятигорский городской

Мемориальные доски А.П. и П.А. Найтаки

глава (1858-1860 г.г.) множество личных средств, выделявший на благотворительные цели. Память о Найтаки

сохраняют литературные и исторические источники.»

На доске чёрного мрамора, установленной на бывшей ставропольской гостинице (просп. Карла Маркса, 64) в 1997 г., написано: «В этом здании находилась ресторация Найтаки. Названа в честь известного грека-предпринимателя Петра Найтаки. Здесь останавливались М.Ю. Лермонтов, декабристы. Памятник архитектуры 19 века. Построен И. Ганиловским».

В Кисловодске мемориальной доски нет.

2016. В Пятигорске дачи напротив Пушкинских ванн снесены и строится многоэтажный пансионат. Дом Найтаки уцелел. В нём располагается частная поликлиника «Виктория».

2017. Интернет сообщает, что в Донецке проживает Павел Витальевич Найтаки, рожденный 2.04.1980 в Новобешево, закончивший РЭУ им. Плеханова, имеющий замужних сестёр Юлию Муху и Марину Челпанову, рождённую 10.01.2015 в Донецке, закончившую ДонНТУ. Скорее всего, это потомки таганрогских Найтаки.

Бабушкой их, полагаю, была упомянутая вместе с ними Мария Ивановна Найтаки, рождения 1.01.1914., адрес Новобешево, Ленина,1, Украина.

В интернете в «Одноклассниках» Марина Челпанова спрашивала у пользователей советов по пенсионному законодательству для старого отца-инвалида.

Примечание. Здания и места, в которых работали или жили кавказские Найтаки, можно найти в интернете и увидеть на фото, на спутниковых картах и на панорамах по адресам, приведённым в тексте.

Последняя Найтаки

В прошлом обязанности в семейной жизни были регламентированы. Мужчина выступал добытчиком, а женщина занималась домом и детьми, ведя обычно слабо связанный с обществом образ жизни. Поэтому о женщинах в семьях Найтаки осталось мало исторических свидетельств.

Современной женщине в критической ситуации приходится вследствие равноправия всё чаще брать на себя обязанности мужчины. Жизнь тогда становится чрезвычайно трудной. Такой была судьба матери и вдовы Марии Петровны Найтаки, правнучки первого на Кавказе Петра Найтаки. Маму поддерживала память о прошлом и родные люди, но Найтаки среди них не было; она жила на Кавказских водах последней под этой фамилией.

*Душе моя, душе моя, востани, что спиши?
Конец приближается, и имаши смутитися.
Воспряни убо, да пощадит тя Христос Бог,
везде сый и вся исполняяй.*

Кондак песнь шестая Великого покаянного
канона преп. Андрея Критского (VII век)

На Кавказских Минеральных Водах в XIX и XX веках обитали четыре поколения российских греков Найтаки. В память самых известных установлены доски на зданиях, в которых они жили и работали: Петру Найтаки – в Ставрополе и Алексею – в Пятигорске.

Алексей Петрович Найтаки имел двух сыновей, Михаила и Петра, и, кажется, двух дочерей. Судьба дочерей не известна. Судьба сыновей трагична. Оба, Пётр и Михаил, погибли после Октябрьской революции: первый в Ессентуках от револьверной пули в 1918-ом, второй в Пятигорске от голода в 1923-ем.

В 1920 году проводилась повсеместная и массовая экспроприация домов и имущества у врагов революции и просто богатых людей. Михаил Алексеевич Найтаки был отнесён к враждебным элементам, – богатый купец, у которого сын, белый офицер, сбежал с сёстрами за границу. Об этом, конечно, сообщили кому следует. И Михаил потерял всё: вслед за детьми имущество и дом. После гражданской войны был голод. НЭП, начатый в марте 21-го, одинокому старику не помог. Михаил Алексеевич умер в 1923 году от голода в Пятигорске.

Что случилось с супругой, не известно. Я полагаю, что её звали Нина Петровна, если изучить данные, записанные в открытке, которую выложил филокартист на сайте «Баку. История Баку и бакинцев». Новогодняя

открытка была отправлена 30.12.1909 г. из Баку в селение Лачхуты, Кутаисской губернии, ж. д. станцию на пути в Батуми, Нине Петровне Госпоже Найтаки. Вероятно, это была жена Михаила, так как жену брата звали Лизой. Если, конечно, Нина Петровна не принадлежала к неизвестным бакинским Найтаки.

Сын Михаила Найтаки Вадим закончил пятигорскую гимназию и сразу ушёл на Первую мировую войну. Сражался на Кавказском фронте. Во время гражданской войны находился в Добровольческой армии. После поражения бежал с остатками этой армии на корабле из Крыма. В Константинополе в церкви обручился с медсестрой Ольгой, чудесным образом встреченной любимой пятигорчанке. Эмигрировали также сёстры Вадима: Екатерина, пианистка, и Анна, врач. После долгих скитаний по Европе все прижились во Франции. Странно, что об оставленных матери и отце они не упоминают.

Внучка Надежда Вадимовна, почётная медсестра министерства обороны Франции, живущая в Париже, дважды приезжала в Ставрополье. В первый раз в 1997 г. «Это была моя самая заветная мечта, — говорила она тогда, — побывать на родине отца». Присутствовала в Ставрополе на открытии мемориальной доски на здании «найтаковской гостиницы». Говорила, что отец Вадим Михайлович переписывался со ставропольчанами в надежде вернуться в далёкие годы юности. Французские потомки, обретя новое отечество, сохранили русский язык, православную веру и память о родине предков.

Вот часть красочного описания визита в Пятигорск нашей зарубежной внучатой сестры Надежды Вадимовны, напечатанное краеведом и лермонтоведом Вадимом Александровичем Хачиковым в газете «Пятигорская правда» №120, 28.10.2010 г.: «Потомки Вадима Найта-

ки живут своей, «французской», жизнью и не знают никакой другой. Но сам он до конца своих дней тосковал по России, по Пятигорску. И часто рассказывал детям об изящном особнячке в старинной части курортного городка, окруженном белыми скалами Машука, осененном кружевной листвой каштанов, которые весной зажигают свои волшебные бело-розовые свечи, а по осени роняют глянцевые шоколадные «каштанчики». И так ярки, так впечатляющи были рассказы, что «бриллиантовой мечтой» их дочери стало желание побывать в Пятигорске и увидеть этот удивительный дом. Свою мечту Надежда Вадимовна осуществила на склоне дней. Она приехала в Пятигорск, прошла по старинным улицам, хранящим эхо шагов стольких поколений ее предков. Увидела величественные колонны «Ресторации Найтаки». И вошла в дедовский дом, к счастью, уцелевший и, по традиции Найтаки, продолжающий их добрую службу городу - сегодня в особнячке располагается лечебное учреждение - поликлиника «Виктория». А вскоре после визита Надежды Вадимовны стараниями местных краеведов и греческой общины Пятигорска на доме появилась мемориальная доска. Правда, сообщает она лишь о самом знаменитом представителе семьи бывших хозяев. Но стены, которых не коснулось время, хранят память и о маленьком гимназисте, на долю которого выпало быть свидетелем сопряжения времен и крутых перемен в судьбе старинного рода Найтаки.»

Другой сын Алексея Петровича Найтаки Пётр, по видимому, младший и не наследник, получил соответствующее образование и стал медиком. Во времена «гласности» наша мама Мария Петровна Найтаки рассказала, как погиб её отец. Точную дату она не назвала. Сказала лишь, что ей было 8 лет. Думаю, что по малолетству она дату не запомнила.

Она родилась в 1910 году в Минеральных водах и была единственным, хотя и внебрачным ребёнком. Её приняли в семью и до 16 лет она не знала настоящей матери. В паспорте, который я видел, было записано «русская» вместо «гречанка» и дата рождения 22 июля в городе «Ессентуки» вместо «Минеральные воды».

Маруся Найтаки и знакомые курортники (1917)

С этими записями связаны особые истории. Однажды, уже в старости, она призналась, что не знает точной даты рождения. Я полагаю, родители изменили число, когда брали незаконнорожденную в семью. Запись «Ессентуки» появилась, когда, спасаясь от револю-

ционных «чисток», семья бежала из Минеральных вод. Запись национальности изменил после войны наш родственник, работавший в милиции. Благодаря этому она обошла ограничения и вернулась с детьми в Москву.

Елизавета Николаевна и Петр Алексеевич Найтаки

В 1918 году происходили волнения казаков в Ессентуках против советской власти. В начале июня фельдшер Пётр Алексеевич поздно вечером возвращался домой после вызова к больному, и в него выстрелил из револьвера пьяный казак. Казак искал

убить другого человека, но обознался в темноте.

Зажимая рану, перфорировавшую лёгкое, Пётр Алексеевич смог дойти до дома. Послали за врачом. Коллеги были в таком страхе, что отказались прийти и помочь. Всю ночь он истекал кровью, задыхался и умирал, а утром скончался в мучениях. Невозможно вообразить, что пережила дочь, когда умирал любимый отец! Дочь помнила до конца жизни, как подавала мачехе полотенца и они пропитывались кровью отца.

Утром проспавшийся казак каялся перед домом и жалел, что убил не того бородача. Жена Елизавета Николаевна Найтаки не пустила в калитку. Где похоронили Петра Алексеевича, я не знаю.

К сожалению, удалось найти лишь немногие интересные меня подробности тех событий, что происходили тогда в Ессентуках, хотя всё случившееся в России после февральской революции 1917 г. описано в современных публикациях достаточно основательно.

Несомненно, что общую революционную ситуацию Пётр Алексеевич знал, недаром среди друзей была семья полицейского чина, как видно на общей фотографии с семилетней дочерью Марией, нашей будущей мамой.

После революции множество царских чиновников, офицеров и просто богатых людей бежало за границу или на более спокойный юг империи. На КМВ относительно спокойными оазисами были Ессентуки и особенно Кисловодск, где оказались даже члены и приближённые императорской семьи и какое-то время престарелая императрица Мария Фёдоровна. Вскоре на юге тоже начались волнения и борьба.

Может быть Пётр Алексеевич решил перевезти семью в более безопасное место, где была самая большая

на водах греческая община, или бежал от экспроприации, которой подвергся как хозяин аптекарского магазина. Кокаинистов и бандитов хватало и тогда. Продал ли он магазин и купил собственную хату в Ессентуках или бросил всё и сбежал к каким-то знакомым тоже не известно. Читая о событиях в Ессентуках, можно предположить, что трагедия случилась летом 1918 г., когда произошло внезапное нападение отряда Шкуро, поддержанное выступлениями местных казаков против советской власти, и город начал переходить из рук в руки.

Более конкретное предположение о дате смерти деда можно выстроить по воспоминаниям Д.И. Рухадзе, бывшего председателя исполкома советов в Ессентуках в 1918 г. Они были напечатаны в Кутаиси в 1927 г. В июне в исполкоме узнали о самочинном казачьем круге, собранном офицерьям в огромном помещении кредитного товарищества. Рухадзе направился туда и стал с трибуны отвечать на вопросы, разъясняя в основном о земле и о восстановлении станичного правления. Началась ругань и нападки на правительство из зала и от выступавших переодетых офицеров и зажиточных.

Далее привожу точную цитату из воспоминаний: «Тогда я сам повышенным тоном призвал их к порядку, добавив ещё что-то, и вероятно угрозу. Вдруг, кто-то из этой толпы крикнул: «Рухадзе стреляет». К стыду присутствующих горлохватов, создалась ужасная паника: люди друг-друга давили, выбили все окна и двери и в течение трёх минут огромный зал опустел и носил следы погрома.

На трибуне остался я один. Узнав в чем дело, я вышел на улицу, успокоил их, собрал обратно в помещение и стал призывать объединиться вокруг Совета, дав туда своих представителей и т. д. Кое-как вновь собрались.

Прошло несколько минут, вижу опять что-то неладно, но не бегут. Оказалось, что, когда создалась паника, кто-то побежал в штаб отряда и передал, что казаки убили председателя исполкома Рухадзе. Это донесение вызвало выступление красноармейцев, оцепивших место собрания, командовавший товарищ передал мне о причине их появления. Я просил товарищей немедленно сняться, что было исполнено, а охрану возле меня оставили. Казачество, в конце концов дало согласие принять участие в работах Совета и выделило 14 представителей. Так закончилось это бурное собрание. Обо всем передал исполкому, а сам уставши пошёл отдыхать. Через несколько часов на рассвете, слышалась со всех сторон стрельба. Одевшись и вооружившись предложил жене немедленно ехать в Пятигорск, а сам выбежал на улицу.»

Произошло нападение отряда Шкуро. Отступили с боями из города и на товарном поезде с ранеными поехали в Пятигорск. По дороге произошло крушение. Белые добивали раненых. Добрались до Пятигорска. Пришла подмога и в 12 часов начали наступление с двумя бронепоездами на Ессентуки со стороны Золотушки. Шкуро, сагитировавший тысячу казаков и офицеров, отступил на Белый уголь. К 6 часам Ессентуки были освобождены.

Со следующего утра началась уборка трупов – жертв расправы белогвардейцев. Из разрушенного дома Зипалова (бывш. гостиница «Метрополь» на «пяточке» центральной площади) исполком перешел на дачу Зимина «Орлиное гнездо» (на ул Анджиевского, напротив парка и наискосок от Пантелеймоновского собора). Были арестованы в качестве заложников до 50 человек.

Где-то я читал, что этот Рухадзе славился особенно

большой чёрной бородой, из-за чего, возможно, и стреляли в бородатого Петра Алексеевича Найтаки, когда искали убить председателя исполкома. А ложное сообщение вечером в штаб отряда об убийстве Рухадзе было не с собрания, а с улицы, и не пустым слухом, а о выстреле в Петра Алексеевича. Если это так, то ясно, когда это случилось – вечером в июне накануне нападения Шкуро. Но в воспоминаниях А.Г. Шкуро «Записки белого партизана» не написано о нападении на Ессентуки в том июне. Однако, в сведениях специалистов по биографии Шкуро сообщается, что нападения на Кисловодск и Ессентуки были в мае-июне месяцах 1918 г., но дни не указываются.

Таким образом, подтверждается, что наиболее вероятная дата смерти Петра Алексеевича – июнь 1918 г.. О событиях того времени напоминает памятник жертвам борьбы за Советскую власть, установленный в 1920 г. на привокзальной площади Ессентуков и недавно перестроенный. Но фамилии Найтаки на памятнике нет.

После смерти отца только в шестнадцать лет мама узнала, что Елизавета Николаевна Найтаки ей не мать, а мачеха. Это открылось, когда настоящая мать Степанида Степановна Клеменчук приехала навестить дочь. Дочь очень обиделась за такое долгое молчание. Лишь после войны, испытав невероятные жизненные трудности и гибель мужа, она стала общаться с матерью и сводными сестрой и братом, а потом и подружилась с ними.

В 1927 году Мария Найтаки (1910-1996), семнадцатилетняя дочь Петра Алексеевича Найтаки, убитого в 1918 году, вышла замуж за Анатолия Андреевича Богданова (1905-1943). Регистрировать браки имел право профсоюз (тогда профсоюзы были настолько авторитетными, что членам профсоюза даже

пиво отпускали без очереди). Молодые оставили себе прежние фамилии.

Они познакомились на спектаклях группы комсомольцев «Синяя блуза» при клубе медработников. Молодой муж руководил этим коллективом, продвигая в массы идеи агитационно-политического театра В.Э. Мейерхольда. Юная жена работала санитаркой в санатории Медсантруд (или имени Клары Цеткин, точнее не помню), потом в Верхних ваннах.

Мария Петровна Найтаки и Анатолий Андреевич Богданов

Бешеная инфляция, карточная система и голод, наступившие после отмены НЭПа, заставили молодожёнов вместе с друзьями искать работу в Москве. Они перебрались в неё в 1928 году. Елизавета Николаевна Найтаки, по-видимому, покинула Ессентуки и переехала к родным.

Двумя годами ранее отец с другом уже приезжали и работали в Москве. Тогда папа ремонтировал Шереметьевскую больницу и строил дома в Марьиной роще. Теперь приехавшие трудились разнорабочими; кто на стройках, а кто мостил улицы. Мама подрабатывала уборщицей. Обитали в рабочем общежитии.

Когда родился первенец, молодым отвели шестиметровую комнатку по адресу Большой Трёхгорный переулок 6 в коммуналке, занимавшей весь нижний этаж красно-кирпичного четырёхэтажного дома. Жители Красной Пресни называли этот дом «каланчой», потому что Москва вокруг была в основном одно и двухэтажной. Дом сохранился, но перестал быть каланчой; вычурную крышу убрали в начале войны, чтобы дезориентировать немецких лётчиков, а в последнее время вокруг поднялись высотные здания.

Первенец умер от крупозной пневмонии. Через два года появился я и затем родилась сестра Люся в 37-м году, когда торжественно отметили столетнюю годовщину смерти А.С. Пушкина и двадцатый юбилей октябрьской революции, ссылая в лагеря и убивая безвинных людей по разнарядкам И.В. Сталина.

Отец работал маляром в холодное время года на стройках и, по-видимому, дополнительно на частных заказах, а летом нанимался в контору по намывке золота на речках европейской части России.

Он был разносторонним и творческим человеком – находил время писать картины, заниматься в литературном кружке, сочинять стихи на злобу дня и пьесы. В рабочем клубе режиссировал спектакли, исполнял вместе с друзьями и даже аккомпанировал им на фортепиано. Максим Горький в ответ на присланную повесть «Марш гладиаторов» о синемблужниках посоветовал ему учиться, что он и старался делать всю

оставшуюся жизнь.

Нас он очень любил, и нам, малышам, было непонятно, почему он, шутя, называл меня «греческий подданный». Отец явно заботился о нашем обучении, несмотря на то, что ему приходилось много работать, чтобы содержать семью. Игрушки, карандаши, краски и книжки у нас не переводились.

Тогда не было даже малейшего предположения о будущих компьютерах и телевидении. Детское кино только зарождалось. Папа купил проектор «Волшебный фонарь» для показа слайдов, как сейчас это называется.

Валя и Люся Богдановы (1946)

Все дети огромной коммунальной квартиры сходились в нашу маленькую комнатку, а было в той «коммуналке» шесть семей и столько же детей. Зрители рассаживались на большой кровати и смотрели «подвижные»

картинки на экране из белой простыни, повешенной на дверь. Кто-нибудь из старших читал с экрана текст сказки при неподдельном детском восторге.

В октябре 1941 года, когда фашисты подошли к Москве, папе принесли призывную повестку. Он с мамой упробил знакомую, уезжавшую с дочкой на поезде в Ессентуки, взять меня и сестру к родителям отца Андрею Георгиевичу Богданову (1872-1960) и Марии Дмитриевне Богдановой (Ветохиной) (1878-1971).

Мария Петровна Найтаки

Мама приехала к нам, как только проводила папу на фронт. Она нашла работу в сортировочном госпитале, организованном в Верхних ваннах. Отсюда вновь поступивших раненых распределяли по профильным

госпиталям Ессентуков.

В это время пришла похоронка на Владимира Андреевича, младшего брата отца. Потом после освобождения от оккупации мы узнали, что он остался жив. Оказалось, что он бежал из плена к украинским партизанам и в бою его тяжело ранил немецкий снайпер. Раненого вывезли и долго лечили.

В августе 1942 года немцы приблизились к станции Минеральные воды. Начальство в Верхних ваннах бросило госпиталь вместе с ранеными и скрылось. По современным данным, подобное происходило по всем КМВ. В Ессентуках тяжёлых раненых, кто не мог уйти пешком, младший персонал разобрал по домам.

Маме, оставшейся старшей по должности – она работала сестрой-хозяйкой – достался рыжий комиссар из Башкирии. От него все отказались, опасаясь неминуемого расстрела.

Она привезла его вместе с лекарствами на ручной тележке на нашу улицу Орджоникидзе, тогда окраину. Старики, родители отца, записали в домовую книгу как родственника и захламили хату. Двое немцев с порога побрезговали квартировать у нас и загнали во двор тупорылый грузовик, переехав ворота.

Разбитое бедро, зафиксированное в лонгетах, как могли, лечили всей семьёй. Даже мы, малыши, скатывали в рулоны отстиранные от гноя и проглаженные утюгом бинты для повторного использования.

К зиме стало нечего есть. Тогда мама и золовка Зинаида Андреевна Шукунова отправились в опасный поход по оккупированным станицам менять вещи из дома на еду. Тетя Зина потом восхищалась храбростью мамы. Их подвозили даже немцы, а русский полицай предостерег от захода в станицу, где зверствовали

румыны. По обледенелой кладке, рискуя упасть, они смогли уйти на другую сторону горной реки. Мама простудилась, но муку и немного другой еды они принесли. В страхе мы пережили немецкое рождество со стрельбой.

Наконец, пришли наши. Рыжий комиссар испугался наказания. Был приказ не сдаваться в плен. В своё оправдание оклеветал дедушку, будто дед специально всё устроил, чтобы передать партийные документы врагу. Мы просто не могли найти их – дед настолько хитро запрятал ночью, что забыл где.

Оперативники из особых органов арестовали бедного деда, пытали, избивали. Пришли, обыскали хату и сарай, но документов не нашли. На глазах детей украли отцовский двуцветный карандаш и новые карманные часы последнюю ценность в доме. Когда отец уходил на войну, то оставил их, чтобы при нужде мы могли обменять на еду.

Нам всем грозила, как минимум, высылка, но мы, не один раз облазив двор и перерыв огород, мокрый и холодный после зимы, обнаружили, наконец, под межой банку с документами. Дело случая и времени! Деда отпустили. Комиссар извинялся, но бабушка Мария Дмитриевна не пустила его в хату!

Война продолжалась. В конце лета 1943 года принесли извещение, что красноармеец Анатолий Андреевич Богданов пропал без вести. Мне было 8 лет, как маме четверть века назад, когда погиб Петр Алексеевич Найтаки. После войны мама узнала с помощью Краснопресненского военкомата, что наш отец был убит возле посёлка Константиновский при освобождении Донбасса.

Горе приходило во множество семей. Каждые несколько секунд чья-то жизнь приносилась в жертву

ради светлого будущего родины и благополучия родной семьи. Отец отдал жизнь и свои таланты за нас. В отчаянии мама поступила вольнонаёмной в армию, но заболела, едва фронт подступил к Ростову-на-Дону. Она уволилась.

В Москве домоуправление отказалось прописать её в прежнюю комнатку, а домоуправ стал приставать, обещая за благосклонность всё уладить. Чтобы защититься, она записалась на приём к председателю Верховного Совета Михаилу Ивановичу Калинин, имевшему прозвание «всесоюзный староста».

Маленький старичок-председатель выслушал и, поглядывая доброжелательно из-за большого стола, сказал: «Миленькая, не беспокойся! Всё будет хорошо!» Обидчики были приведены в ужас. Домоуправ вымаливал прощение, стоя на коленях.

Нас мама смогла привезти в Москву сразу после Победы. Работала она тогда поваром в подвальной столовой министерства тяжёлого машиностроения на Большой Садовой. Может быть, ей помогали в работе дедовские гены ресторатора? Нет, она тяжело заболела и больше не могла выносить условий горячей кухни. Едва поправившись, стала искать другую работу.

Новую работу, буфетчицей, она нашла на Проспекте Мира в институте Гипромез, проектировавшем заводы чёрной металлургии для СССР и развивающихся стран.

После войны жили мы трудно. Денег нам не хватало на самое необходимое. Бывало, что возникали критические ситуации. Однажды нас обобрала мошенница. Пришла солидная тётя и принесла записку от мамы, чтобы мы передали ей на работу деньги и зимнюю одежду. А мама как раз перешла волчью шубу отца в отличную женскую куртку. Некоторое время нам приходилось жить впроголодь, и даже в бани покупать

один билет на всех в душевую кабинку.

В голодные послевоенные годы нам помогали изо всех сил старенькие родители отца, Андрей Георгиевич и Мария Дмитриевна. Летом мы, дети, приезжали к ним в Ессентуки и жили на полном обеспечении. К нашему приезду на лето после учебы они копили продукты и деньги. А Зинаида Андреевна, моя крёстная, и её муж Иван Тимофеевич помогали.

В 1949 году мама вышла замуж за Ивана Трофимовича Титова (1911–1971) с детьми Степаном и Милой. Во время войны их мать Юлия погибла на пожаре, а Ивана Трофимовича ранило в Сталинграде осколком мины на зенитной батарее. Вместе отчим и мать проработали в Гипромезе до пенсии: она в отделе кадров, а он в гараже.

Мария Петровна пользовалась таким авторитетом, что коллектив института много раз избирал её в профком. В пятидесятые годы быстро растущий Гипромез усиленно строился. Благодаря этому, наша бедственная жизнь в шестиметровой комнатке закончилась, и родители получили хорошую двухкомнатную квартиру рядом с работой.

Как известно, образование было в те времена бесплатным. Поддержка родителей, отдававших последнее, помогала нам в учёбе. Мы, трое старших, закончили институты: я – авиационный, Люся – стали и сплавов, Стёпа – металлургический, а младшая, Мила, станкоинструментальный техникум. Так Мария Найтаки выполнила обещание, данное нашему отцу, когда он уходил на войну, – обеспечить детям хорошее образование. Выросшие дети нашли неплохую работу и создали свои семьи.

В 1967 году Иван Трофимович, управляя автобусом, полным пассажиров, попал в ДТП. Он не был виноват и

никто из пассажиров не пострадал, но был ранен виновник происшествия, не умеющий толком ездить на мотоцикле. От пережитого стресса у Ивана Трофимовича случился инфаркт миокарда. Повторный инфаркт он не пережил.

Чуть раньше умерла при родах сноха Нина Владимировна от плохой свёртываемости крови. В последней записке она просила маму помочь дочери Маше. Исполняя просьбу, вдова и пенсионерка Мария Найтаки шесть лет самоотверженно растила, воспитывала и лечила от анемии кроветворения малышку. Она, конечно, помнила по своему детству, как тяжело остаться сиротой. Вылеченную внучку она проводила в школу, когда из заграничной командировки вернулся Степан, отец, и женился снова. Новая жена Татьяна Яковлевна Гайказова оказалась любящей и справедливой мамой.

Лечить внучку помогала летняя жизнь в условиях Кисловодска у Любови Ульяновны Михайленко (Клеменчук), младшей сестры Марии Петровны по матери. Их мать, Степанида Степановна (1876–1968), оставившая дочь Марию в семье Петра Найтаки, вышла замуж за железнодорожника Ульяна Клеменчука в Минводах. У них родились двое детей: Любовь и Гарри. Муж погиб, спасая напарника. Оба отравились испарениями, очищая цистерну от остатков мазута.

Осиротевшая семья переехала в Кисловодск. Здесь Любовь Ульяновна закончила школу, а в начале войны прошла срочные курсы медсестёр. Была ранена во время Керченской десантной операции и спасена с тонущего корабля моряками подошедшего катера. После войны она работала в кисловодском комбинате бытового обслуживания. Была известной общественницей. Умерла она в Кисловодске и похоронена рядом с матерью и

мужем.

Муж, Павел Семёнович Михайленко, тоже ветеран войны, работал врачом в санатории. А младший брат Гарри Ульянович был одним из руководителей партизанского движения на Кавказе, воевал суровой зимой 1942 года в снегах Эльбруса и заболел астмой и ревматизмом. Умер он от болезни в Черкесске. О нём рассказывает музей обороны Кавказа на дороге в Домбай. Детей у брата и сестры Клеменчук не было.

Мама оставила сведения о «Синей блузе» в музее города Ессентуки. Там же хранятся портрет и мемуары брата отца Владимира Андреевича, прошедшего всю войну и закончившего её в Чехословакии в 1946 году. Мария Петровна с детьми часто приезжала из Москвы и жила у родителей мужа в Ессентуках, а после их смерти у матери и сестры в Кисловодске.

В последней поездке на КМВ перед развалом СССР Мария Найтаки, как я догадывался, попрощалась с домом отца в Минводах и домом дяди в Пятигорске, памятными ей с детства. Она их нам так и не показала. В прошлые времена говорить детям о дореволюционной жизни было опасно.

После перестройки и распада СССР мама долго и тяжело болела. Пепел покоится на Введенском кладбище в Москве.

На Марии Петровне закончилась эта ветвь фамилии Найтаки. Двести с лишком лет жизни кавказского рода Найтаки остались в прошлом. Судя по тому, что известно об остальной родне, на Кавказских водах эта фамилия более не появлялась. Потомки получили иные фамилии и другие профессии; среди них нет ни купцов, ни рестораторов.

Секрет фамилии

На Кавказских курортах трудился когда-то легендарный ресторатор Петр Афанасьевич Найтаки (1777-1857). Следы фамилии Найтаки обнаруживаются веком ранее, когда построенный Петром I флот помог одержать победу в Азове. Исчезла фамилия вслед за распадом СССР.

Среди греков эта фамилия – редкость. Исходя из созвучия с известными словами, можно предложить несколько объяснений того, как она появилась. Из них, мне кажется, ближе всего к истине находится происхождение от старинного названия одной из самых распространённых такелажных работ на кораблях – соединения снастей.

*Мы сгинем, наш сотрётся след,
Таков наш рок, таков закон; ...*
М.Ю. Лермонтов, Отрывок, 1830

Вот одно из предположений, откуда взялась эта фамилия. Известно, что Греция вела борьбу за свободу. В ней участвовали среди других и русские, и англичане и другие неравнодушные люди. Английское слово *knight* (*рыцарь*) созвучно с корнем фамилии Найтаки. Может быть, из этого слова получилась фамилия? А ещё, кажется, на острове Фиджи есть местность, называемая Найтаки, а в Якутии – озеро с таким же названием. Какие просторы для фантазии! Имеются, однако, варианты, более близкие к реальности.

Кавказский краевед М.Ф. Дамианиди предположила, что фамилия возникла при переписи греков и албанцев, иммигрировавших на юг России. Афанасий, отец кавказского ресторатора Петра, не знал русского языка и на вопрос: «Как фамилия?» — ответил — «На Итаке», — назвав остров на Адриатике, где он прежде жил, что и было записано как фамилия. На первый взгляд кажется, что это могло случиться. Действительно, об Афанасии нам не известно ничего. Письменные свидетельства начинаются с сына. Но они не относят семью Найтаки к иммигрантам!

Найтаки имели в городе Таганроге дом и под залог дома Алексею, внуку Афанасия, ссудили 10 тысяч рублей серебром – немалые деньги. Он закупил для армии сукно в Москве, оружие в Туле и спирт в Астрахани. Брат Егор женился на дочери чиновника. Ближе к этому времени отец Пётр получил в аренду три лучшие гостиницы. Несомненно, арендодатели отказались бы рисковать ради малознакомых пришельцев. Напротив, купцы Найтаки пользовались их доверием, и по-русски

они, конечно, говорили. Странно, что дед Афанасий не понял простейшего вопроса: «Как тебя зовут?». Вывод – путаница с переписью, если она была, случилась задолго до переселения греков во времена Екатерины.

Я обдумывал эту легенду и так и этак. Вспомнилось слово *найтовать*. Кажется, это слово встречалось мне много лет назад, когда я в студенческие каникулы ходил матросом на трофейной немецкой крейсерской яхте с друзьями маёвцами и композитором А.А. Голубенцевым, нашим капитаном. Гроту и кливеру большой яхты было тесновато среди парусов мелких швертботов, заполнявших Клязьминское водохранилище под Москвой.

Недавно в словаре иностранных слов, изданном в республике Беларусь, я обнаружил нидерландское слово *naaitouw* – найтов. Оно было составлено из *naai* – шитьё и *touw* – канат и обозначало соединение канатов. Представьте себе, что будет, если соединить най (*naai*) с корнем известного термина такелаж (*takelage*)? Я попросил сестру Люсю поискать близкие слова в интернете. Корневое слово *takel* переводилось с нидерландского как снасть или блок, а с немецкого как такелаж. И вот (открылось!), составное слово *naaitakel* означало по-нидерландски «шитьё снастей или блоков». Эта работа корабела над такелажем учитывалась краткой записью «*найтакил Имя рек*»!

При Петре I в российской империи, как выразились бы сейчас, «внедрялась» паспортная система. По созвучию писарь мог вписать грека-умельца в паспорт или в другую официальную бумагу в «греческом» стиле: «*Найтаки Имя*». Если греческое имя начиналось со звука *л*, как, например, *Леонид*, то паспортная и рабочая записи произносились не только близко, но практически одинаково! Тот «Леонид» был львом в работе и прозвище стало фамилией для потомков!

Напомню, что легенда об ошибке при переписи объясняет всё просто. Однако, объяснение через профессию – не легенда: оно имеет глубокие исторические основы. В те времена Российская империя упорно «пробивала западное окно» на Балтике и долго воевала с Османской империей за южные морские берега.

Лучшие государи, особенно Пётр I, уделяли большое внимание флоту. Учителями в строительстве кораблей были многочисленные голландские плотники на воронежской верфи. Сам Пётр обучался плотничному делу на голландской верфи во время Великого посольства. При нём корабельная терминология была голландская (нидерландская).

На тогдашних кораблях паруса, якоря и части такелажа (тали, блоки и т.д.) присоединялись и управлялись канатами. Места соединения канатов скрепляли швом и плотно обматывали тонким концом или, говоря по-бытовому, верёвкой. Похожим способом соединялись ветви рангоута: мачты, реи, стеньги и прочее.

На знаменитом заводе «Звезда» я, начинающий инженер, научился у работниц в цехе делать подобную намотку нитью на шнурах, когда участвовал в создании скафандров для Ю.А. Гагарина и космонавтов первого отряда. Называлась намотка шпаговкой. Простая, но хитрая заделка концов намотанной нити не распускалась при любых действиях. По аналогичной схеме найтовят до сих пор на флоте. Любопытно, что инфинитив найтакить превратился в найтовить в море, а в космосе изменился на шпаговать.

По Азовскому морю, завоеванному Петром I, ходил среди военных галер и прочих кораблей первый русский линейный 58-ми пушечный корабль «Гото-Предестинация» (в переводе с нидерландского «Божье

предвидение»). Отличный боевой парусник служил флагманом азовского флота.

Его спроектировал и назвал сам государь. Корабль заложили в 1698 году на верфи Воронежского адмиралтейства. В 1700 году корпус корабля спустили на воду. Южной базой русского флота была взятая в 1696 году со второй попытки турецкая крепость Азов. Я уверен, что большой корабль, сплавленный по реке Дон,

П.А. и М.П. Найтаки, «Гото-Предестинация» и парк в
Ессентуках

оснащали такелажем именно в Азове перед выходом из реки в море. Точно известно, что упомянутый выше Пётр Афанасьевич Найтаки перебрался на Кавказ из

Таганрога. Значит, до того, как царь Петр основал Таганрог, Найтаки обитали в близком Азове. Неизвестно, правда, прибыли Найтаки из России или жили здесь ещё при турках.

К какому поколению относился корабельщик, видевший царя? Для 1700 года получается, что он жил в 3-м поколении до Петра Афанасьевича. Следовательно, наша мать, правнучка Петра, носила фамилию в 7-м поколении от корабельщика. В нашей квартире этот экскурс в прошлое изображает модель парусника. Набор деталей, отлитых в Москве к 300-летнему юбилею петровского корабля, я купил на кисловодском рынке. Знаменательно, что нитки сплелись у модели в след от канатов, над которыми найтакил первый Найтаки.

В 1711 году по договору о перемирии с Петром I турки вернули себе Азов, а русские разрушили крепость Таганрог. Через четверть века при императрице Елизавете, дочери Петра I, Азов снова стал российским. Но Россия не имела право держать здесь военный флот. Пращур и другие жители могли использовать древесину разобранных кораблей, когда восстанавливали Таганрог. А что? Наверное, использовали, ведь на юге с деревом всегда были проблемы! Конечно, если за прошедшие годы что-то было сохранено на берегу, а не сгнило, не сгорело, не сгнуло в море или не было угнано в туретчину.

При императрице Екатерине II и князе Г.А. Потёмкине после присоединения Крыма адмиралтейские верфи открылись в Севастополе и Николаеве. Однако, Найтаки уже интересовались не кораблями, а событиями на Кавказе.

На новые земли переселялись помещики, колонисты, старообрядцы, купцы, казаки и военные. В правление Екатерины II или Павла I Пётр Афанасьевич, правнук

корабела, записался купцом 3-й гильдии и переехал в Ставрополь. Согласно «Жалованной грамоте городам» от 1785 года в этой гильдии состояли купцы с капиталом от 1000 до 5000 рублей. В дальнейшем Пётр и сыновья Егор и Алексей, как и другие купцы, снабжали всем необходимым Кавказскую армию, а также занимались местными торговыми делами. Более двадцати лет Найтаки управляли элитарными гостиницами в Ставрополе, Пятигорске и Кисловодске. Две последние служили Домами благородного собрания на водах.

Их благородные постояльцы и посетители славились скандалами и дуэлями. Несмотря на неудовольствие высокого начальства, заведения не закрывали. По мнению света они считались здесь «единственно приличными». Ставропольские постояльцы отмечали старательность и опрятность слуг и расторопность управляющего – невысокого, смуглого, быстрого грека с огромными чёрными усами и бакенбардами. Один постоялец величал «вечным». Шутя, он говорил правду!

Вы согласитесь, я уверен, что Найтаки, трудившиеся подобно вечным двигателям, заслужили вечную память! Мы теперь знаем, что они принимали на себя, как патриоты, испытания, постигшие родину Россию. Они с честью носили свою фамилию как особый знак мастеровитости, пожалованный при царе реформаторе Петре I, и, почитая славное прошлое, давали сыновьям имена Петр и Алексей. Наш дед получил «царское» имя Пётр Алексеевич. Жизнь его прервалась, как жизнь Михаила Лермонтова от пули в грудь. Быть может, эта аналогия неуместна? Убийства случились в разные эпохи, но удивительно совпали места и причины! Оба были убиты на КМВ и оба стали жертвами людей с амбициями рабов.

Никакой мистики в истории рода Найтаки не

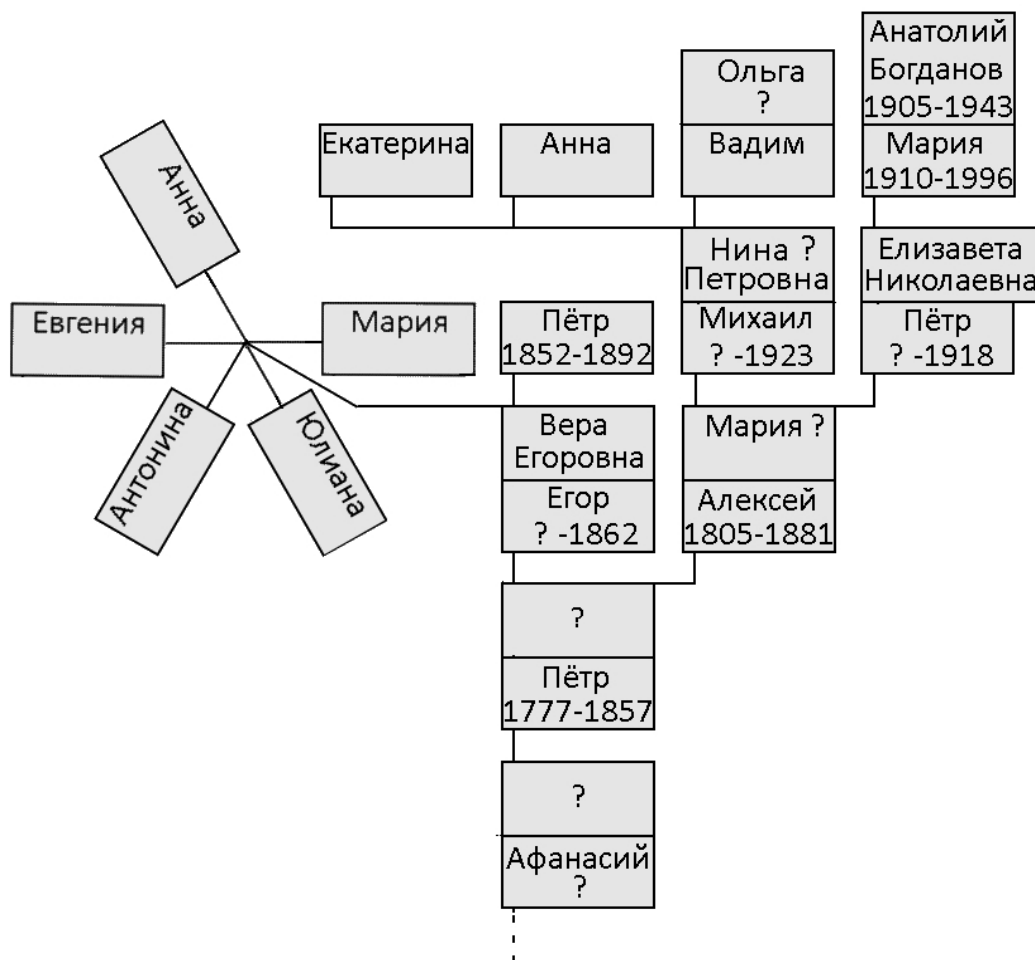
обнаружилось. Всё имело реальные причины Триста лет под этой фамилией, как под крепким парусом, шли через бури истории достопамятные греки – сначала умелые корабельщики, потом славные рестораторы и успешные купцы и, наконец, обычные люди, трудолюбивые и порядочные.

Заключение. Родословная

На основании изложенного составим родословную греков Найтаки, живших на Северном Кавказе. Правда, со множеством вынужденных пропусков и вопросов.

Родословная кавказских Найтаки

В этой родословной мы видим пять поколений российских жителей, наших предков. Из них четыре поколения обитали на КМВ. Их жизнь сложилась в необыкновенную историю. До сих пор она остаётся во многом таинственной и закрытой вследствие известных истори-

ческих событий, «грозой прошедших» над страной.

В XIX веке рядовой купец 3-й гильдии Пётр сын Афанасия торговал и доставлял обозами всё необходимое для армии, воевавшей на Кавказе. Когда он достиг пожилого возраста, удачное стечение обстоятельств позволило ему изменить занятие и взять в аренду лучшие гостиницы на модных курортах. Результат был неожиданным. Он и потомки будто родились для этого дела.

Они в общей сложности более 60 лет управляли гостиницами и ресторациями с отличной доходностью, щедро меценатствовали, пользовались известностью. Даже в столицах рассказывали об обедах «у Найтаки». А в гостиницах кто только не бывал! Тут Пётр Найтаки помогал Лермонтову устроиться жить и лечиться на водах. Толстой в перерывах между сочинением повестей обедал в долг «у Найтаки». Здесь останавливалось и питалось множество знаменитостей.

По словам одного поэта каждый человек способен светить будто солнце. «Светить и никаких гвоздей!» Среди сияющих солнц Найтаки оставались скромными людьми и отличными профессионалами. Солнца личностей светились, пока революционный катаклизм не погасил их.

Строя коммунизм, мы знали о светлой жизни предков мало. Говорить правду было опасно и старшие в семьях молчали о том, что они знали. В те времена, став добровольными членами отрядов коммунистического труда, мы не зря клали бетон на «горящих» стройках социализма в лютый мороз при свете прожекторов под красными плакатами «вперед к победе коммунизма!» и «советский человек будет жить при коммунизме!» Предсказания лозунгов сбылись. Советские люди нашлись. Правда, немного. И не зря их называют элитой общества. Идея «от каждого по способностям, каждому по по-

требностям» осуществилась. А мы получили прекрасный навык коллективного труда. Трудиться вместе – это замечательно! Хотя за это нам теперь приходится расплачиваться.

В новое время нам светит с небес удивительное солнечного гало – прекрасный символ слияния наших мнений, внешне разных, а по сути общих. Разносторонние взгляды поднимают уровень понимания, делая его уникальным, как гало в природе. Думается, что, пока мы работали над этой книжкой, нам светило тройное гало, самое редкое среди двойных, треугольных, ромбических и крестообразных видений.

Спасибо тебе, любимая сестричка Люсенька, и твоему мужу дорогому Витеньке, что вы приняли близко к сердцу историю предков и наши труды завершились отличным результатом. Уверен, что благодаря вашей бескорыстной помощи, воспоминания наполнились подробностями, которые объяснили многое из произошедшего в прошлом.

Полагаю, что рассказ о прошлых временах получился ясным и лёгким для чтения юными и стариковскими глазами. Надеюсь, что с помощью этой книжки потомки узнают предков, поймут, как они жили и чем занимались. Историки найдут новые факты и трактовки, а любознательные читатели увлекутся повестью, описывающей необычные обстоятельства, при которых Найтаки начинали новое дело на Кавказских водах.

Содержание

	стр.
Вступление.....	3
В Кисловодске в 1836 году.....	5
Глава 1. Посетители и работники.....	6
Глава 2. Встреча с ресторатором.....	10
Глава 3. Место, где исцелялись.....	15
Глава 4. Лечение и торговля.....	23
Глава 5. На обед после прогулки.....	33
Глава 6. Обед и отдых.....	40
Глава 7. Купеческая поездка.....	50
Глава 8. Дорожные размышления.....	58
Глава 9. Конец первого дня.....	65
Глава 10. Охотничья партия.....	77
Глава 11. Пятигорский госпиталь.....	89
Глава 12. Нападение горцев.....	100
Дальнейшее.....	108
Примечания.....	112
1. Кисловодская ресторация.....	112
2. Кухня.....	119
3. Свидетельства о Найтаки.....	121
4. Названия речек.....	126
5. Аренда казённых рестораций.....	126
6. Пятигорская ресторация.....	127
7. Ставропольская гостиница.....	130
8. Стрельба с коня.....	135
9. Свидетельства о нападении.....	137
Летопись и памятники (1777-2017 г.г.).....	145
Последняя Найтаки.....	187
Секрет фамилии.....	207
Заключение. Родословная.....	215

